

БОРИС
ВИАН

*Я приду плюнуть
на ваши могилы*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Знаменитый французский писатель Борис Виан был известен также как изобретатель, автор песен и джазовый исполнитель, журналист, сценарист, критик. Этим занятиям хватило бы на несколько жизней, а не на 39 лет, отпущенных ему. Знаток и ценитель «черного романа», он опубликовал несколько произведений в этом духе под псевдонимом Вернон Салливан, и они имели шумный, скандальный успех. В результате громкого судебного процесса автор даже был приговорен к тюремному заключению.

В настоящее издание вошли романы «Я приду плюнуть на ваши могилы» и «У всех мертвых одинаковая кожа», опубликованные под псевдонимом Вернон Салливан как образчик так называемой садистской прозы.

- [Борис Виан](#)
 -
 - [Я приду плюнуть на ваши могилы](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [У всех мертвых одинаковая кожа](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)

- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)

- [notes](#)
 - [1](#)

Борис Виан

Я приду плюнуть на ваши могилы (сборник)

«J'IRAI CRACHER SUR VOS TOMBES» de Boris VIAN

© Christian Bourgois éditeur 1974

© Librairie Arthème Fayard 2003 pour l'édition en Œuvres complètes

«LES MORTS ONT TOUS LA MÊME PEAU» de Boris VIAN

© Librairie Arthème Fayard 1999 pour l'édition en Œuvres complètes

© Г. Сергеев, перевод, 1993

© В. Кислов, перевод, 1993

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Я приду плюнуть на ваши могилы

Никто не знал меня в Бактоне. Клем потому и выбрал этот городок. Впрочем, если бы даже я и сдрейфил, у меня не было бензина, чтобы двинуться дальше к северу. Оставалось литров пять, не больше. Плюс один доллар да письмо Клема – вот и все, что я имел. О чемодане лучше не говорить. Особенно о его содержимом. Да, забыл: в багажник я сунул небольшой револьвер Мальша, дешевенький револьвер калибра 6,35; он все еще лежал у него в кармане, когда шериф пришел сказать нам, что мы можем забрать и похоронить тело. Говоря по правде, больше всего я рассчитывал на письмо Клема. Мне должно повезти, мне обязательно должно повезти. Я рассматривал свои руки, лежавшие на руле, пальцы, ногти... И правда, тут все в порядке. Придраться не к чему. Может быть, мне и удастся вывернуться...

Мой брат Том знал Клема по университету. Клем держался с ним не так, как остальные студенты. Он охотно болтал с ним, они выпивали вместе, катались на «кадиллаке» Клема. Тома и терпели там только из-за Клема. И когда он уехал, чтобы стать во главе фабрики после смерти отца, Тому пришлось тоже сматывать удочки. Он вернулся к нам. Том успел-таки многому выучиться, и ему удалось получить место учителя в новой школе. А потом эта история с Мальшом. На его месте я бы помалкивал, но Мальш был не такой. Он не видел в этом ничего плохого. И тогда отец и брат этой девчонки решили с ним разобраться.

Вот почему мой брат написал Клему. Я не мог больше оставаться в этих краях, и он просил Клема подыскать что-нибудь для меня. Не слишком далеко, чтобы мы могли видеться время от времени, но и не слишком близко, чтобы нас никто там не знал. Он думал, что с моей внешностью и характером мы абсолютно ничем не рискуем. Возможно, он был и прав, но я все время помнил о Мальше.

Заведующий книжной лавчонкой в Бактоне – вот в чем состояла моя новая служба. Я должен был познакомиться с прежним заведующим и за три дня войти в курс дела. Его переводили ступенью выше, и напоследок ему, должно быть, хотелось пустить пыль в глаза.

Светило солнце. Теперь улица называлась Пирл-Харбор-стрит. Возможно, Клем этого не знал. На табличках еще можно было прочесть и старое название. Под номером 270 я увидел магазин и остановил мой старенький «Нэш» перед дверью. Заведующий, сидя за кассой, сверял какие-то цифры по ведомости. Это был человек средних лет с жестким взглядом голубых глаз и бледно-желтыми волосами. Я поздоровался.

– Добрый день. Желаете что-нибудь купить?

– У меня к вам письмо.

– А! Так это вам я должен передать дела. Дайте-ка я взгляну на письмо.

Он взял его, прочел, затем сложил и вернул мне.

– Это не сложно, – сказал он. – Вот товар (он сделал жест рукой). Счета я подобью к вечеру. Что касается сбыта, рекламы и прочего – следуйте указаниям финансовых инспекторов главной конторы и бумагам, которые будете получать.

– Это филиал?

– Да, филиал.

– Хорошо, – кивнул я. – Что идет лучше всего?

– О! Романы. Скверные романы, но что нам за дело до этого? Религиозная литература тоже идет неплохо. Учебники. Детские книжки – не очень, серьезные книги – еще меньше. Я никогда не пытался развивать это направление.

– Религиозная литература – это для вас несерьезно?

Он облизал губы языком:

– Этого я не говорил.

Я от души рассмеялся.

– Не смущайтесь, я тоже не слишком верующий.

– Что ж, тогда я дам вам один совет. Держите ваше мнение при себе и каждое воскресенье ходите слушать пастора, иначе вас живо отсюда выставят.

– Отлично, – сказал я, – буду по воскресеньям слушать пастора.

– Держите, – сказал он, протягивая мне листок. – Проверьте. Это счета за последний месяц. Все очень просто. Книги мы получаем из центрального магазина. Надо только вести учет поступлений и продажи в трех экземплярах. За деньгами приезжают каждые две недели. Вам будут платить в чеках, с небольшим процентом.

– Давайте это сюда, – сказал я.

Я взял листок и уселся за низкий прилавок, заваленный книгами, снятыми с полок покупателями. Наверное, у него не было времени поставить их обратно.

– Что еще интересного в этих краях? – спросил я снова.

– Ничего. Есть девочки в аптеке напротив и виски у Рикардо в двух кварталах отсюда.

Несмотря на свои резкие манеры, он был довольно приятным типом.

– Сколько вы уже торчите здесь?

– Пять лет, – сказал он. – Осталось еще пять.

– А потом?

– Вы слишком любопытны.

– Сами виноваты. Зачем сказали, что осталось еще пять лет? Я ведь вас об этом не спрашивал.

Он слегка улыбнулся и прищурил глаза.

– Вы правы. Так вот, еще пять лет, и я уйду с этой работы.

– И чем займетесь?

– Буду писать, – сказал он, – писать бестселлеры: романы исторические, романы про то, как негры спят с белыми и их за это не линчуют, романы про то, как молодые чистые девицы умудряются сохранить невинность в рабочих предместьях, населенных подонками...

Он ухмыльнулся.

– А потом... оригинальные и смелые романы, ведь так легко быть смелым в этой стране: говори то, что и так любому ясно.

– А вы сможете?

– Конечно смогу. Шесть романов у меня уже готово.

– Вы не пробовали их пристроить?

– У меня нет в издательствах ни друзей, ни подруг, а для издания за свой счет я еще не накопил денег.

– Ну, а когда накопите, что тогда?

– Вот как раз через пять лет и накоплю.

– Из вас наверняка получится хороший писатель, – заключил я.

В следующие два дня у меня было много дел. Хоть работа и впрямь оказалась нетрудной, все же надо было в ней как следует разобраться; кроме того, Хансен – так звали заведующего – дал мне некоторую информацию о постоянных клиентах, заходивших поболтать о литературе. Впрочем, их знания ограничивались «Субботним обозрением» да литературными страницами местного журнальчика, имевшего, однако, тираж 60 тысяч. На данный момент я довольствовался тем, что слушал их беседы с Хансеном и пытался запомнить, как кого зовут и кто как выглядит. В книжных магазинах, как известно, больше, чем где-либо, принято узнавать клиента, едва он соблаговолит переступить через порог.

Кроме того, мне удалось переснять те две комнатухи, в которых Хансен жил все это время, – в доме напротив, том самом, где помещалась аптека. К тому же он выдал мне немного денег авансом, чтобы хватило расплатиться за три дня в гостинице, и два дня из этих трех кормил меня обедом, не позволив причислить эти расходы к моему долгу. Одним словом, показал себя своим парнем. Но эта затея с бестселлерами мне не понравилась: бестселлеры так не пишут. Остается надеяться, что у Хансена талант.

На третий день он повел меня к Рикардо пропустить по рюмке перед завтраком. Было десять часов, он уезжал после обеда.

В последний раз мы завтракали вместе. Он сейчас уедет, и я останусь один на один с этим городом, с этими клиентами. И то какая удача, что я встретил Хансена, без него мне бы пришлось туго с моей долларовой купюрой. Но теперь дела шли как надо.

У Рикардо было прилично, обычно и противно. Пахло жареным луком и пончиками. За стойкой невыразительный тип лениво листал журнал.

– Что прикажете? – спросил он.

– Два виски, – заказал Хансен, посмотрев на меня.

Я кивнул.

Официант принес два больших стакана. В них плавал лед и торчали соломинки.

– Мне нравится так, – пояснил Хансен, – не подумайте, что я вас принуждаю.

– Ничего, – сказал я.

Если вам приходилось пить виски со льдом через соломинку, то вы знаете, что это за штука: в небо будто бы ударяет струя огня, впрочем, огня приятного.

– Знато, – похвалил я.

Тут я увидел себя в зеркале напротив. Вид у меня был обескураженный. Я давно не пил. Хансен рассмеялся.

– Не расстраивайтесь, – сказал он, – скоро привыкнете. А мне вот придется теперь других официантов учить своим маленьким прихотям – там, где я стану напиваться.

– Жаль, что вы уезжаете.

Он засмеялся.

– Если бы я остался, пришлось бы уехать вам... Нет, – продолжал он, – хорошо, что я уезжаю. Больше пяти лет... Боже мой!

Он допил залпом и заказал еще.

– Вы быстро приспособитесь. – Он окинул меня взглядом. – Вы недурны собой, но в вас есть что-то для меня непонятное. Ваш голос.

Я молча улыбнулся. Чертов тип.

– У вас слишком густой голос. Вы не поете?

– Пою иногда, чтобы поразвлечься.

Теперь я уже больше не пел. До истории с Мальшом – да, я пел, подыгрывая на гитаре. Пел блюзы Хэнди, пел старинные песни Нового Орлеана, пел кое-что свое, импровизируя на гитаре. Но теперь никакого желания петь у меня не было. Теперь, кроме денег, меня ничего не интересовало. Мне нужно было много денег, чтобы сделать то, что я задумал.

– С таким голосом все женщины будут ваши, – сказал Хансен.

Я пожал плечами.

– Вас это не интересует?

Он хлопнул меня по спине.

– Загляните-ка в аптеку напротив. Может, удастся кое-кого подцепить. У них там в безалкогольном баре нечто вроде клуба. Малолеточки. Те самые, что носят красные носочки и пишут письма Фрэнку Синатре. Так вот, эта аптека – их генеральный штаб. Вы уже должны были

это заметить. Нет? Ах да, вы же все эти дни не выходили из магазина.

Я заказал еще виски. Оно уже чувствовалось во всем теле.

Там у нас такого не было. Мне этого захотелось. Малолетки лет пятнадцати-шестнадцати с острыми сосочками, выпирающими из-под облегающих футболок, что доставляет этим мерзавкам особенное удовольствие. И носочки. Ярко-желтые или ярко-зеленые; туфельки без каблуков; пышные юбки; круглые колготки; садятся на траву, скрестив ноги так, что выглядят белые трусики. Да, мне очень этого захотелось, этих девчонок в носочках.

Хансен смотрел на меня.

– Все они не прочь, – сказал он, – вы ничем не рискуете. Они знают кучу мест, куда могут вас затащить.

– Вы меня принимаете за свинью?

– О нет, я имел в виду потанцевать.

Он улыбнулся. Без сомнения, у меня был заинтересованный вид.

– Они забавные, – сказал он, – будут заходить к вам в магазин.

– Что им там делать?

– Они обычно покупают фотографии актеров и, как будто между прочим, книжонки по психоанализу, то есть я имею в виду по медицине. Они все просто влюблены в медицину.

– Ладно, – пробурчал я, – посмотрим.

Должно быть, на этот раз мне удалось сделать равнодушный вид, и Хансен перевел разговор на другую тему. Мы закончили завтрак, и около двух он уехал. Я остался один на один с моим магазином.

Думается, прошло дней пятнадцать, прежде чем я начал скучать. Все это время я не выходил из магазина. Торговля шла хорошо; книги расходились быстро; реклама была налажена как надо. Каждую неделю вместе с новыми поступлениями книг фирма присылала иллюстрированные рекламные буклеты, которые я выставлял вместе с соответствующей книгой так, чтобы они бросались в глаза. Как правило, мне было достаточно прочесть коммерческую рецензию и проглядеть пять-шесть страниц, чтобы уяснить, о чем в ней шла речь. Во всяком случае, этого было достаточно для ответа на вопросы тех несчастных, что клевали на яркую обложку и фото автора на буклете. Книги достаточно дороги, а это кое-что значит; люди вообще мало заботятся о том, чтобы купить хорошую книгу, им нужно то, о чем говорят, что популярно в клубе, который они посещают; что же касается содержимого, то на него им наплевать.

Некоторые книжки я получал кипами с рекомендацией выставлять их в витрине. Я складывал их штабелями у кассы и всовывал в руки каждому вместе с рекламным буклетом на глянцевого бумаге. Обычно никто не отказывался: несколько фраз внутри буклета вполне соответствовали городской клиентуре. Эта система обеспечивала фирме распродажу скандальных книжонок за полдня.

Честно говоря, я не то чтобы заскучал, но, усвоив всю рутинную сторону коммерции, получил свободное время, чтобы подумать о главном. Пока все шло слишком хорошо. Это меня и беспокоило.

Кончалось лето. В тени под деревьями, у реки, уже становилось прохладно. С самого приезда я никуда не выбирался и совсем не знал окрестностей. Я испытывал потребность в свежем воздухе. Но, пожалуй, другая потребность беспокоила меня еще больше. Мне нужна была женщина.

Как-то вечером, опустив, как обычно, в пять часов на витрину железную штору, я не остался в магазине, чтобы еще поработать при свете лампы, а надел шляпу, прихватил пиджак и направился напрямик в аптеку. В аптеке сидели трое: юнец лет пятнадцати и две девицы примерно того же возраста. Они смерили меня отсутствующим взглядом и опять уткнулись в свои стаканы с молочным коктейлем. От одного вида этого продукта меня чуть не стошнило; к счастью, в кармане пиджака лежала фляга с «противоядием».

Я сел за стойку рядом с одной из девиц. Официантка, довольно невзрачная брюнетка, увидев меня, лениво повернулась.

– У вас есть что-нибудь без молока? – спросил я.

– Лимонный, – предложила она, – грейпфрутовый, томатный, кока-кола.

– Грейпфрут, – сказал я. – Доверху не наливайте.

Я сунул руку в карман пиджака и достал флягу.

– Здесь нельзя распивать спиртное, – вяло запротестовала официантка.

– Да, да, конечно, – усмехнулся я, – это всего лишь лекарство. Насчет своей лицензии можете не волноваться.

Я протянул ей доллар. Сегодня утром я как раз получил жалованье. Девяносто долларов за неделю. Да, Клем знал людей. Официантка дала мне сдачу, я довольно много оставил ей на чай.

Виски с грейпфрутом, конечно, не самый лучший вариант, но, во всяком случае, это лучше, чем виски без ничего. Выпив, я почувствовал себя лучше. Теперь я был вполне в своей тарелке. Эти трое меня разглядывали. Для таких сопляков двадцатилетний – почти старик; я улыбнулся своей соседке; это была маленькая блондиночка в тонком шерстяном джемпере небесно-голубого цвета в белую полоску, с рукавами, закатанными до локтя, в белых носочках и

туфельках на толстой каучуковой подошве. Она была миловидна, хорошо развита; если прикоснуться, то, наверное, упруга, как спелая слива. На ней не было лифчика, и соски вырисовывались сквозь материю вполне отчетливо. Она мне тоже улыбнулась.

– Жарко? – начал я.

– Смертельно, – сказала она, потянувшись и показав два влажных пятнышка под мышками.

Это на меня подействовало. Я поднялся и бросил пять центов в автоматический проигрыватель, который стоял в углу.

– У тебя хватит духу потанцевать? – сказал я, подойдя.

– Ну, ты хочешь меня убить! – сказала она и приклеилась ко мне так плотно, что у меня перехватило дыхание.

От нее пахло как от ухоженного младенца. Она была такой тоненькой, что я смог достать правой рукой ее правое плечо. Я поднял руку повыше и скользнул пальцами по груди. Глядя на нас, те двое тоже начали танцевать. На пластинке Дина Шор пела свой «Летающий пирог». Девушка подмурлыкивала. Официантка подняла нос от журнала, глянула на нас и снова углубилась в чтение.

У нее ничего не было под кофточкой; это сразу чувствовалось. Я с нетерпением ждал, когда же кончится пластинка. Еще две минуты, и это стало бы уже неприлично. Наконец девушка отлипла, вернулась на место и взглянула на меня.

– Для взрослого ты танцуешь ничего.

– Меня научил мой дедушка, – ответил я.

– Это видно, – пошутила она, – стиль немного староват.

– В джайве ты меня, может, и обставишь, но зато я могу тебя подучить кое-чему другому.

Она слегка прикрыла глаза:

– Чему-нибудь взрослому?

– Если тебе захочется.

– Так вот куда ты гнешь...

– Ты не знаешь, куда я гну. У кого-нибудь из вас есть гитара?

– А вы играете на гитаре? – спросил юнец. Похоже было, что тут он проснулся.

– Чуть-чуть, – сказал я.

– В таком случае, и поете? – спросила вторая девушка.

– Немного.

– У него голос как у Кэба Кэллоуэя, – пошутила первая.

Ей явно не понравилось, что те двое со мной заговорили. Надо было ковать железо, пока горячо.

– Найдите мне местечко, где была бы гитара, – сказал я, глядя на нее, – и я покажу, на что способен. Я, конечно, не В. С. Хэнди, но блюзы играть умею.

Она выдержала мой взгляд:

– Ладно, пошли к Би-Джи.

– У него есть гитара?

– У нее есть гитара – у Бетти Джейн.

– Это мог быть и Барух Джуниор, – пошутил я.

– Именно здесь он и живет. Пошли.

– Прямо сейчас? – спросил юнец.

– Почему бы и нет, – ответил я, – если ей загорелось.

– О'кей, – сказал он, – меня зовут Дик. Это Джики.

Он указал на ту девушку, с которой я танцевал.

– А я – Джуди, – сказала вторая.

– Ну а я – Ли Андерсон, – сказал я, – у меня тут напротив книжная лавка.

– Уже две недели, как это всем известно.

– Тебя это так заинтересовало?

– Конечно, – вставила Джуди, – тут мало мужчин.

Несмотря на явное неудовольствие Дика, мы все вчетвером вышли на улицу. У девиц вид был довольно возбужденный. Я прихватил с собой достаточно виски, чтобы возбудить их еще больше, когда понадобится.

– Следую за вами, – сказал я, когда мы оказались снаружи.

Машина Дика, «крайслер» устаревшей модели, стояла у дверей. Он посадил девиц вперед, а я устроился на заднем сиденье.

– Чем занимаемся, молодые люди? – спросил я.

Машина рывком тронулась, и Джики забралась коленками на сиденье и повернулась, чтобы мне ответить.

– Трудимся, – сказала она.

– Учеба? – предположил я.

– В том числе...

– Перебирайся сюда, – сказал я, повысив голос из-за шума ветра, – удобней будет говорить.

– Как бы не так, – пробормотала она и опять слегка прикрыла глаза. Должно быть, она подцепила этот приемчик из какого-нибудь фильма.

– Не хочешь себя компрометировать?

– Ладно уж, – сказала она.

Я подхватил ее за плечи, и она стала перелезать через спинку сиденья.

– Эй вы, – сказала Джуди, – странный манера разговаривать.

Я решил посадить Джики слева от себя, а по пути – прихватить ее за хорошие места. Получилось неплохо. Было заметно, что шутка пришлась ей по душе. Я усадил ее на сиденье и обхватил рукой.

– Теперь спокойно, – сказал я, – а то нашлапаю.

– Что это у тебя во фляжке? – спросила она и полезла под пиджак, который лежал у меня на коленях. Не знаю, нарочно ли это было сделано, но если да, то она ловко попала в цель.

– Не нервничай, – сказал я, убирая ее руку, – я тебя обслужу.

Я открутил никелированную пробку и подал ей фляжку. Она сделала большой глоток.

– Не всё, – вдруг завопил Дик; он следил за нами через зеркало. – Ли, оставь мне, старый крокодил!

– Не бойся, у меня есть еще.

Он перехватил руль одной рукой, а другую протянул назад, к нам.

– Эй, не дури! – сказала Джуди. – А то куда-нибудь вмажемся.

– Какая рассудительность, – сыронизировал я. – Ты никогда не теряешь хладнокровия?

– Никогда, – ответила Джуди и, на лету перехватив флягу, вернула ее мне уже пустой.

– Ну, – одобрительно сказал я, – теперь лучше?

– Превосходно.

Я увидел у нее на глазах слезы, но ей удалось не показать виду, хотя голос ее звучал несколько приглушенно.

– Ну вот, – сказала Джики, – а мне?

– Сейчас еще достанем, – пообещал я, – возьмем гитару и вернемся к Рикардо.

– Везет тебе, – сказал Дик, – нам никто ничего не продаст.

– Вот что значит выглядеть так молодо, – сказал я со смешком.

– При чем здесь «молодо», – проворчала Джики.

Она начала ерзать и в конце концов уселась так, что мне ничего не оставалось, как немного поразвлечь свои пальцы. Машина резко затормозила, и моя рука небрежно свесилась с ее плеча.

– Сейчас вернусь, – объявил Дик.

Он выбрался из машины и побежал к дому, мало чем отличающемуся от соседних. Очевидно, их строил один и тот же подрядчик. Вскоре Дик вновь появился на крыльце. У него в руках была гитара в лакированном футляре. Он хлопнул дверью и в три прыжка очутился у машины.

– Би-Джи нету дома, – сообщил он. – Что будем делать?

– Гитару потом завезем, – сказал я. – Садись, поезжай мимо Рикардо, я у него подзаправлюсь.

– Хорошенькая у тебя будет репутация, – сказала Джики.

– Вот уж фиг, – уверил я ее. – Любому дураку будет ясно, что это вы заманили меня на свою грязную оргию.

Мы ехали обратно той же дорогой, но гитара несколько стесняла мои движения. У бара Дик остановился, и я пополнил свой запас еще одной бутылкой. Когда я вернулся к компании, Дик и Джуди, стоявшая на коленях на сиденье, о чем-то яростно спорили с Джики.

– Как ты думаешь, Ли, – сказал Дик, – не поехать ли нам купаться?

– Поехали, – сказал я, – если ты одолжишь мне плавки.

– Все будет о'кей.

Он завел мотор, и мы поехали. За городом наш «крайслер» свернул на довольно разбитую проселочную дорогу.

– Тут есть отличное местечко для купанья, – доложил Дик, – ни души.

– Река, и в ней форель, – съязвил я.

– Нет, галька и белый песок. Там, кроме нас, никто не бывает.

– Посмотрим, – сказал я, придерживая рукой челюсть, готовую отвалиться на каждом ухабе. – Здесь лучше было бы прокатиться на бульдозере.

– Это входит в программу, – сказал он, – зато сюда никто не сунет свой грязный нос.

Дик прибавил скорость, и я вверил свои члены судьбе. Вскоре дорога повернула и метров через двести уперлась в какие-то заросли. Дик и Джуди спрыгнули на землю, затем вылез я, прихватив Джики. Дик взял гитару и пошел вперед по узкой тропинке. Неожиданно показалась река, прозрачная, как стакан джина. Солнце висело уже низко, но жара не спадала. Вода поблескивала на солнце и подрагивала в тени, берег зарос густой травой.

– Ничего уголок, – оценил я. – Сами его раскопали?

– А ты думал, мы такие растяпы, – сказала Джики, и я получил по шее комком земли.

– Будешь шалить – кое-чего не получишь.

И я для вескости сказанного похлопал себя по карману.

– Ладно, ты, старый блюзмен, не сердись, – сказала она, – лучше покажи, на что ты способен.

– А плавки? – спросил я Дика.

– На кой они тебе? Тут же никого нет...

Я обернулся. Джуди уже стащила с себя футболку, под которой, естественно, ничего не было. Потом она выскользнула из юбки, после чего в воздух полетели ботинки и носки, и девица совершенно нагишом завалилась на траву.

У меня был довольно глупый вид, судя по тому, как она расхохоталась. Я чуть было не смутился. Дик и Джики в том же наряде развалились рядом. Между прочим, я обратил внимание на то, что парнишка щупловат: из-под кожи выпирали косточки.

– О'кей, – сказал я. – Не будем изображать приличные манеры.

Я нарочно не торопился раздеться, так как знал себе цену в голом виде, и дал им время это прочувствовать. Раздевшись наконец, я потянулся и похлопал себя по бокам. После тисканья в машине с Джики я был еще возбужден и вовсе не собирался этого скрывать, хотя они, конечно, ждали, что я спасую.

Я взял гитару в руки. Это был прекрасный «Эдифон», но играть, сидя на траве, было неудобно, и я сказал Дику:

– Слушай, я возьму подушку из автомобиля?

– Я тебе помогу, – сказала Джики и, как угорь, скользнула между веток. Ее физиономия восходящей звезды при совсем еще девчоночьем тельце выглядела среди зарослей весьма живописно. Джики убежала далеко вперед, и когда я подошел наконец к машине, она уже тащила на себе тяжелое кожаное сиденье.

– Давай мне, – предложил я.

– Обойдусь сама! – прокричала Джики.

И тут я, невзирая на вопли, как зверь, накинулся на нее сзади. Она уронила подушку и перестала сопротивляться. В тот момент меня устроила бы даже обезьяна. Джики, видимо, это почувствовала и снова стала отбиваться. Я расхохотался. Это пришлось мне по душе. Джики вырвалась и скользнула в траву, я за ней. Трава там оказалась высокой и мягкой, как надувной матрац. Мы катались по ней, как дикари. Она была загорелой до кончиков сосков, без этих дурацких белых полос от лифчика, которые так портят голых девиц. Гладкая, как абрикос, и голая, как младенец, Джики, когда мне удалось ею снова овладеть, показала, что знает несколько больше младенца. Недурной образчик техники.

Пальцами я ощущал, какая у нее гладкая изогнутая спина и крепкая, как арбуз, задница. Но все это продолжалось едва ли десять минут, после чего Джики сделала вид, что засыпает, но когда я от нее оторвался, она оттолкнула меня, обмякшего, как тюфяк, и побежала к реке.

Я последовал за ней. У самого берега она разбежалась и классно нырнула.

– О, вы уже купаетесь?

Это был голос Джуди. Она жевала травинку, лежа на спине и положив руки под голову. Дик, развалясь рядом, гладил ей ляжки. Тут же валялась пустая бутылка.

– Вторую мы не трогали, – засмеялась она, перехватив мой взгляд.

Я убедился в правоте ее слов и, прихватив бутылку, нырнул. Вода была теплая, я чувствовал себя в прекрасной форме. Набрав адскую скорость, я догнал Джики на середине реки. Глубина была небольшой, и течение почти не чувствовалось.

– Ну что, хочешь выпить? – спросил я, работая одной рукой, чтобы держаться на поверхности.

– Что у тебя за прихваты, как у победителя родео.

– Ладно, ложись на спину.

Она перевернулась, и я, подплыв под нее, обнял ее сверху рукой, протянув второй рукой виски. Джики перехватила бутылку, а я медленно развел ей ноги и вторично взял ее, теперь уже в воде. Она забралась на меня, и мы долго лежали так, лишь слегка шевелясь, чтобы не уйти на дно.

Так продолжалось до сентября. В компанию этих подростков входили еще пять-шесть парней и девиц: Би-Джи, у которой мы брали тогда гитару, плохо сложенная, но приятно пахнущая. Сюзи-Энн – блондинка покрупнее, чем Джики, еще одна шатенка, невзрачная девица, танцевавшая с утра до вечера. Парни были такими дураками, что лучшего не приходилось и желать. Подобной глупости, как совместные выезды из города, я больше не допускал – иначе вскорости мне пришлось бы отсюда убраться. Мы встречались у реки, а источник виски и джина был надежной гарантией тайны.

Я имел всех этих, впрочем, достаточно однообразных девиц по очереди, и это начало мне надоедать. Они занимались этим просто для здоровья, как чистят зубы. Стая обезьян – развязных, прожорливых, шумных и похотливых. Ну да ладно, пока это меня еще устраивало.

Иногда я играл на гитаре, и этого было достаточно, даже если бы я не мог одной левой положить всех этих сопляков разом на лопатки. Они же, в свою очередь, обучили меня джиттербагу и джайву, и танцевать я тоже научился лучше, чем они: мне это ничего не стоило.

Но вскоре меня снова одолели воспоминания о Малыше, и я стал плохо спать. За это время я дважды виделся с Томом. Он держался молодцом, о той истории мы разговор не заводили, коллеги в школе оставили его в покое, а со мной им сталкиваться не приходилось. Отец отправил Энн Моран в университет нашего округа, брат же ее остался с отцом. Том расспрашивал меня о работе, и я похвастался, что мой счет в банке вырос до 120 долларов. Действительно, во всем, кроме алкоголя, я себе отказывал, а торговля шла неплохо, к тому же я рассчитывал на прибавку к жалованью в конце лета. Том советовал мне не пренебрегать религиозными обязанностями. Он верил в Бога. Я же давным-давно от этого избавился, хотя и вел себя так, чтобы это не бросалось в глаза. Во всяком случае, каждое воскресенье я ходил на службу, как советовал мне в свое время Хансен, хотя и был абсолютно уверен, что, веря в Бога, невозможно сохранить рассудок трезвым, а трезвый рассудок был мне нужен, как никогда.

После службы я опять шел на реку. Там мы, как обычно, передавали по кругу девиц, испытывая при этом не больше стыдливости, чем стая вонючих обезьян в пору весенней случки.

Но вот лето кончилось, и начались дожди. Я стал чаще заглядывать к Рикардо. Иногда я утюжил паркет в аптеке с местными кисами и в конце концов научился говорить на их жаргоне лучше, чем они сами.

В Бактон после летнего отдыха стала возвращаться состоятельная публика. Ехали из Флориды, Санта-Моники, из прочих фешенебельных мест. Возвращались загорелыми, впрочем, не более загорелыми, чем мы после лета, проведенного у реки. Они появлялись в моем магазине, постепенно превращая его в клуб встреч.

Никто из них не был со мной знаком, впрочем, времени у меня хватало, и я не торопился.

Вот тогда-то и появился Декстер. Еще до его приезда мне все уши прожужжали рассказами о нем. Декстер занимал один из самых шикарных особняков в лучшем районе города. Его родители жили в Нью-Йорке, а он здесь – по причине слабых легких. Они были уроженцами Бактона, а местный университет не уступал любому другому. Из рассказов я уже знал, какая у Декстера машина (он ездил на «паккарде»), в каком он состоит гольф-клубе, в какой ходит бар, в какое кабаре, – словно я провел с этим человеком полжизни вместе.

Когда Декстер вошел в магазин, я сразу понял, что это он. Это был отвратительный маленький уродец, как я того и ожидал, – тощий и смуглый, словно индеец. У него были черные бегающие глазки, слегка вьющиеся волосы и тонкие губы под большим кривым носом. Но ужаснее всего выглядели его руки, огромные лапищи с очень коротко остриженными ногтями, растущими в ширину, а не в длину, словно он страдал какой-то болезнью.

Все увивались вокруг Декстера, как собаки вокруг куска жареной печенки. Я потерял часть своей популярности и как поставщик спиртного. Но у меня оставалась гитара, и еще я припас для них чечетку, о чем пока никто не имел понятия. Впрочем, торопиться было некуда. Я ждал куска пожирнее и рассчитывал урвать его в компании этого самого Декстера. Мальш не давал мне спокойно спать.

Кажется, Декстеру я понравился. По идее, он должен был бы меня возненавидеть – и за мои мускулы, и за мой рост, и за то, что я играю на гитаре. Но получилось наоборот. Это его привлекло: я владел тем, чего ему недоставало. У него же водились деньги. Мы были созданы друг для друга.

И потом, кажется, он с самого начала догадывался, что я собой представляю и чего хочу (хотя нет, так далеко его скудная сообразительность, конечно, не заходила), но он отлично понял, что с моей помощью можно устроить парочку-другую оргий покруче. И в этом смысле он во мне не ошибся.

Городок потихоньку заполнялся. Стали уходить книги даже по естественным наукам: геология, физика и прочий хлам. Моя компашка присылала в магазин всех своих друзей. Девицы были просто ужасны. Уже в четырнадцать лет им обязательно нужно было, чтобы их лапали, но искать предлог для этого предоставлялось мне самому. Занятие, впрочем, проще некуда. Девицы предлагали пощупать свои мускулы, окрепшие за время каникул, после чего разговор спускался пониже. Словом, для них не существовало никаких границ. Они заявлялись в любое время дня, распаленные словно козы, так что из них едва не капало. Представляю, каково приходилось учителям!

Когда начались наконец занятия, стало потише. Они закатывались теперь только после обеда. Но что самое ужасное, я почувствовал, что мальчишкам нравлюсь не меньше, чем девчонкам. Кроме нескольких уже вполне возмужавших, все они любили, когда я их тискал. Ко всему прочему, привычка этих юнцов постоянно приплясывать была мне по душе. Это шло от нас.

По поводу своей внешности я особо не волновался. Не думаю, что у кого-нибудь могли возникнуть подозрения. Но однажды Декстер меня не на шутку напугал. Дело было так. Мы в очередной раз торчали на реке. Я, голый, валял дурака с одной из девиц, подкидывая ее в воздух и ловя, как куклу. Он же, растянувшись на животе позади меня, за этим наблюдал. До чего гнусно он выглядел: тщедушный уродец со шрамом пункции на спине (у него два раза был плеврит). Он посмотрел на меня исподлобья и сказал:

– У тебя, Ли, какая-то странная фигура: покатые плечи, как у черного боксера.

Я уронил девицу и насторожился, после чего принялся пританцовывать, напевая какую-то муть, якобы в негритянском стиле. Все смеялись, но Декстер не смеялся и продолжал меня разглядывать. Я был вне себя от досады.

Вечером, вернувшись домой, я принялся изучать себя в зеркале над раковиной и расхохотался: с такими светлыми волосами, с такой бело-розовой кожей я не рисковал абсолютно ничем. Конечно, Декстер ляпнул это от зависти. Да, у меня действительно покатые плечи, ну и что?

Редкую ночь я спал так хорошо, как эту. А через два дня был назначен званый ужин у Декстера. Надлежало явиться в вечерних костюмах, и мне пришлось брать напрокат смокинг. Тот тип, который носил его раньше, был почти моего роста. (В ателье его быстро на меня подогнали.)

Всю эту ночь я опять думал о Мальше.

Когда я вошел к Декстеру, я понял, зачем нужен вечерний костюм: наша компания просто терялась среди «приличной» публики. Здесь были доктор, пастор и тому подобные особы. Черный лакей подошел взять мою шляпу, и я заметил еще двух слуг. Тут Декстер схватил меня за руку и потащил представлять своим родителям. Как я понял, это был его день рождения. Мать, черноволосая худощавая женщина, с неприятным мутным взглядом, сильно напоминала своего отпрыска, а отец был из тех людей, которых хочется медленно придушить подушкой за высокомерие. Би-Джи, Джуди, Джики и остальные очень мило смотрелись в вечерних нарядах, но я не мог не вспомнить, как они выглядят в голом виде, наблюдая за их ужимками, когда они прихлебывали коктейль или давали согласие на танец какому-нибудь серьезному типу в очках. Время от времени мы перемигивались. Скука была смертная.

Зато выпить можно было вволю. Декстер знал, чем порадовать друзей. Я пару раз станцевал румбу с незнакомыми мне раньше девицами и понемногу прикладывался к виски – больше заняться все равно было нечем. После блюза с Джуди я почувствовал себя в норме: из всей нашей компании с ней я трахался реже всего. Казалось, она меня немного обходила своим вниманием, да и я не стремился иметь ее чаще, чем любую другую. Но сегодня Джуди словно подменили, и я уж думал, что не выйду живым из ее ляжек. Черт побери, ну и темперамент! Она хотела затащить меня в комнату Декстера, но я боялся, как бы нас там не застукали, и в качестве компенсации повел ее выпить. И тут, увидев только что вошедшую компанию, я остолбенел, словно получил хороший удар кулаком между глаз.

Там были три женщины – две из них молодые, еще одна лет сорока – и мужчина, но не о них речь. Я понял – вот то, что я ищу. Эти две красотки – и Малыш перевернется от радости в гробу. Я стиснул руку Джуди, и та, подумав, должно быть, что это от желания, крепче прижалась ко мне. Но я бы трахнул их сейчас всех, вместе взятых, только для того, чтобы иметь возможность встретиться с этими девицами. Я выпустил Джуди и, скользнув рукой вниз, слегка погладил ее по задку.

- Кто эти две куколочки, Джуди?
- А они тебя интересуют, старый торгаш каталогами?
- Ты еще спрашиваешь? Откуда Декстер выкопал таких красоток?
- Они из приличного общества. Не то что девочки из предместий. Эти купаться с тобой не пойдут.
- Чертовски жаль! В крайнем случае я готов трахнуть и третью, только чтобы поиметь этих двух.
- Зря так волнуешься, старик. Они все равно не из наших краев.
- А откуда?
- Из Приксвилла. Сто миль отсюда. Старые друзья папаши Декстера.
- Обе?
- Не корчи из себя идиота, дорогой Джо Луис. Они же сестры, а это их отец и мать. Лу Эсквит и Джин Эсквит. Та блондинка – Джин, старшая. Лу младше ее на пять лет.
- Так ей шестнадцать? – настаивал я.
- Пятнадцать. Ли Андерсон, уж не собираетесь ли вы распрощаться с нашей бандой и приударить за дочурками папаши Эсквита?
- Ты идиотка, Джуди. Неужели эти девицы тебя не соблазняют?
- Предпочитаю мужчин. Давай-ка лучше потанцуем, Ли.
- Ты меня познакомишь?

– Это уже по части Декстера.

– О'кей, – сказал я.

Я потанцевал с Джуди, пока не кончилась пластинка, и пошел искать Декстера. Тот любезничал в холле с какой-то цыпочкой. Я окликнул его:

– Декстер?

– Да.

Он обернулся. Казалось, он слегка посмеивался, глядя на меня, но мне было на это наплевать.

– Послушай, тут эти девицы... Эсквит... Познакомь меня.

– Ну конечно, старина. Идем.

Вблизи зрелище оказалось еще лучше, чем я ожидал. Они были просто сногсшибательны. Я промямлил какую-то чушь и пригласил брюнетку – ее звали Лу – на медленный танец, который только что выловили из груды пластинок. Черт меня побери! Я благословлял небо и того типа, который подогнал смокинг по моей фигуре! Я танцевал, держась к ней ближе, чем это принято, но все же не решался прилипнуть вплотную, как мы привыкли делать в нашей банде. Она надушилась какой-то непонятной и, конечно, очень дорогой штукой – вероятно, французскими духами. Ее темные волосы были зачесаны на одну сторону, и желтые, как у дикой кошки, глаза сверкали на беленьком личике; а тело... Лучше и не говорить! Платье держалось словно само по себе, неизвестно на чем – никаких бретелек, плечиков или лямок. Разве что на груди. А такие твердые и остренькие груди могли бы удержать, доложу я вам, не одно, а целую дюжину платьев. Я вел ее справа от себя, так, чтобы в разрезе смокинга, сквозь шелковую рубашку, чувствовать у себя на груди ее сосок. У других сквозь ткань платья обычно проступает резинка от трусов, но у этой все было устроено как-то иначе, и от подмышек до лодыжек платье оставалось гладким, как льющееся молоко. У меня перехватило дыхание от восторга, но тем не менее я попытался завязать разговор, едва пришел немного в себя.

– Почему вас здесь никогда не видно?

– Вот же я. Разве меня не видно?

Она слегка откинулась назад, чтобы посмотреть на меня. Я был выше ее на целую голову.

– Я имею в виду в городе...

– Вы можете увидеть меня, если приедете в Приксвилл.

– Так, значит, в Приксвилле я могу рассчитывать на что-нибудь серьезное?

Я не сразу решился на такой выпад. Не хотелось слишком спешить, но с этими девицами никогда не знаешь, как ониотреагируют. Приходится идти на риск. Ничуть не смутившись, она слегка улыбнулась, но глаза ее остались холодными.

– Одного только вашего желания здесь недостаточно.

– Да, я думаю, что на вас там немало любителей...

Я наседаю уже совсем беспардонно. Когда в глазах лед, так не одеваются.

– О! – сказала она. – В Приксвилле не так уж много интересных людей.

– Отлично. Тогда у меня есть шанс.

– Не знаю, насколько вы интересны.

Срезала. В конце концов, сам нарвался. Но я не из тех, кого можно так просто остановить.

– А какие люди интересуют вас?

– Вы производите неплохое впечатление, но я могу ошибаться. Я вас совсем не знаю.

– Я друг Декстера, Дика Пейджа и других.

– Да, Дика я знаю, а Декстер... Он такой странный...

– У него слишком много денег, чтобы быть действительно странным.

– В таком случае, я думаю, и моя семья вам будет не по вкусу. У нас тоже много денег.

– Это чувствуется... – сказал я, прикасаясь щекой к ее волосам.

Она снова улыбнулась:

– Вам нравятся мои духи?

– Они восхитительны.

– Странно, я была уверена, что вам больше по душе запах конюшни или казармы.

– Не вешайте на меня ярлык. Я ведь не виноват, что вымахал таким здоровым и что физиономия у меня не ангельская.

– О! Я терпеть не могу ангелочков, но еще больше не выношу любителей конюшни.

– Этих типов я тоже не люблю. Так когда же я смогу опять вас увидеть?

– Я пока что никуда не уйду. У вас впереди целый вечер.

– Но этого так мало...

– Все зависит от вас.

Тут музыка кончилась, и она от меня отошла. Я смотрел ей вслед. Линии ее тела напоминали мраморные статуи на здании конгресса. Она проскользнула между парами, обернулась и засмеялась. Впрочем, смех этот был скорее ободряющим.

Я вернулся в бар. Там торчали Дик и Джики, они потягивали мартини. По их лицам было видно, что им здесь надоело до чертиков.

– Дик, – сказал я, – ты слишком много смеешься; это может испортить твою физиономию.

– Ну что, лопух, теперь делать будешь? – сказала Джики. – Подцепишь какую-нибудь негрятенку или продолжишь охоту за цыпочками пошикарнее?

– Для лопуха, – парировал я, – я неплохо знаю, что такое свинг. Давайте только смоемся отсюда да прихватим с собой кого-нибудь посимпатичнее, и вы увидите, на что я способен.

– Кого-нибудь с кошачьими глазками и в платье без плечиков, да?

– Джики, радость моя, – сказал я, подойдя к ней и взяв ее за локотки, – ты ведь не упрекнешь меня в том, что мне не нравятся красивые девочки.

Я немножко прижал ее и посмотрел в глаза. Она рассмеялась во весь рот.

– Соскучился, Ли, да? Надоела тебе наша банда? Ты не думай, я тоже неплохая партия. Мой отец двадцать тысяч в год имеет.

– Ну, перестань. Скажи еще, что тебе здесь весело. Лучше возьмем побольше бутылок да смоемся отсюда, а то здесь так прилично, что просто сдохнуть можно.

– Ты думаешь, Декстеру это будет по душе?

– Декстеру и без нас сейчас не скучно.

– А как же твои красотки? Думаешь, они смогут составить нам компанию?

– Вообще-то Дик с ними знаком... – сказал я, искоса посмотрев на Дика.

Дик, выглядевший сегодня чуть менее глупо, чем обычно, хлопнул себя по ляжкам:

– Ну, Ли, ты молодчина. Зря времени не теряешь.

– А кто говорил, что я лопух?

– Да, пожалуй, ты не такое безобидное растение.

– Давай ищи эти нежные создания и тащи их сюда. А лучше попробуй-ка заманить их в мой драндулет или, если хочешь, в свой.

– Под каким предлогом?

– Дик, неужели ты не найдешь каких-нибудь детских воспоминаний, чтобы посюсюкать с этими фифочками?

Несколько приуныв, но хихикая, он пошел на задание. Джики слушала и посмеивалась надо мной. Я поманил ее, она подошла.

– Слушай, вылови Джуди и Билла, да прихватите семь-восемь пузырей.

– Куда двинемся?

– А куда можно двинуться?

– У меня сегодня нет родителей, – сказала Джики, – только младший брат. Он уже спит.

Поехали ко мне.

– Ты, Джики, в нашем деле ас. Слово индейца.

Она понизила голос:

– А мы с тобой позанимаемся?

– Чем?

– Ну... этим вот, Ли?

– Еще как, – сказал я.

Хоть я и привык уже к Джики, но сейчас готов был трахнуть ее прямо на месте – так аппетитно она выглядела в своем вечернем платье, с блестящими волосами, зачесанными на левую сторону, немного косящими глазами и выражением совершенной невинности на губах. Дыхание ее участилось, щеки порозовели.

– Знаешь, Ли... Это, наверное, глупо. Я понимаю, что ничего нового в этом нет... Но мне так это нравится...

– Не переживай, Джики, – сказал я, потрепав ее по плечу, – еще успеешь до старости не раз.

Она крепко сжала мне руку и убежала, прежде чем я успел ее остановить. Мне вдруг захотелось сказать ей прямо сейчас, кто я такой на самом деле, чтобы увидеть выражение ее лица. Но Джики была для меня слишком мелкой жертвой. Я чувствовал себя таким же сильным, как Джон Генри, и разбить мое сердце было не под силу никому.

Я вернулся в бар и потребовал у типа, который стоял за стойкой, двойной мартини, выдул его одним махом и поспешил на помощь Дику.

Навстречу мне попала старшая Эсквит, она болтала с Декстером. Сейчас его черные прилизанные патлы показались мне еще противнее, чем обычно. Впрочем, смокинг на нем сидел превосходно, и его уродливая фигура выглядела почти нормально. Да и смуглая рожа на фоне белого воротничка. В общем: «Проводите отпуск в отеле „Сплендид“, Майами».

Я решительно подошел к нему.

– Декс, – сказал я, – ты меня не убьешь, если я приглашу мисс Эсквит на этот танец?

– Ну, Ли, ты такой здоровяк... Ни за что с тобой драться не буду.

Не знаю, было ему действительно наплевать или нет, – по тону этого типа ни за что не определишь, что он думает на самом деле. Но Джин Эсквит уже попала ко мне в руки.

Думаю, что ее сестра Лу понравилась мне больше. Ни за что бы не подумал, что у них пять лет разницы. Джин была почти моего роста, значит, по крайней мере на четыре пальца выше Лу. На ней было платье из черной прозрачной материи, пущенной на юбку в несколько рядов, а чрезмерно разукрашенный лиф имел, однако, весьма умеренный объем. Ее кожа золотилась от веснушек на плечах и на щеках, а коротко подстриженные и завитые волосы еще более округляли ее лицо, и так довольно круглое.

– Вы находите, что здесь весело? – спросил я.

– Все вечеринки похожи одна на другую, и эта не исключение.

– А я, говоря по правде, предпочел бы сейчас что-нибудь исключительное.

Да, эта девица умела танцевать. Мне не приходилось слишком напрягаться. Особо не церемонясь, я прижал ее сильнее, чем сестру, так как она была выше ростом и могла со мной разговаривать, не глядя на меня снизу вверх. Ее щека касалась моей, и, слегка скосив глаза, я имел возможность любоваться панорамой из недурно выточенного уха, забавно коротких волос и округлого плеча. От нее пахло дикими травами.

– Какие у вас восхитительные духи, – продолжал я, потому что на предыдущую реплику она не ответила.

– Я никогда не пользуюсь духами, – сказала она.

Я не стал продолжать этот бессмысленный разговор и сразу перешел к делу:

– Как вы смотрите на то, чтобы удрать отсюда и как следует поразвлечься?

– То есть?

Она говорила равнодушным голосом, не поднимая головы, словно с кем-то, стоящим у меня за спиной.

– То есть как следует выпить, как следует покурить и как следует потанцевать.

– Да, было бы, пожалуй, неплохо сменить обстановку, – сказала она, – а то все это скорее напоминает ритуальные танцы дикарей.

И в самом деле, уже несколько минут мы не могли двинуться ни взад ни вперед, а только перетаптывались на одном месте. Я немного ослабил свои объятия и, не переставая держать ее за талию, стал тихонько продвигаться к выходу.

– Тогда идемте, я познакомлю вас со своими друзьями.

– Отлично, – сказала она.

Когда она говорила, я повернулся в ее сторону и почувствовал на себе ее дыхание. Да простит меня бог, если она не выпила в этот вечер с полбутылки джина.

– А кто они, ваши друзья?

– О, милейшие люди, – заверил я.

Мы благополучно пересекли вестибюль. Шляпу свою я, конечно, искать не стал. На улице было тепло и повсюду пахло жасмином.

– В сущности, – сказала Джин Эсквит уже в дверях, – я ведь совсем вас не знаю.

– Ну, как же, – сказал я, подталкивая ее к выходу, – ведь я тот самый Ли Андерсон...

Она расхохоталась и немного отступила назад.

– Ах да, Ли Андерсон... Так идемте, Ли, нас ведь ждут!

Теперь уже я с трудом поспевал за ней. Она одним прыжком скатилась с крыльца, и я нагнал ее только метров через десять.

– Не так быстро, – сказал я и облапил ее своими ручищами. – А вот и карета!

Джуди и Билл уже сидели в моей машине.

– С выпивкой все о'кей, – шепнула Джуди. – Дик с остальными впереди.

– А Лу Эсквит? – спросил я шепотом.

– Там, там. Давай, донжуан, поехали!

Джин откинула голову на спинку сиденья и протянула назад Биллу свою руку.

– Привет! Как дела? На улице что, дождь?

– Ничуть не бывало, – сказал Билл. – Барометр, правда, упал на восемнадцать пунктов, но последствия будут только завтра.

– Ох, – простонала Джин, – никогда не залезала в такую высоченную машину.

– Не говорите дурно о моем роскошном лимузине, – запротестовал я. – Вам не холодно?

И я полез искать несуществующее одеяло. По пути, как бы случайно зацепившись пуговицей рубашки, я задрал ей платье выше колен. Бог ты мой, какие это были ножки!

– О нет, я умираю от жары, – растерянным голосом пробормотала она.

Я завел мотор и последовал за машиной Дика, которая только что тронулась с места. Перед домом Декстера выстроились тачки всех сортов, и я охотно махнул бы мой старенький «Нэш» на одну из них. Впрочем, обойдусь как-нибудь и без новой машины.

Джики жила не очень далеко, в небольшом особнячке в викторианском стиле. Он выделялся среди других только садом с высокой живой изгородью. Я заметил, как остановились и погасли красные огоньки отражателей машины Дика, а затем зажглись стояночные фонари. Я, в свою очередь, остановился и услышал, как хлопнули дверцы «крайслера». Из него выгрузились

четверо – Дик, Джики, Лу и еще какой-то тип. Когда они поднимались по лестнице, я узнал малышку Николаса. Он и Дик держали по бутылке в каждой руке. У Джуди с Биллом было столько же. Джин Эсквит пока не изъявляла желания выбраться из автомобиля. Я обошел его и открыл дверцу. Затем, просунув одну руку под коленками, а другой обняв ее вокруг шеи, вытащил Джин на свежий воздух. Она была мертвецки пьяна. Джуди стояла у меня за спиной.

– Твоя нежная возлюбленная бездыханна, – сказала она. – Ли, это ты ее нокаутировал?

– Не знаю, я или выпитый джин, – проворчал я, – только это не похоже на сон невинности.

– Этим стоит воспользоваться, мой милый. Смелее!

– Отвяжись! С перебравшей особой это было бы слишком просто.

– Эй, вы там, – послышался нежный голосок Джин. Она проснулась. – Да перестаньте, наконец, меня раскачивать!

Я понял, что ее вот-вот вытошнит, и втащил ее в сад. Джуди закрыла за нами калитку, а я придерживал голову этой девицы, пока она прочищала желудок. Похоже, у нее там был только джин. Ну и гадость! Да еще держи эту лошадь! Она навалилась мне на руку всем своим весом.

– Заверни мне рукав, – шепнул я Джуди.

Она собрала в гармошку рукав моего смокинга, и я сменил руку.

– Все в порядке, – сказала Джуди, когда операция была завершена, – я вас покараулю. Можешь не беспокоиться.

Билл с бутылками давно уже успел уйти.

– Здесь есть где-нибудь вода? – спросил я Джуди.

– В доме. Идем. Можно войти с черного хода.

Я последовал за ней в сад, волоча за собой Джин, которая все время спотыкалась на посыпанной гравием дорожке. Боже, какая она тяжелая! Зато есть за что подержаться. Джуди впереди меня поднималась по лестнице на второй этаж. Остальные уже устроили в гостиной страшный галдеж; к счастью, закрытая дверь приглушала их вопли. Я поднимался на ощупь, в полной темноте, ориентируясь только по светлому платью Джуди. Наверху ей удалось найти выключатель, и я прошел в ванную комнату. На полу лежал пористый резиновый коврик.

– Положи ее сюда, – сказала Джуди.

– Довольно шуток, – сказал я. – Сними-ка с нее юбку.

Она расстегнула молнию и одним движением сдернула легкую ткань, затем скатала вдоль лодыжек чулки. В самом деле, я просто не знал, что такое хорошо сложенная девочка, пока не увидел Джин Эсквит голой на резиновом коврике. Не девочка, а мечта! Глаза ее были закрыты, изо рта выступили тонкой струйкой слюни. Я вытер ей рот салфеткой. Не для нее, понятно, а для себя. Джуди порылась в аптечке.

– Я нашла то, что нужно. Дай-ка ей хлебнуть этого.

– Она ничего не сможет сейчас выпить. Она спит. У нее совсем пустой желудок.

– Тогда действуй, Ли. Не стесняйся. Может быть, она не захочет, когда проснется.

– Полегче на поворотах, Джуди!

– Тебя смущает, что я одета?

Она подошла к двери и повернула ключ в замке. Затем скинула платье и лифчик. Она осталась в одних чулках.

– Дело за тобой, Ли.

Она села на край ванны, раздвинув ноги, и посмотрела на меня. Я не мог больше ждать и быстро сорвал с себя все барахло.

– Ну, ложись же на нее, Ли. Скорее!..

– Джуди, – сказал я ей, – ты просто омерзительна.

– Почему? Если мне нравится видеть тебя на этой девице? Ну, давай же, Ли, давай...

Я повалился на девицу, но от этой чертовой Джуди у меня перехватило дыхание. Машинка застопорилась. Я стоял на коленях, а она лежала у меня между ног. Джуди подошла поближе. Я почувствовал на себе ее руку, и она ввела меня, куда нужно. Она не убрала руку. Я хрипел, так это меня возбуждало. Джин Эсквит оставалась неподвижной. Я скользнул взглядом по ее лицу, она снова пустила слюни. Затем чуть приоткрыла глаза, снова их закрыла, и я почувствовал, как она начала слегка двигать задом; Джуди все это время продолжала, а другой рукой ласкала меня ниже спины.

Потом Джуди приподнялась, подошла к стене, и свет погас. Все-таки она не на все отваживалась при свете. Когда Джуди вернулась, я подумал, что она опять возьмется за свое, но она наклонилась надо мной и ощупала. Я все еще был на месте, и она легла животом мне на спину, но в противоположном направлении, и вместо руки теперь я ощутил ее губы.

Где-то через час до меня все-таки дошло, что остальным наше отсутствие может показаться странным, и мне удалось наконец освободиться от этих девиц. Я не очень четко представлял, в каком углу комнаты мы находимся. У меня свело шею, болела спина. Бедра мои были безбожно исполосованы ноготками Джин Эсквит. Я добрался до стены, сориентировался и нащупал выключатель. В это время Джуди тоже зашевелилась. Я включил свет и увидел, что она протирает себе глаза, сидя на полу. Джин Эсквит ничком лежала на резиновом коврикe, положив голову на руки. Казалось, она спала. Боже, вот это задница! Я быстренько натянул рубашку и брюки. Джуди наводила красоту перед умывальником. Я взял полотенце и смочил его, потом приподнял голову Джин Эсквит, чтобы ее разбудить, но оказалось, что глаза у нее открыты, и, честное слово, она смеялась. Я обхватил ее поперек туловища и усадил на край ванны.

– Хороший душ вам не помешает.

– Я так устала, – сказала она. – Кажется, я немного выпила.

– Мне тоже так кажется, – сказала Джуди.

– Ну, не так уж и много, – успокаивал я. – Тем более что вам совсем мало надо.

Тут она встала и повисла у меня на шее, а целоваться она тоже умела. Я мягко высвободился и впихнул ее в ванну.

– Закройте глаза и поднимите голову...

Я повернул краны смесителя, из душа брызнула вода. Под теплой струей тело Джин напряглось, и я увидел, как ее соски потемнели и стали более выпуклыми.

– Как приятно...

Джуди натягивала чулки.

– Эй, вы оба, пошевеливайтесь. Если сейчас же спуститься, может быть, еще найдется что-нибудь выпить.

Я держал наготове халат и, когда Джин выключила кран, завернул ее в мягкую ткань. Ей это понравилось.

– Где мы? – спросила она. – У Декстера?

– У хороших знакомых, – сказал я. – Мне показалось, что у Декстера стало тоскливо.

– Вы хорошо сделали, что увезли меня, – сказала она, – здесь гораздо веселей.

Она уже совсем обсохла, и я протянул ей ее костюм.

– Оденьтесь, приведите себя в порядок и приходите.

Я направился к двери и распахнул ее перед Джуди, которая вихрем скатилась по лестнице.

– Подождите меня, Ли...

Джин отвернулась, чтобы я застегнул ей лифчик, и я легонько куснул ее за загривок. Она повернулась ко мне лицом.

– Вы будете спать со мной и дальше?

– Весьма охотно, когда пожелаете, – сказал я.

– Прямо сейчас?..

– Ваша сестра будет интересоваться, куда вы пропали.

– Разве Лу здесь?

– Конечно.

– О! Отлично, – сказала Джин, – я смогу за ней присмотреть.

– Кажется, только вашего присмотра ей и не хватало.

– Как вы находите нашу Лу?

– Я охотно переспал бы с ней тоже, – сказал я.

Она снова рассмеялась.

– Я нахожу, что она просто великолепна. Я ей завидую. Если бы вы видели ее раздетой...

– О большем я и не мечтаю, – вставил я.

– Послушайте, да вы совершенный хам!

– Извините, у меня не было времени научиться хорошим манерам.

– Мне очень нравятся ваши манеры, – сказала она, нежно глядя мне в глаза.

Я обнял ее рукой за талию и повлек к дверям.

– Нам пора спускаться.

– И голос ваш мне тоже очень нравится.

– Идем.

– Вы женитесь на мне?

– Не говорите глупостей.

Мы начали спускаться по лестнице.

– Я не говорю глупостей. Теперь вы должны жениться на мне.

У нее был абсолютно спокойный вид уверенного в своих словах человека.

– Я не могу на вас жениться.

– Почему?

– Кажется, мне больше нравится ваша сестра.

Она опять засмеялась.

– Ли, я вас обожаю!

– Премного благодарен, – сказал я.

Все наши сидели в гостиной, устроив там небольшой бедлам. Я толкнул дверь и пропустил Джин вперед. Наш приход был встречен нестройным хрюканьем. Они открыли несколько банок с консервированными цыплятами и чавкали, как свиньи. Билл, Дик и Николас были без пиджаков и изрядно заляпаны соусом. По платью Лу расплзлось огромное пятно от майонеза. Что касается Джуди и Джики, то они всю навораживали с самым безмятежным видом. Я заметил, что пять бутылок уже опустошены. Из радиоприемника глухо доносилась танцевальная музыка.

Увидев цыпленка, Джин Эсквит издала воинственный клич, голыми руками овладела внушительным куском и без промедления впила в него зубами. Я тоже уселся и наполнил свою тарелку.

В самом деле, все шло превосходно.

Джин неуклонно шла к тому, чтобы напиться во второй раз покруче, чем в первый, и я этим воспользовался, предоставив возиться с ней Николасу. Я не отходил от ее сестры и, насколько мог, старался ее подпоить; но эта держалась стойко, и мне пришлось приложить массу выдумки. В три часа ночи позвонил Декстер. Он предупредил нас, что предки Эсквит начали беспокоиться, не видя так долго своих дочерей. Я спросил, как он отыскал место нашего сборища. Он только рассмеялся в ответ. Я растолковал ему, почему мы смылись.

– Все понятно, Ли, – сказал он. – Я отлично знаю, что у меня нельзя было поразвлечься, – слишком много серьезной публики.

– Присоединяйтесь к нам, Декс, – предложил я.

– У вас что, больше нечего выпить?

– Нет, – сказал я. – Дело не в этом, просто у вас проветрятся мозги.

Этот тип всегда язвил, и притом всегда самым невинным тоном.

– Я не могу уйти, – сказал он, – а то бы приехал. Что мне сказать родителям?

– Скажите им, что их девочек доставят домой.

– Я не знаю, понравится ли им это. Видите ли...

– Они уже достаточно взрослые, чтобы выпутываться самим.

– Согласен, Ли, но родителям известно, что они сейчас не одни.

– Уладьте это как-нибудь, старина, я полагаюсь на вас.

– О'кей, Ли. Я все улажу. Пока.

– Пока.

Он повесил трубку, я сделал то же самое и вернулся к своим обязанностям. Джики с Биллом начали выделять кое-какие штучки не для молоденьких девушек из приличной семьи, и я с любопытством наблюдал за реакцией Лу. Все же было заметно, что она выпила, ее, казалось, не так уж и поразило, когда Билл полез к Джики под платье.

– Что вам налить?

– Виски.

– Выпейте-ка это побыстрее и идем танцевать.

Я крепко взял ее за руку и попытался затащить в другую комнату.

– Что мы будем там делать?

– Просто здесь слишком шумно.

Она молча последовала за мной. Без возражений она позволила усадить себя на диван, но когда я принялся ее тискать, то получил одну из тех затрещин, что в жизни мужчины можно пересчитать на пальцах одной руки. Я был разъярен, но мне удалось сохранить на лице улыбку.

– Уберите лапы, – сказала Лу.

– Вы не могли бы полегче, – сказал я.

– Не я первая начала.

– А вы что думали? Что здесь воскресная школа? Или общество игроков в бинго?

– Я не хочу быть ставкой в ваших играх.

– Хотите вы или нет, но это так.

– Вы мечтаете о монетах моего папаши?

– Совсем нет, – сказал я, – вот об этом.

Я повалил ее на диван и спустил ей спереди платье. Она отбивалась, как дьявол. Под светлым шелком подрагивали ее груди.

– Пусти меня, животное.

– Ну нет, я просто мужчина.

– Вы мне отвратительны, – сказала она, пытаясь высвободиться. – Что вы делали с Джин целый час там, наверху?

– Ничего я с ней не делал. Вы же знаете, что с нами была Джуди.

– Я, кажется, начинаю понимать, что такое ваша банда, Ли Андерсон, и с какими субъектами вы проводите время.

– Лу, клянусь вам, я прикасался к вашей сестре, только чтобы помочь ей прийти в норму.

– Вы лжете. Я видела ее лицо, когда она спустилась.

– Честное слово, – сказал я, – можно поклясться, что вы ревнуете!

Она остолбенело уставилась на меня.

– Но... кто вы такой? Не много ли вы на себя берете?

– Вы думаете, если бы я... трогал вашу сестру, у меня было бы еще желание заниматься вами?

– Она ничем не лучше меня!

Все это время я удерживал ее на диване. Она перестала сопротивляться. Ее грудь часто вздымалась. Я склонился над ней и начал целовать ее груди, медленно, одну за другой, лаская соски языком. Потом я приподнялся.

– Нет, Лу, – сказал я, – она ничем не лучше вас.

Я выпустил ее и поспешно отодвинулся, так как ожидал бурной реакции. Она же повернулась лицом к стене и заплакала.

После той ночи я вернулся к своей повседневной работе. Затравка сделана, и теперь надо было выждать время, положившись на естественный ход вещей. И в самом деле, я был уверен, что снова увижу их. Я не думал, что Джин сможет скоро обо мне забыть, после того как она смотрела на меня такими глазами, а Лу... Тут я рассчитывал немного на ее возраст и на то, что я сказал ей и сделал у Джики.

На следующей неделе я получил целый контейнер новых брошюр, что предвещало скорый конец осени и приближение зимы; дела мои шли по-прежнему неплохо, и было с чего отложить монету на черный день. Мне уже удалось собрать недурную сумму, мизер, конечно, но мне пока хватало. Приходилось ведь все же и тратиться, например, обновить костюм да еще починить машину. Несколько раз я играл за гитариста в единственном сносном оркестре городка, обосновавшемся в «Сторк-клубе», каковой, я думаю, не имел ничего общего с тем, что в Нью-Йорке, но его охотно посещали молодые очкарики в компании дочерей страховых агентов или местных торговцев сельскохозяйственной техникой. Это приносило мне небольшой доход сверх обычного, кроме того, я сбывал книги клиентам, которых мог там подцепить. Приятели из нашей банды иногда тоже туда заскакивали. Я продолжал с ними часто видаться и постоянно спал с Джуди и Джики. Я никак не мог отвязаться от Джики, но, в общем и целом, было весьма кстати иметь этих двух девочек, так как я был в потрясающей форме. Кроме всего прочего, я подзанимался атлетизмом и накачал себе мускулы, как у боксера.

Потом, как-то вечером, спустя неделю после вечеринки у Декса, я получил от Тома письмо. Он просил меня приехать как можно скорее. Я воспользовался ближайшей субботой, чтобы удрать из городка. Я знал, что просто так Том писать не станет, и не ожидал ничего хорошего.

По приказу сенатора Бальбо, самого распоследнего мерзавца в штате, эти типы устроили перед выборами провокацию. Бальбо не прекращал своих поисков с тех пор, как черные получили право голоса, и так все подстроил, что за два дня до выборов его люди, разгоняя собрание черных, двоих прикончили на месте.

Мой брат, будучи учителем в школе для черных, выступил с публичным заявлением и отправил письмо протеста, за что его жестоко избили на следующий же день. Он писал мне, чтобы я приехал за ним на машине и увез куда-нибудь из этих мест.

Он ждал меня в доме, одиноко сидя в темной комнате на стуле. Мне стало так больно, когда я увидел его широкую, но совсем сгорбившуюся спину и спрятанное в ладони лицо. Я почувствовал прилив ярости, моя добрая черная кровь бушевала у меня в венах и гудела в ушах. Он поднялся и обнял меня за плечи. Губы его распухли, и говорил он с трудом. Когда я хотел похлопать его по спине, чтобы как-то утешить, он остановил мою руку.

– Они высекли меня, – сказал он.

– Кто это сделал?

– Люди Бальбо и сыновья Морана.

– Снова эти...

Мои кулаки сжались помимо моей воли. Холодная ярость постепенно овладевала мной.

– Хочешь, мы с ними разделаемся, Том?

– Нет, Ли. Мы не можем этого сделать. Вся твоя жизнь пошла бы насмарку. А у тебя еще есть шанс, ты не меченый.

– Ты стоишь большего, чем я, Том.

– Взгляни на мои руки, Ли, на мои ногти, волосы. Взгляни на мои губы. Я черный, Ли. Мне от этого никогда не избавиться, а ты...

Он замолчал и посмотрел на меня. Старик действительно меня любил.

– Ли, ты должен из этого выбраться. Бог поможет тебе выбраться. Он поможет тебе, Ли.

– Бог плевать на это хотел, – сказал я.

Том улыбнулся. Он знал о моих неважных отношениях с Богом.

– Ли, ты уехал из этого города слишком молодым и потерял свою веру, но Бог простит тебя, когда придет время. Бежать нужно от людей, а к Нему ты должен идти, широко распахнув руки и сердце.

– Куда ты отправишься, Том? Может, тебе нужны деньги?

– У меня есть деньги, Ли. Я хотел покинуть дом вместе с тобой. Я хочу...

Он остановился. Его изуродованные губы с трудом выговаривали слова.

– Я хочу сжечь дом, Ли. Наш отец построил его. Мы обязаны ему всем, что у нас есть. Он ведь был почти белый по цвету кожи, Ли. Но, ты помнишь, он никогда не думал отказываться от своей расы. Наш брат мертв, и никому больше не должен принадлежать дом, который построил отец своими собственными руками, руками черного.

Мне нечего было на это сказать. Я помог Тому увязать его пожитки, и мы взгромоздили их на мой драндулет. Дом находился на окраине города и к тому же в стороне от других. Я оставил Тома заканчивать и вышел, чтобы как следует закрепить все эти тюки.

Через несколько минут он присоединился ко мне.

– Едем, – сказал он, – едем отсюда, потому что еще не скоро придет время, когда на этой земле будет царить справедливость и для людей с черной кожей.

Красный огонек замерцал на кухне, потом неожиданно разросся. Послышался глухой взрыв бутыли с горючим, и отблески достигли окна соседней комнаты. Затем сквозь деревянную стену прорвался длинный язык пламени, и ветер стал раздувать пожар. Блики огня заплясали повсюду, лицо Тома в красном пламени блестело от пота. Две большие слезы скатились по его щекам. Наконец он положил руку мне на плечо, и мы повернули прочь от дома.

Я думаю, что Том мог продать дом; с деньгами можно было причинить немало беспокойства Моранам, а то и прикончить хотя бы одного из троих, но я не хотел мешать ему делать свой выбор. Я сделал свой. У него в голове оставалось слишком много всяких предрассудков насчет доброты, набожности и т. п. Том был слишком честным малым, вот что его губило. Он полагал, что творящему добро воздастся добром, хотя если такое и бывает, то это просто счастливый случай. Есть только одно стоящее дело – месть, но если мстить, то мстить на полную катушку. Я вспомнил Мальша, который был еще белее меня, если только такое возможно. Когда отец Энн Моран узнал, что тот обхаживает его дочку и они встречаются, то это продолжалось недолго. Правда, Малыш никогда не уезжал из города; а я уже более десяти лет жил вдали от него, среди людей, ничего не знавших о моем происхождении; и мне удалось избавиться от этого гнусного смирения, навязанного нам, как условный рефлекс, этого проклятого смирения, которое разбитыми губами Тома проповедовало о жалости, от этого врожденного ужаса, который заставлял наших братьев прятаться, слышав шаги белого человека. Но я прекрасно знал, что, взяв у белого его кожу, мы получаем над ним власть, ибо он болтлив и легко отдает себя в руки тех, кого считает себе подобными. С Биллом, Диком и Джуди я уже отыграл несколько очков. Но сказать им, что их только что поимел черный... Это нисколько не приблизило бы меня к цели. При помощи Лу и Джин Эсквит я возьму реванш над Моранами и над всеми этими... Двое за одного, и им не удастся пристрелить меня, как они пристрелили моего брата.

Том что-то бормотал в бреду, задремав в машине. Я прибавил скорость. Мне надо было отвезти его до прямой ветки, где он сядет на северный экспресс. Он решил отправиться в Нью-Йорк. Он отличный парень, старина Том, отличный парень. Но слишком сентиментальный и

слишком смиренный.

Я вернулся в город только на другой день утром и отправился прямо на работу. Да я и не хотел спать. Я ждал. И дождался: около одиннадцати зазвонил телефон. Джин Эсквит приглашала меня с Дексом и еще какими-то приятелями к себе на уик-энд. Я принял, естественно, приглашение, но не слишком поспешно.

– Если я смогу освободиться...

– Постарайтесь, – выдохнула она в трубку.

– Не думаю, что вам не хватает кавалеров, – подсмеивался я, – или вы и вправду живете в дыре?

– Здешние мужчины не умеют развлечь девушку, которая выпила больше, чем нужно.

Я остался холоден, и она почувствовала это, так как я услышал ее принужденный смех.

– В самом деле, приезжайте, мне хочется вас видеть, Ли Андерсон. И Лу тоже будет довольна...

– Поцелуйте ее за меня, – сказал я, – а она пусть поцелует вас от моего имени.

Ободренный, я вернулся к работе. Вечером я нашел всю компанию в аптеке и увез Джуди и Джики на своем драндулете. Не слишком удобно заниматься этим в машине, зато можно найти неожиданные ракурсы. В эту ночь я спал как убитый.

На другой день, чтобы пополнить свой гардероб, я купил что-то вроде несессера с туалетными принадлежностями, небольшой чемодан, новую пижаму и всякие мелочи, которых мне не хватало. В гостях у этих субъектов я не хотел походить на бродягу, и я примерно знал, что нужно, чтобы таковым не показаться.

На той же неделе, в четверг вечером, когда я заканчивал уже подсчитывать дневную выручку и заполнять свои бумаги, около половины шестого у дверей лавки остановилась машина Декстера. Я пошел открыть ему, так как уже запер лавку. Он вошел.

– Привет, Ли, – сказал он мне. – Как дела?

– Неплохо, Декс. А как учеба?

– Ммм... Ползет потихоньку. Понятно, я не настолько увлекаюсь бейсболом или хоккеем, чтобы быть очень заметным студентом.

– Ты ко мне по делу?

– Я заехал за тобой, чтобы пообедать где-нибудь вместе, а потом разделить с тобой одно из моих любимых маленьких развлечений.

– Идет, Декс. Только дай мне еще минут пять.

– Я подожду тебя в машине.

Я засунул бумаги и выручку обратно в кассу, опустил шторы и, взяв куртку, вышел через заднюю дверь. Стояла отвратительная, хоть и теплая, погода, запоздалая для этого времени года. Воздух был влажным и клейким, все словно прилипало к рукам.

– Захватить гитару? – опросил я Декса.

– Не стоит. Сегодня о развлечениях забочусь я.

– Валяй.

Я уселся рядом с ним на переднем сиденье. Его «паккард» был не чета моему драндулету, но этот парень не умел как следует с ним обращаться. Чтобы заставить такой мотор стучать при переключении скоростей, надо сильно постараться.

– Куда ты меня везешь, Декс?

– Заедем сначала пообедать в «Сторк», а потом я завезу тебя еще в одно местечко.

– Ты, я полагаю, едешь в субботу к Эсквитам?

– Да. Если хочешь, подвезу и тебя.

Это избавляло меня от необходимости ехать на моей развалине, да и появиться в доме вместе с Декстером кое-чего стоило.

– Спасибо. Согласен.

– Ты играешь в гольф, Ли?

– Один раз в жизни пробовал.

– У тебя есть форма и клюшки?

– Никогда и не было! Ты что, принимаешь меня за принца?

– У Эсквитов играют в гольф. Советую сказать, что врач запретил тебе играть в него.

– А ты подумал, как это будет воспринято? – проворчал я.

– А как насчет бриджа?

– С этим неплохо.

– Неплохо или хорошо?

– Неплохо.

– Тогда я советую также заявить, что партия в бридж будет для тебя роковой.

– Но я же все-таки могу играть....

– Ты можешь позволить себе проиграть пятьсот долларов не моргнув глазом?

– Пожалуй, это бы меня затруднило.

– Тогда последуй и этому совету.

– Ты сегодня просто сама любезность, Декс, – сказал я. – Если ты пригласил меня, чтобы дать мне понять, что для этих людишек я не более чем нищий, так сразу и скажи – и до свидания.

– Нет чтобы сказать спасибо. Эти «людишки», как ты говоришь, могут нанести тебе прямой в челюсть, а я даю совет, как заслониться.

– Мне не совсем понятно, в чем тут твой интерес.

– У меня есть свой интерес.

Он замолчал на мгновение и резко затормозил, чтобы переждать красный свет. «Паккард» мягко качнулся вперед на рессорах и вернулся в прежнее положение.

– Я не вижу, в чем он.

– Мне хотелось бы знать, чего ты добиваешься от этих девиц.

– Все хорошенькие девушки стоят того, чтобы ими заняться.

– У тебя под руками дюжина не менее хорошеньких и гораздо более доступных.

– Я не думаю, что первая половина твоей фразы верна на сто процентов, да и вторая тоже.

Он посмотрел на меня с какой-то задней мыслью. Я предпочел бы, чтобы он внимательнее смотрел на дорогу.

– Ты меня удивляешь, Ли.

– Если начистоту, – сказал я, – просто эти девочки в моем вкусе.

– Да, я знаю, что ты любишь это дело.

Он сказал явно не то, что держал на уме.

– Держу пари, что переспать с ними не труднее, чем с Джуди или с Джики, – заверил я.

– Ты только этого добиваешься, Ли?

– Только этого.

– Тогда будь поосторожнее. Я не знаю, что ты сделал с Джин, но она умудрилась за пять минут телефонного разговора со мной четыре раза произнести твое имя.

– Я счастлив, что произвел на нее такое впечатление.

– Они не из тех девиц, с кем можно переспать, не давая никакой надежды на брак. По крайней мере, мне так кажется. Ты же знаешь, Ли, я знаком с ними уже больше десяти лет.

– Что ж, тогда мне повезло, – согласился я. – Ведь я не надеюсь жениться на обеих сразу, а

вот переспать рассчитываю с обеими.

Декстер ничего не ответил и снова посмотрел на меня. Рассказала ему Джуди о нашем сеансе у Джики или он об этом еще не знает? Он был из тех типов, что и без всяких рассказов, зная лишь четверть правды, могут догадаться про остальные три четверти.

– Вылезай, приехали, – сказал он.

Тут я увидел, что машина уже стоит перед клубом, и вылез.

Я вошел впереди Декстера, ему пришлось давать на чай брюнетке из гардероба. Официант в ливрее, которого я хорошо знал, проводил нас к забронированному столику. В этом бистро пытались подделаться под шикарный стиль, что производило уморительный эффект. Проходя, я пожал клешню Блэки, руководителю оркестра. Был час коктейля, и они играли танцевальные мелодии. Я знал в лицо большинство посетителей. Но обычно я видел их с эстрады, и было забавно вдруг очутиться в противоположном стане, со стороны публики.

Мы сели, и Декс заказал по тройному мартини.

– Ли, – сказал он, – мне не хочется больше говорить об этом, но будь поосторожнее с этими девицами.

– Я всегда осторожен, – сказал я, – хоть я и не знаю, какой смысл ты в это вкладываешь. Но обычно я отдаю себе отчет в том, что делаю.

Он не ответил мне, а две минуты спустя заговорил о другом. Он мог порассказать кучу занятных вещей, когда оставлял эту свою дурацкую манеру говорить полунамеками.

Мы оба неплохо нагрузились, когда наконец вышли, и я сел за руль, несмотря на протесты Декстера.

– Я не хочу, чтобы мне к субботе испортили фотокарточку. Ты вечно смотришь в сторону, когда ведешь, и я каждый раз просто помираю со страху.

– Но ты же не знаешь, куда ехать...

– Только и всего?! – сказал я. – Ты мне сейчас объяснишь.

– Это сложно, ты там никогда не бывал.

– Ты меня утомил, Декс! Какая улица?

– Ну, хорошо. Тогда езжай к дому номер триста по Стивенс-стрит.

– Туда? – спросил я, неопределенно махнув рукой в западном направлении.

– Да. Ты знаешь эту улицу?

– Я все знаю, – заверил я. – Держись! Отчаливаем!

У этого «паккарда» оказался прямо-таки бархатный ход. По сравнению с моим «Нэшем» – просто сказка; Декс, правда, предпочитал родительский «кадиллак».

– То, куда мы едем, находится на Стивенс-стрит?

– Поблизости, – ответил Декс.

Хотя в его кишках болталось порядочное количество виски, держался он молодцом, словно не выпил ни грамма.

На «паккарде» мы мигом домчали до бедных кварталов. Стивенс-стрит начиналась вполне прилично, но где-то в районе двухсотого номера шли уже дома подешевле, а затем и вовсе одноэтажные лачуги, все более и более убогие. У номера триста она выглядела еще сносно. У домов кое-где стояли машины времен чуть ли не первых моделей Форда. Я остановил колымагу Декса в указанном месте.

– Выходи, Ли, – сказал он, – теперь немного пройдемся.

Он запер машину, и мы отправились. Свернув на поперечную улицу, прошли по ней сотню метров. За полуразвалившимися оградами росли деревья. Декс остановился у двухэтажного домика с деревянным верхом. Как ни странно, решетка вокруг этих куч с отбросами, составлявших «сад», была почти в приличном состоянии. Он зашел не позвонив. Уже наступила ночь, и по углам шевелились причудливые тени.

– Входи, Ли, – сказал он. – Это здесь.

Единственный розовый куст перед домом все же заглушал своим запахом вонь нечистот, пропитавшую, казалось, все вокруг. Декс взошел на невысокое крыльцо, находившееся с боковой стороны дома. На его звонок вышла толстая негритянка. Не говоря ни слова, она повернулась к нам спиной, и Декстер последовал за ней. Я прикрыл за собой дверь.

На площадке второго этажа она посторонилась, пропуская нас вперед. В комнатухе, где стоял диван, бутылка и два стакана, сидели две крошки одиннадцати-двенадцати лет: пухленькая рыжая малышка, усыпанная веснушками, и негритяночка, казавшаяся на вид чуть постарше первой.

Одетые в блузки и коротенькие юбочки, обе они чинно восседали на диване.

– Вот эти господа принесли вам денежек, – сказала негритянка. – Будьте умницами.

Она закрыла дверь, оставив нас с ними наедине. Я посмотрел на Декстера.

– Раздевайся, Ли, – сказал он. – Здесь очень жарко.

Он повернулся к рыженькой:

– Помогите-ка мне, Джо.

– Меня зовут Полли, – сказала малышка. – Вы дадите мне доллары сейчас?

– Ну конечно, – сказал Декс.

Он достал из кармана смятую десятидолларовую бумажку и протянул ее ребенку.

– Помоги мне расстегнуть брюки.

Я все еще не двигался с места и смотрел, как рыженькая встала. Ей было, должно быть, чуть больше двенадцати. Под ее коротковатой юбкой вырисовывалась уже довольно круглая попка. Я знал, что Декс продолжает смотреть на меня.

– Я беру рыжую, – сказал он.

– Ты знаешь, что за такие шуки можно загреметь за решетку?

– Тебя смущает цвет ее кожи? – бросил он грубо.

Так вот что он для меня припас. Он продолжал выжидающе смотреть на меня. Он ждал. Надеюсь, что я все же не изменился в лице. Обе малышки, слегка напуганные, не шевелились...

– Подойди сюда, Полли, – сказал Декс. – Ты хочешь выпить стаканчик?

– Лучше не надо, – сказала она, – я могу вам помочь и так.

Через минуту он был раздет и усадил этого ребенка к себе на колени, подняв ей юбку. Его лицо помрачнело, и он стал тяжело дышать.

– Вы не сделаете мне больно? – сказала она.

– Не мешай мне, – ответил Декс, – а то не получишь денег.

Он запустил руку ей между ног, и она заплакала.

– Замолчи! – сказал он. – Или я прикажу Анне тебя выпороть.

Он обернулся ко мне. Я все еще не двигался с места.

– Так тебя смущает цвет ее кожи? – повторил он. – Хочешь другую?

– И так хорошо, – сказал я.

Я посмотрел на вторую малышку. Она почесывала у себя в голове, совершенно равнодушная к тому, что происходило. Она уже почти совсем сформировалась.

– Иди сюда, – сказал я ей.

– Можешь действовать смело, Ли, – подбадривал Декс, – они чистенькие. Ты когда-нибудь замолчишь?

Полли перестала плакать и громко всхлипнула.

– Мне больно!.. – захныкала она. – Вы слишком грубый...

– Замолчи, – сказал Декс. – Я дам тебе еще пять долларов.

Он дышал, как животное. А потом он схватил ее за ляжки и задвигался на стуле.

Слезы Полли текли теперь беззвучно. Негритяночка смотрела на меня.

– Раздевайся, – сказал я ей, – и ложись на диван.

Я снял куртку и расстегнул ремень. Она слабо вскрикнула, когда я вошел в нее. И она обожгла меня, как пламя преисподней.

До субботнего вечера Декстера я больше не видел... Я решил взять свою колымагу и заехать к нему. Если он собирается ехать, оставлю ее у него в гараже, ну а если нет, то сразу поеду дальше.

Когда позавчера вечером я расстался с ним, он был в полубесчувственном состоянии. Должно быть, надрался гораздо сильнее, чем я думал, и принялся выкидывать фокусы. У маленькой Полли, верно, осталась отметина на левой груди, так как этот болван вдруг стал кусать ее как ненормальный. Он полагал, что его доллары ее успокоят, но тут же примчалась эта негрityнка Анна и стала грозить, что никогда больше не пустит его на порог. Наверняка он пришел в это заведение не в первый раз. Он не хотел отпускать от себя рыжую Полли, аромат которой, видно, пришелся ему по вкусу. Анна дала ему снотворного и поставила какой-то компресс, но ей пришлось оставить девчонку с Дексом, который вылизывал ее с ног до головы, захлебываясь от хрипа.

Я отлично понимал, что он должен испытывать, потому что тоже никак не мог оторваться от моей чернокожей малышки, и тем не менее я старался не сделать ей больно. Она ни разу не пожаловалась. Только закрывала глаза.

Вот почему я не знал, будет ли Декс сегодня в приемлемой форме для уик-энда у Эсквитов. Я и сам накануне встал чуть тепленький. Рикардо мог бы это подтвердить: уже в девять утра он налил мне тройной «зомби» – я не знаю ничего лучше, чтобы привести человека в чувство. Я ведь, в сущности, совсем не пил, пока не приехал в Бактон, и теперь понимал, как был не прав. Я не знаю случая, чтобы это не прочистило мозги, конечно, если принять достаточную дозу. Сегодня утром все было в порядке, и я затормозил перед домом Декса, чувствуя, что я в прекрасной форме.

Против моих ожиданий, он уже ждал меня, свежевыбритый, в габардиновом костюме и в модной серо-розовой рубашке.

– Ты, Ли, уже позавтракал? Я терпеть не могу останавливаться по дороге, а потому хочу принять свои меры.

Сегодня Декстер был ясен, прост и чист, как младенец. Младенец, однако, немного постарел, особенно глаза.

– Я съел бы, пожалуй, ветчины и булки с джемом, – ответил я.

Его лакей накормил меня на совесть. Но я не могу без омерзения представить, чтобы кто-то запускал лапы в мою тарелку, хотя это и казалось вполне нормальным Декстеру.

Сразу после этого мы поехали. Я перенес свои вещи в «паккард», Декстер сел справа.

– Веди ты, Ли. У тебя лучше получается.

Он бросил на меня быстрый взгляд исподлобья. Это был единственный намек на позавчерашний вечер. Весь остальной путь он пребывал в обворожительном настроении и рассказал мне тьму любопытного о стариках Эсквит, двух порядочных мерзавцах, вступивших в жизнь с изрядным капиталцем, что само по себе неплохо, но еще и с привычкой помыкать людьми, единственным недостатком которых был иной цвет кожи, чем у них. Они владели плантациями сахарного тростника где-то на Ямайке или на Гаити, и Декс утверждал, что в их доме пьют «адский» ром.

– Это будет покрепче, чем «зомби» Рикардо, Ли, а тебе ведь известно, что это за штука.

– Еще бы, – кивнул я и нажал как следует на газ.

Мы сделали добрую сотню миль всего за час с небольшим; когда мы въехали в Приксвилл, Декстер стал показывать мне дорогу. Этот городишко был еще меньше Бактона, но дома

выглядели шикарнее, а сады казались побольше. Бывают уголки вроде этого, где у всех, кажется, полно монет.

Ворота Эсквитов были открыты, и я с ходу въехал на площадку перед гаражом, у меня мотор работал без перебоев. Я припарковал наш клиппер позади двух других машин.

– Кто-то приехал раньше, – сказал я.

– Нет, – заметил Декстер, – это хозяйские. Думаю, что мы одни. Кроме нас, будет еще несколько здешних типов. Они тут все приглашают друг друга по очереди, потому что у себя дома лезут на стенку со скуки. Да и такие развлечения, надо сказать, у них бывают нечасто.

– В общем, – сказал я, – этой публике, как я погляжу, не позавидуешь.

Он рассмеялся и вылез. Мы взяли свои чемоданы и нос к носу столкнулись с Джин Эсквит. В руках она держала теннисную ракетку. На ней были белые шорты и великолепно облегавший ее формы пуловер стального цвета, вероятно только что натянутый после игры.

– А! Вот и вы! – сказала она.

Казалось, она была счастлива увидеть нас.

– Ступайте приведите себя в порядок.

Мы с Дексом переглянулись и одновременно кивнули в знак согласия.

– А где Лу? – спросил Декс.

– Она уже поднялась наверх, – сказала Джин, – наверное, переодевается.

– О! – сказал я недоверчиво. – Здесь переодеваются к бриджу.

Джин расхохоталась:

– Да нет, разве что шорты меняют. Идите наденьте что-нибудь поудобнее и возвращайтесь. Вас проведут сейчас в ваши комнаты.

– Надеюсь, – подхватил я, – вы тоже поменяете шорты. Ведь уже прошло не меньше часа, как вы надели эти.

– А я не потею, – заявила Джин. – Как младенец!

– И вы проиграли, конечно?

– О да!..

Она снова засмеялась. Она знала, что смех ей очень идет.

– Тогда я могу рискнуть вызвать вас на один сет? – сказал Декс. – Не сейчас, само собой. Завтра утром.

– Ну разумеется, – сказала Джин.

Может, я ошибаюсь, но, кажется, она предпочла бы, чтобы это был я.

– Хорошо, – сказал я. – Если есть второй корт, я вызову Лу, и проигравшие будут играть между собой. Постарайтесь проиграть, Джин, и у нас будет шанс сыграть вместе.

– О'кей, – сказала Джин.

– Ну, – подвел итог Декс, – если все так плутуют, то проигравшим буду я.

Мы все засмеялись, хотя не сказали ничего смешного. Но надо было разрядить обстановку. Затем мы с Дексом пошли следом за Джин к дому, и она сдала нас на руки чернокожей прислуге – худенькой женщине в белом накрахмаленном передничке.

Я переоделся в своей комнате и спустился вниз к остальным. Кроме Декса там были еще двое парней и две девицы, фифти-фифти; Джин с одной из девиц и двумя парнями играла в бридж. Лу тоже сидела там. Предоставив Дексу развлекать вторую девицу, я повернул ручку приемника, чтобы поймать что-нибудь танцевальное. Я наткнулся на Стена Кентона и оставил. Это было лучше, чем ничего. От Лу пахло новыми духами, они понравились мне больше, чем предыдущие, но мне хотелось подразнить ее.

- Вы сменили духи, Лу.
- Да. Разве эти вам не нравятся?
- Нет, отчего же, они неплохи, но ведь это не принято.
- Что?
- В порядочном обществе не принято менять духи. Настоящая леди верна одному запаху.
- Откуда вы это выкопали?
- Это всем известно. Старое французское правило.
- Мы не во Франции.
- Тогда почему вы пользуетесь французскими духами?
- Они самые лучшие.
- Бесспорно, но если вы следуете одному правилу, надо следовать и всем остальным.
- Скажите на милость, Ли Андерсон, где вы этого набрались?
- Плоды просвещения, – усмехнулся я.
- Какой колледж вы закончили?
- Ни один из тех, что вы знаете.
- То есть?
- Перед тем как вернуться в США, я учился в Англии и в Ирландии.
- Почему вы работаете в таком месте? Вы могли бы зарабатывать больше.
- Я зарабатываю достаточно, чтобы делать то, что хочу, – сказал я.
- Расскажите о вашей семье.
- У меня было два брата...
- И?
- Младший умер. Несчастный случай.
- А другой?
- Другой жив. Сейчас он в Нью-Йорке.
- Мне хотелось бы с ним познакомиться, – сказала она.
- Я предпочел бы, чтобы вы его не знали, – сказал я.

Казалось, она оставила свою резкость, выказанную у Декстера и у Джики, и забыла, что я с ней тогда делал.

Я представил себе это.

Но я ошибся, полагая, что она все забыла.

– Забавные у вас друзья, – сказала она, без всякой связи переходя к другой теме.

Мы продолжали танцевать. Мелодии следовали почти без перерыва, и это помогло мне избежать ответа.

- Что вы сделали с Джин в тот раз? – сказала она. – Ее словно подменили.
- Ничего я с ней не делал. Только помог ей протрезветь. Есть известный способ.
- Похоже, вы рассказываете мне сказки. С вами хорошему не научишься.
- Я чист, как младенец, – заверил я.

Была ее очередь не отвечать, и на несколько минут она полностью погрузилась в танец. Она затихла в моих руках и, казалось, ни о чем не думала.

– Хотела бы я быть там с вами, – заключила она вдруг.

– Я тоже сожалею об этом, – сказал я. – Вы были бы теперь спокойны.

От одной этой мысли кровь бросилась мне в затылок. Взять их обеих и покончить с ними разом, после того как я им скажу... Нет, это невозможно...

– Мне кажется, что вы говорите не то, что думаете.

– Я не знаю, что мне еще сказать, чтобы вы поверили, что именно это я и думаю.

Она энергично запротестовала, назвала меня педантом и обвинила в том, что я говорю как австрийский психиатр. Все это было несколько утомительно.

– Я хочу понять, – пояснил я, – в какие моменты вам кажется, что я говорю правду?

– Мне больше нравится, когда вы ничего не говорите.

– И когда я не делаю ничего – тоже?

Я прижал ее немного сильнее. Она поняла, конечно, на что я намекаю, и опустила глаза. Но я не собирался отстать от нее так просто. Впрочем, она сказала:

– Смотря по тому, что вы делаете.

– Вы не одобряете все, что я делаю?

– Вовсе не интересно, если вы делаете это со всеми подряд.

Я почувствовал, что потихоньку продвигаюсь. Она почти созрела. Еще несколько усилий. Мне хотелось знать, насколько она действительно готова.

– Вы говорите загадками, – сказал я. – О чем это вы?

На этот раз она опустила голову, а не только глаза. Она была намного ниже меня. К волосам у нее была приколотая большая белая гвоздика. Она все же ответила:

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. О том, что вы делали со мной в тот день, на диване.

– И что дальше?

– Вы делаете это со всеми женщинами, с которыми встречаетесь?

Я расхохотался, и она сжала мои руки.

– Не смейтесь надо мной, я вовсе не идиотка.

– Конечно нет.

– Отвечайте на мой вопрос.

– Нет, – сказал я. – Я делаю это не со всеми женщинами. Если откровенно, то очень мало найдется женщин, с которыми мне захотелось бы это сделать.

– Опять вы мне рассказываете сказки. Я же видела, что вытворяли ваши друзья.

– Это не друзья, а приятели.

– Не придирайтесь к словам, – сказала она. – Значит, вы делаете это с вашими приятельницами?

– Вы думаете, что может возникнуть желание заниматься этим с подобными девицами?

– Я думаю... – прошептала она, – бывают минуты, когда можно пойти на многое – и с разными людьми.

Я решил воспользоваться этой фразой, чтобы покрепче обнять ее. Одновременно я попытался погладить ее грудь. Я взялся за это слишком рано. Она высвободилась мягко, но решительно.

– Вы же знаете, в тот день я была пьяна, – сказала она.

– Я не заметил, – ответил я.

– О!.. Неужели вы полагаете, что я позволила бы сделать это со мной, если бы не была пьяна?

– Конечно.

Она снова опустила голову, затем подняла, чтобы сказать:

– Вы ведь не думаете, что я стала бы танцевать с первым встречным?

– Я и есть первый встречный.

– Вы отлично знаете, что это не так.

Редко мне доводилось поддерживать такой изнурительный разговор. Эта девчонка, как угорь, выскальзывала между пальцев. Она то, казалось, готова была идти до конца, то артачилась при малейшем прикосновении. Тем не менее я продолжал:

– Что же во мне особенного?

– Я не знаю. Вы привлекательны физически, но тут что-то другое. Вот ваш голос, например.

– Ну-ну?

– Это не совсем обычный голос.

Я снова от души рассмеялся.

– Да-да, – настаивала она. – Ваш голос более глубокий... и более... Я не знаю, как сказать... более сбалансированный...

– Это просто от привычки играть и петь под гитару.

– Нет, – сказала она. – Я не слышала, чтобы певцы и гитаристы пели, как вы. Нет, постойте. Я слышала голоса, которые напоминают ваш, да... это там... на Гаити. Черные.

– Вы делаете мне комплимент, – сказал я. – Это лучшие музыканты, каких только можно найти.

– Не говорите ерунду!

– Вся американская музыка вышла оттуда, – не отступался я.

– Я вам не верю. Во всех лучших танцевальных оркестрах играют белые.

– Еще бы, белые имеют гораздо больше возможностей, чтобы извлечь выгоду из открытий, сделанных черными.

– Не думаю, что вы правы. Все великие композиторы – белые.

– Дюк Эллингтон, например.

– Нет, Гершвин, Керн и тому подобные.

– Все эмигрировавшие европейцы, – заверил я. – Как раз они-то и есть самые способные эксплуататоры. Я не думаю, что можно найти у Гершвина оригинальный пассаж, который бы он не списал, не воспроизвел или не стащил откуда-нибудь. Попробуйте-ка найти хоть один в «Рапсодии в стиле блюз».

– Вы странный человек, – сказала она. – Я ненавижу негров.

Вот это было прекрасно. Я вспомнил про Тома. Я был почти готов возблагодарить Господа. Но слишком уж я желал эту девочку, чтобы ярость могла овладеть мной в тот момент. И мне не нужен был Господь, чтобы сделать свое доброе дело.

– Вы такая же, как все, – сказал я. – Вы очень любите кичиться разными вещами, которые мог придумать кто угодно, только не вы.

– Не понимаю, что вы хотите сказать.

– Вам надо попутешествовать, – уверял я. – Видите ли, не одни только белые американцы изобретали кинематограф или автомобиль, нейлоновые чулки или скачки. Или джазовую музыку.

– Поговорим о чем-нибудь другом, – сказала Лу. – Вы прочитали слишком много книг, вот в чем дело.

Там, за столиком, они все продолжали играть в свой бридж. И правда, я могу, пожалуй, ничего не добиться, если не заставлю эту девочку выпить. Надо было что-то предпринимать.

– Декс рассказывал мне о вашем роме, – продолжил я. – Это что – миф? Или он доступен и простым смертным?

– Вы, во всяком случае, можете на него рассчитывать, – сказала Лу. – Я давно должна была сообразить, что вам захочется выпить.

Я разжал руки, и она подбежала к бару.

– Коктейль? – спросила она. – Ром белый и ром красный?

– Давайте коктейль. Добавьте, если можно, немного апельсинового сока, а то я околею от жажды.

– Нет ничего проще, – откликнулась она.

На другом конце комнаты, за столом для бриджа громко загалдели.

– Эй! Лу!.. Приготовьте на всех!..

– Ладно, – сказала она, – только за стаканами приходите сами.

Она выглядела очень аппетитно, когда наклонилась вперед. На ней было надето облегающее джерси с круглым вырезом, слегка приоткрывавшим грудь. Как и в тот день, когда я ее увидел, она так же зачесала волосы на одну сторону, но теперь на левую. А накрашена она была гораздо скромнее – в общем, пальчики оближешь.

– Вы и в самом деле хорошенькая девочка, – сказал я.

Она обернулась, держа в руке бутылку рома.

– Не начинайте снова...

– Я не начинаю, я продолжаю.

– Тогда не продолжайте. С вами дело движется слишком быстро. Все удовольствие пропадает.

– Зачем тянуть слишком долго?

– С приятными вещами не надо слишком спешить.

– Разве вы знаете, что такое «приятная вещь»?

– Да. Разговаривать с вами, например.

– Все удовольствие только вам. Это эгоизм.

– Ну, вы невежа! Скажите еще, что вам надоело разговаривать со мной!..

– Я не могу смотреть на вас, не думая о том, что вы созданы для более интересных вещей, чем разговоры, а говорить с вами и не смотреть на вас мне трудно. Но я все-таки хочу разговаривать с вами. К тому же это спасает меня от бриджа.

– Вам не нравится бридж?

Она как раз наполнила стакан и протянула его мне. Я взял его и отпил половину.

– Мне нравится вот это.

Я показал на стакан.

– И еще мне нравится, что это приготовили вы.

Она слегка покраснела.

– Как приятно, когда вы такой.

– Уверяю вас, что я могу доставить удовольствие кучей других способов.

– Вы позер. Вы неплохо сложены и воображаете, что все женщины мечтают об этом.

– О чем?

– О физической стороне.

– Те, которые не мечтают, – заявил я, – просто никогда не пробовали.

– Это неправда.

– А вы пробовали?

Она не ответила, только стиснула себе пальцы. Затем решилась.

– То, что вы делали со мной... в прошлый раз...

– Ну-ну?

– Это не было приятно. Это... это было ужасно!

– Но... не неприятно.

– Нет... – сказала она совсем тихо.

Я не настаивал на продолжении и допил свой стакан. Я вновь обрел почву под ногами. Черт побери! Намучаюсь я еще с этой девчонкой; это все равно что держать в руках живую форель.

Джин встала из-за стола и подошла взять стаканы.

– Вы еще не соскучились с Лу?

– Ты невероятно любезна! – вставила ее сестра.

– Лу очаровательна, – сказал я. – Мне она очень нравится. Могу я попросить у вас ее руку?

– Никогда в жизни!.. – сказала Джин. – У меня приоритет.

– А я что же? – сказала Лу. – Бросовый товар?

– Ты молода, – сказала Джин. – У тебя есть время. А я...

Я засмеялся, так как на самом деле Джин выглядела старше своей сестры не больше чем на пару лет.

– Что вы смеетесь, как идиот?! – сказала Лу. – Разве вы не видите, что она уже заметно поблекла?

Мне решительно нравились обе эти девчонки. И они к тому же, как видно, отлично ладили.

– Если вы, состарившись, не станете хуже, – сказал я Лу, – то я охотно женюсь на вас обеих.

– Вы чудовище! – сказала Джин. – Я возвращаюсь к своему бриджу. Потом вы будете танцевать со мной. Целый час.

– А! Вот еще! – сказала Лу. – На этот раз приоритет у меня. Иди играй в свои грязные карты.

Мы снова принялись танцевать, но тут сменилась программа, и я предложил Лу прогуляться вокруг дома, чтобы размять ноги.

– Я не знаю, какой мне интерес оставаться с вами наедине? – сказала она.

– Вы ничем не рискуете. В конце концов, вам стоит только закричать...

– Еще чего, – возразила она. – Чтобы выглядеть полной идиоткой!..

– Ладно, – сказал я. – Тогда, если вы не против, я хотел бы немного выпить.

Я направился к бару и составил себе недурную укрепляющую смесь. Лу оставалась на том же месте.

– А вы хотите?

Она отрицательно покачала головой, прикрыв свои желтые глаза.

Перестав возиться с нею, я пересек комнату и подошел посмотреть на игру Джин.

– Я пришел, чтобы принести вам удачу, – сказал я.

– Самое время!

Она, сияя улыбкой, полуобернулась ко мне.

– Я проигрываю сто тридцать долларов. Вы находите это забавным?

– Все зависит от того, какой процент от вашего состояния это составляет, – отреагировал я.

– А не прекратить ли нам игру? – предложила она тогда.

Трое остальных, которым, казалось, было безразлично, играть или делать что-либо другое, разом поднялись из-за стола. Что касается Декстера, то некоторое время назад он увел четвертую девицу в сад.

– Неужели нет ничего, кроме этого? – сказала Джин, презрительным жестом указывая на приемник. – Сейчас я отыщу вам что-нибудь повеселее.

Она поколдовала над кнопками и действительно наткнулась на что-то танцевальное. Один из типов пригласил Лу, двое других стали танцевать вместе, а я повел Джин для начала чего-нибудь выпить. Теперь ведь я уже знал, что ей нужно.

После нашего долгого разговора я почти не говорил с Лу до тех пор, пока мы, то есть Декс и я, не поднялись к себе. Наши комнаты находились на втором этаже с той же стороны, что и комнаты девушек. Родители занимали другое крыло. Остальные разошлись по домам. Я сказал, что родители занимали другое крыло, но в то время они как раз находились в отъезде: в Нью-Йорке, или на Гаити, или еще где-то. Первой по коридору располагалась моя комната, затем шли по порядку комнаты Декстера, Джин и, наконец, комната Лу. Не слишком удобное размещение для набегов.

Я разделся, принял душ и хорошенько растерся перчаткой из конского волоса. Я смутно слышал сквозь стену, как Декстер передвигался по своей комнате. Потом он вышел, вернулся минут через пять, и я различил булькающий звук наполняемого стакана. Он только что совершил небольшую фуражирскую экспедицию, и я подумал, что это весьма неплохая идея. Я легонько постучал в дверь, соединявшую его комнату с ванной, которая находилась между нами. Он сразу же подошел.

– Эй! Декс, – сказал я через дверь. – Мне приснилось или я действительно слышал звон бутылок?

– Сейчас я поделюсь с тобой одной из них, – сказал Декс. – Я запасся двумя.

Это был ром. Нет ничего лучше, чтобы поскорей уснуть или, наоборот, приятно пободрствовать, смотря по тому, как вы собираетесь провести время. Лично я не собирался засыпать слишком скоро, но немного погодя услышал, как Декс лег. Он сделал иной выбор.

Я выждал с полчаса и тихонько вышел из комнаты. На мне были только трусы и верх пижамы. Я не выношу пижамных брюк, это абсолютно невозможная штукавина.

В коридоре было темно, но я знал, куда идти. Я продвигался вперед без особых предосторожностей, так как ковер вполне мог заглушить даже шум бейсбольного матча. Я тихонько постучал в дверь Лу.

Я услышал, как она подошла; вернее, почувствовал ее приближение, и ключ повернулся в замочной скважине. Я проскользнул в спальню и быстро запер за собой лакированную створку.

На Лу был надет восхитительный белый пеньюар, который она, должно быть, слизала с какой-нибудь Варгас Гёл. Под ним ничего не было, кроме кружевного бюстгальтера и маленьких трусиков ему в пару.

– Я пришел взглянуть, сердитесь ли вы все еще на меня, – сказал я.

– Не оставайтесь, пожалуйста, здесь, – взмолилась она.

– Зачем же тогда вы мне открыли? Кто, по-вашему, еще это мог быть?

– Я... я не знаю! Может быть, Сюзи...

– Сюзи давно спит, и остальная прислуга тоже. Вы это прекрасно знаете.

– Зачем вы пришли?

– Вот за этим.

Я схватил ее одним рывком и как безумный стал осыпать поцелуями. В этот момент моя левая рука не знала, что делает правая. Но Лу отбивалась яростно, и тут я схлопотал одну из самых увесистых оплеух, какие до сих пор мне только доводилось получать в этой жизни. Я выпустил ее.

– Вы дикарь! – сказала она.

Ее волосы, с пробором посередине, были причесаны как обычно и волнами ниспадали на плечи. Это был действительно лакомый кусочек. Но я оставался спокоен. В этом мне помог ром.

– Вы слишком шумите, – ответил я. – Джин, несомненно, услышит вас.

– Между нашими спальнями ванная комната.

– Прекрасно.

Я снова приступил к делу, и мне удалось расстегнуть ее пеньюар. Я успел сорвать с нее трусики, прежде чем она снова смогла ударить меня. Тут я перехватил ее запястье и завел ей руки за спину. Обе они вполне сносно поместились в моей правой ладони. Она боролась бесшумно, но ожесточенно и пыталась нанести мне удар коленом, но я просунул свою левую руку между ее ног и крепко прижал ее тело к себе. Она старалась укусить меня сквозь пижаму. Но мне самому все еще никак не удавалось освободиться от этих чертовых трусов. Я резко выпустил ее и оттолкнул к кровати.

– В конце концов, – сказал я, – вы, кажется, до сих пор неплохо жили и без меня. Зачем мне затруднять себя подобной ерундой.

Она едва не плакала, но глаза ее сверкали от гнева. Она даже не попыталась одеться, и я пожирал ее глазами. Тугие черные завитки у нее на лобке лоснились и блестели, как каракуль.

Я повернулся кругом и направился к двери.

– Спите спокойно, – сказал я – Простите, что привел в беспорядок ваше белье. Не решаюсь предложить вам восстановить все это на прежнем месте, но надеюсь, вы вышлете мне счет.

Трудно было выказать себя большим хамом, однако это входило в мои планы. Она ничего не ответила, но я увидел, как судорожно сжались ее кулаки. Она кусала себе губы. Вдруг она резко повернулась ко мне спиной, и я застыл еще на мгновение, чтобы полюбоваться на нее и с этой стороны тоже. И правда, было очень жаль. Я вышел, чувствуя себя несколько нелепо.

Не церемонясь, я открыл следующую дверь, дверь Джин. Она не была закрыта на ключ. Я не спеша направился к ванной и повернул никелированную задвижку.

Затем я снял с себя куртку пижамы и скинул трусы. Спальня была освещена нежным рассеянным светом, а розовые обои еще больше смягчали обстановку. Джин, совершенно голая, делала маникюр, лежа животом вниз на своей невысокой кровати. Увидев, что я вошел, она повернула голову и провожала меня глазами, пока я запираю двери.

– А вы нахал, – сказала она.

– Да, – ответил я. – А вы только меня и ждали.

Она засмеялась и перевернулась на своей постели.

Я сел рядом с ней и стал ласкать ее ляжки. Она совсем не знала стыда, как малышка десяти лет. Она села и пощупала мои бицепсы.

– Ты силач!

– Нет-нет, я совсем слабенький. Как только что родившийся ягненок, – сказал я.

Она потерлась об меня и поцеловала, но вдруг отпрянула и вытерла губы.

– Вы пришли от Лу. От вас пахнет ее духами.

Я совсем не подумал об этой чертовой штуковине. Голос Джин дрожал, и она избегала смотреть мне в глаза. Я крепко взял ее за плечи.

– Не дури.

– От вас пахнет ее духами.

– Видишь ли... Я должен извиниться, – сказал я. – Я ее только что обидел.

Я подумал, что Лу, может быть, еще стоит полуголая в своей спальне, и это меня еще больше возбудило. Джин заметила это и покраснела.

– Это тебя смущает? – спросил я.

– Нет, – прошептала она. – Я могу тебя потрогать?

Я вытянулся перед ней на постели и уложил ее рядом с собой. Ее руки робко перебегали по моему телу.

– Какой ты сильный, – сказала она совсем тихо. Теперь мы лежали на боку лицом друг

против друга. Я тихонько подтолкнул ее и перевернул на другой бок, затем придвинулся к ней. Она слегка раздвинула ноги, чтобы освободить мне проход.

– Сейчас ты сделаешь мне больно.

– О! Конечно нет, – сказал я.

Я не делал ничего особенного, только ласкал пальцами ее груди, поднимаясь от их основания к кончикам, и чувствовал, как вся она дрожит. Ее круглые и теплые ягодицы расположились вплотную ко мне чуть выше моих ляжек, и она часто дышала.

– Хочешь, погашу свет? – прошептал я.

– Нет, – сказала Джин. – Мне больше нравится так.

Я высвободил из-под нее левую руку и откинул ей волосы за правое ухо. Многие не знают, что можно сделать с женщиной, целуя и покусывая ей ушко. Это замечательный фокус. Джин извивалась, как угорь.

– Ах! Не делай со мной этого.

Но стоило мне остановиться, как она вцепилась мне в запястье и сжала его с неожиданной силой.

– Сделай еще!

Я приступил к делу более обстоятельно и почувствовал, как вся она вдруг напряглась, потом обмякла, и голова ее упала на подушку. Моя рука скользнула вниз вдоль живота, и я понял, что она кое-что испытала. Едва касаясь, я пробегал по ее шее быстрыми поцелуями и видел, как натягивалась кожа, когда я приближался к горлу. Затем, нежно-нежно, я взял свой член и вошел в нее – так легко, что не знаю даже, почувствовала ли она это, пока я не стал двигаться. Ну да, все дело в подготовке. Но она высвободилась легким движением своих круглых ягодиц.

– Я тебе не наскучил? – спросил я.

– О! Ласкай меня еще. Ласкай меня всю ночь.

– Как раз это я и собираюсь делать, – сказал я.

Я снова овладел ею, на этот раз грубо. Но я вышел из нее раньше, чем она достигла пика удовольствия.

– Ты сведешь меня с ума... – прошептала она.

И она перевернулась на живот, зарывшись головой в подушку и положив ладони на затылок. Я поцеловал ее в поясницу, потом в ягодицы и затем приподнялся над ней на коленях.

– Раздвинь ноги, – сказал я.

Она ничего не ответила и мягко раздвинула ноги. Я скользнул рукой ей между ляжек и снова ввел член, но на этот раз я ошибся дорогой. Она не уступала, но я настаивал.

– Я не хочу, – прошептала она.

– Привстань на колени, – сказал я.

– Я не хочу.

Затем она выгнула поясницу, и колени ее подогнулись. Она продолжала закрывать голову руками, упираясь локтями в постель, а я медленно продвигался к своей цели. Она ничего не говорила, но я ощутил, как, сокращаясь от верха к низу, стал сжиматься ее живот и участилось дыхание. Не выходя из нее, я упал на бок, увлекая Джин за собой, и, когда я попытался заглянуть ей в лицо, из ее закрытых глаз текли слезы, но она сказала, чтобы я остался.

Я вернулся в свою комнату в пять часов утра. Джин не шевелилась, когда я ее оставил. Она действительно дошла до предела. У меня немного тряслись поджилки, но мне все же удалось покинуть постель в десять часов. Думаю, что ром Декса помог мне в этом. Я встал под холодный душ и попросил его прийти меня поколошматить. Он колотил меня как оглашенный, и это привело меня в равновесие. Интересно, в каком же состоянии Джин, подумалось мне. Декс же явно переусердствовал со своим ромом, от него разило на два метра. Я посоветовал ему выпить литра три молока и сыграть партию в гольф. Он рассчитывал найти Джин на теннисном корте, но она, естественно, еще не вставала. Я спустился к завтраку. Лу сидела за столом совсем одна. На ней была плиссированная юбочка выше колен, а под замшевой курткой – блузка из светлого шелка. Мне действительно хотелось эту девочку. Но сегодня утром я чувствовал себя спокойнее. Я поздоровался с ней.

– Добрый день.

Тон ее был холоден. Нет, скорее грустен.

– Вы сердитесь на меня? Приношу вам свои извинения за вчерашний вечер.

– Думаю, что вы иначе не можете, – сказала она. – Таким уж вы уродились.

– Нет. Таким я стал.

– Меня не интересуют ваши похождения.

– Вы еще не в том возрасте, когда мои похождения могли бы вас заинтересовать...

– Ну, Ли, я заставлю вас еще пожалеть о том, что вы мне только что сказали.

– Хотел бы я посмотреть, каким образом.

– Ладно, не будем больше об этом. Хотите сыграть один сет со мной?

– Охотно, – ответил я. – Мне нужна разрядка.

Она не могла удержать улыбку, и, как только закончился завтрак, я вышел за ней во двор. Эта девчонка не могла злиться долго.

Мы играли в теннис где-то до полудня. Я уже не чуял под собой ног, и у меня потемнело в глазах, когда с одной стороны подошла Джин, а с другой явился Декс. Они были в таком же плачевном состоянии, как и я.

– Привет! – сказал я Джин. – Кажется, вы в прекрасной форме.

– Посмотрели бы лучше на себя, – огрызнулась она.

– В этом виновата Лу, – утверждал я.

– Я так же виновата в этом, как и в том, что старина Декс словно лимон проглотил! – возразила Лу. – Все вы сильно перебрали, вот и все. Ох, Декс. От вас несет ромом на пять метров.

– Ли сказал мне – на два метра, – бодро отозвался Декс.

– Неужели это я сказал вам такое?

– Лу, – сказал Декс. – Идите играть со мной.

– Это нечестно, – сказала Лу. – С вами должна играть Джин.

– Увы! Это невозможно! – сказала Джин. – Ли, прокатите меня разок вокруг дома до завтрака.

– Но в котором часу здесь завтракают? – возмутился Декс.

– У нас нет определенного часа, – сказала Джин. Она взяла меня под руку и потянула в сторону гаража.

– Возьмем машину Декса? – сказал я. – Это удобнее, она стоит первой.

Она не ответила, а крепко вцепилась мне в руку и намертво прилепилась ко мне. Я изо всех

сил старался болтать обо всякой ерунде, но она по-прежнему ничего мне не отвечала. Джин выпустила мою руку, только чтобы сесть в машину, но едва я устроился за рулем, как она снова приклеилась вплотную, но так, чтобы не очень мешать мне вести. Я дал задний ход, развернулся и одним рывком проскочил въездную аллею. Решетка была открыта, и я повернул направо. Я не знал, куда ведет эта дорога.

– Как тут выехать из этого городишки? – спросил я Джин.

– Все равно как... – прошептала она.

Я взглянул на нее в зеркало. Глаза ее были закрыты.

– Ответьте же, наконец, – настаивал я. – Вы слишком много спали и слегка одурели от этого.

Она метнулась ко мне как безумная и схватила мою голову обеими руками, чтобы поцеловать меня. Я благоразумно затормозил, так как это значительно уменьшило видимость.

– Ну, поцелуй же меня, Ли!..

– Подожди хоть, пока мы не выедем из города.

– Ах! Мне все равно. Люди?.. Пусть все узнают об этом.

– А как же твоя репутация?

– Можешь не беспокоиться. Поцелуй меня.

Поцеловать... Это ничего, если продолжается пять минут, но я не могу делать это не переставая. Спать с ней и вертеть ее в разные стороны – согласен. Но не целовать. Я с трудом высвободился.

– Будь благоразумной.

– Ли! Ну, поцелуй меня. Пожалуйста.

Я снова прибавил скорость и свернул в первую же улицу направо, потом налево – я пытался хорошенько встряхнуть ее, чтобы она отцепилась от меня и занялась чем-нибудь другим, но с этим «паккардом» ничего нельзя было поделать. В нем абсолютно не трясло. Она воспользовалась заминкой, чтобы снова оплести руками мою шею.

– Можешь быть уверена, что в этом местечке о тебе будут рассказывать презабавные вещицы.

– Пусть их себе рассказывают хоть в пять раз больше. До чего они будут раздосадованы, когда...

– Что – когда?

– Когда узнают, что мы скоро поженимся.

Честное слово, быстро же продвигалось дело с этой девицей! Встречаются ведь некоторые особы, на которых это действует, как валерьянка на кота илидохлая лягушка на фокстерьера. Им хочется повиснуть на вас на всю оставшуюся жизнь.

– А мы скоро поженимся?

Она наклонилась и поцеловала мою правую руку.

– Можешь быть уверен.

– Ну и когда?

– А прямо сейчас.

– Только не в воскресенье.

– Почему? – спросила она.

– Нет. Это идиотизм. Твои родители не дадут согласия.

– Мне все равно.

– Но у меня нет денег.

– Нам хватит на двоих.

– Мне едва хватает одному, – сказал я.

– Мои родители нам помогут.

– Не думаю. Твои родители совсем меня не знают. Да и ты, впрочем, знаешь меня немногим больше.

Она покраснела и спрятала голову у меня на плече.

– Нет, я знаю тебя, – прошептала она. – Я могла бы описать тебя по памяти всего, с ног до головы.

Мне захотелось проверить, как далеко это у нее зашло, и я сказал:

– Немало женщин могли бы описать меня таким манером.

Она не отреагировала.

– Мне все равно. Теперь они больше не смогут этого сделать.

– Но ты же ничего не знаешь обо мне.

– Я ничего не знала о тебе...

И она принялась напевать песенку Дюка, которая начинается этими словами.

– Ты и сейчас знаешь обо мне не больше, – уверял я.

– Ну, тогда расскажи мне, – сказала она, перестав петь.

– В конце концов, – сказал я, – не вижу, каким образом я мог бы помешать тебе выйти за меня замуж. Если только я не уеду. А у меня нет никакого желания уезжать.

Я не прибавил «пока не овладею Лу», но слова мои значили именно это. Джин приняла все за чистую монету. Я крепко держал эту девочку в руках. Теперь надо было ускорить осаду Лу. Джин положила голову мне на колени и втиснула свое туловище на остаток сиденья.

– Так расскажи мне, Ли. Я тебя прошу.

– Хорошо, – ответил я.

Я наплел ей, что родился где-то в Калифорнии, что мой отец приехал из Швеции и поэтому у меня белокурые волосы. У меня было трудное детство, так как родители были очень бедны, и в возрасте лет девяти – это было во времена Великой депрессии – я уже играл на гитаре, чтобы заработать себе на жизнь; а затем, лет в четырнадцать, мне посчастливилось встретить одного типа, который заинтересовался мной и взял с собой в Европу, в Великобританию и Ирландию, где я и провел с десяток лет.

Все это было сплошное вранье. Я действительно провел десять лет в Европе, но совсем не так, как рассказывал, и всем, чему я выучился, я был обязан только самому себе да еще библиотеке того парня, у которого работал лакеем. Ничего я не рассказал ей и о том, как этот тип обращался со мной, зная, что я черный; ни о том, что он делал со мной, когда его маленькие друзья не приходили его проводить; ни о том, как я расстался с ним, когда вынудил его подписать чек, чтобы оплатить мое обратное путешествие, прибегнув при этом к некоторым особым знакам внимания.

Я выдумал для нее кучу чепухи про моего брата Тома, про Мальша, про то, как он случайно погиб и как предполагали, что тут замешаны негры (эти типы всегда были ей подозрительны, это раса лакеев, и ее тошнило от одной мысли, что какой-нибудь цветной может к ней подойти).

Итак, я вернулся и увидел, что дом моих родителей продан, что мой брат Том живет в Нью-Йорке, а Мальш лежит в земле; тогда я стал искать работу и устроился в книжную лавку благодаря одному из друзей Тома – последнее было правдой.

Она слушала меня как оракула, и я продолжал; я сказал ей, что не думаю, чтобы ее родители дали согласие на наш брак, так как ей нет еще двадцати лет. (Ей только что исполнилось двадцать, и она могла обойтись без их согласия.) Но я зарабатываю мало денег. (Она предпочитала, чтобы я сам честным трудом зарабатывал деньги, а ее родителям я наверняка понравлюсь, и они подыщут мне работу поинтереснее – на Гаити, на одной из своих плантаций.)

Пока она говорила, я старался сориентироваться и наконец наткнулся на дорогу, по которой

мы с Дексом приехали.

На какое-то время я должен буду вернуться к моей прежней работе, а она заедет ко мне через недельку; нужно будет все уладить и хорошенько сговориться, чтобы удрать на юг и провести несколько деньков в каком-нибудь местечке, где никто не будет нам докучать; а потом мы вернемся уже обвенчанными, и дело в шляпе.

Я спросил, собирается ли она рассказать об этом Лу. Она ответила, что да, но не о том, чем мы занимались с ней вдвоем. Заговорив об этом, она снова пришла в возбуждение. К счастью, мы уже приехали.

Вторую половину дня мы провели, занимаясь неизвестно чем. Погода, правда, была не такой хорошей, как накануне. Настоящая осенняя погода. Я старательно избегал играть в бридж с приятелями Джин и Лу – я хорошо помнил советы Декса; неподходящее было время, чтобы швырять на ветер те несколько сотен долларов, что мне удалось скопить. И правда, этих типов совершенно не волновало, лежит у них в кармане на пять или шесть сотен больше или меньше. Единственное, чего они хотели, – это убить время.

Джин без всякого повода не переставая глазела на меня, и я ей посоветовал, воспользовавшись минутой, когда мы остались наедине, чтобы она была чуточку поосторожнее. Я опять танцевал с Лу, но она держалась недоверчиво, и мне никак не удавалось навести разговор на интересную тему. Я уже не чувствовал никаких последствий ночных походов и снова начинал возбуждаться каждый раз, как только видел ее грудь. Она все же позволяла себя слегка потискать во время танца. Как и накануне, их знакомые ушли не слишком поздно, и мы снова остались вчетвером. Джин едва не валилась с ног, но хотела чего-то еще, и мне стоило неимоверного труда убедить ее, что благоразумнее будет немного переждать; к счастью, усталость сделала свое дело. Декс продолжал налегать на ром. Мы поднялись наверх около десяти, и я почти сразу опять спустился, чтобы захватить какое-нибудь чтиво. У меня не было ни малейшего желания возобновлять это дело с Джин, и мне не так хотелось спать, чтобы я мог сразу же уснуть.

Когда я вернулся в свою комнату, то обнаружил там Лу, которая сидела на моей постели. Она была в том же пеньюаре, что и накануне, и в новеньких трусиках. Я даже не прикоснулся к ней. Я закрыл на ключ входную дверь и дверь ванной комнаты и улегся в постель, как будто Лу здесь и не было. Но я слышал, как участилось ее дыхание, когда я скидывал с себя свое барахло. И лишь очутившись в кровати, я решил с ней заговорить.

– Вам не спится этой ночью, Лу? Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Так я по крайней мере буду уверена, что вы не пойдете сегодня ночью к Джин, – ответила она.

– Что вас навело на мысль, что я был вчера вечером у Джин?

– Я вас слышала, – сказала она.

– Вы меня удивляете... Насколько я помню, я совсем не шумел, – усмехнулся я.

– А почему вы закрыли обе двери?

– Я всегда закрываю двери, когда ложусь спать, – сказал я. – Мне вовсе не улыбается, проснувшись, увидеть в постели рядом с собой неизвестно кого.

Она, наверное, облилась духами с головы до ног. От нее благоухало за километр, и макияж ее был безупречен, волосы, как и вчера, разделены пробором. Казалось, мне достаточно протянуть руку, чтобы сорвать ее, как срывают созревшее яблоко, но оставался еще один маленький счет, который надо было с ней уладить.

– И все-таки вы были у Джин, – настаивала она.

– В любом случае, вы выставили меня за дверь, – сказал я. – Это все, что я помню.

– Мне не нравятся ваши манеры, – сказала она.

– Как раз сегодня я особенно корректен, – сказал я. – Приношу свои извинения, что был вынужден раздеться в вашем присутствии. Впрочем, я уверен, что вы не смотрели.

– Что вы сделали с Джин? – настаивала она.

– Послушайте, – сказал я. – Сейчас я вас сильно удивлю, но не могу поступить иначе. Пусть уж лучше вы узнаете правду. Она все время бежит за мной, после того раза, как я поцеловал ее.

– Какого раза?

– Когда я помогал ей протрезвиться у Джики.

– Я так и знала.

– Она заставила меня почти силой. Вы ведь знаете, что я тогда тоже немного выпил.

– А вы целовали ее по-настоящему?..

– Как?..

– Как меня... – прошептала она.

– Нет, – сказал я просто, стараясь казаться чистосердечным, что вышло у меня вполне удовлетворительно. – Лу, ваша сестра – прилипала. Это о вас я мечтаю. Я поцеловал Джин как... как я поцеловал бы свою мать, а ее теперь ничем нельзя удержать. Я не знаю, как отвязаться от нее, и боюсь, что мне это не удастся. Она еще вам скажет, конечно, что мы вот-вот поженимся. Это нашло на нее сегодня утром в машине Декса. Она мила, но я ее не хочу. Мне кажется, что она слегка спятила.

– Ее вы поцеловали раньше, чем меня.

– Нет, это она меня поцеловала. Вы ведь знаете, конечно, что всегда чувствуешь благодарность к тому, кто возится с тобой, когда ты с похмелья...

– Вы жалеете о том, что поцеловали ее?

– Нет, – сказал я. – Я жалею только об одном. О том, что в тот вечер не вы были на ее месте.

– Ты можешь поцеловать меня теперь, – сказала она.

Она не двигалась и сидела, уставившись в одну точку. Должно быть, ей чего-нибудь да стоило сказать это.

– Я не могу тебя поцеловать, – сказал я. – С Джин это не имело значения. Но с тобой... с тобой я становлюсь сам не свой. Я не притронусь к тебе, прежде чем...

Я не закончил фразы и издал неясный отчаянный всхлип, перекатившись на другую сторону кровати.

– Прежде чем что? – спросила Лу.

Она слегка развернулась и положила руку мне на предплечье.

– Нет, это глупость! – сказал я. – Это невозможно...

– Скажи мне.

– Я хотел сказать... прежде чем мы будем женаты, Лу, ты и я. Но ты слишком молода, а я никогда не смогу избавиться от Джин, и никогда она не оставит нас в покое.

– Ты всерьез об этом думаешь?

– О чем?

– О том, чтобы жениться на мне?

– Как я могу думать всерьез о том, что невозможно, – ответил я. – Но что до моего желания, то клянусь, что желаю этого более чем серьезно.

Она встала с кровати. Я остался лежать, отвернувшись лицом к стене. Она ничего не говорила. Я также не сказал ни слова, но почувствовал, как она вытянулась на постели.

– Ли! – позвала она через мгновение.

Сердце мое колотилось так часто, что, казалось, слегка подрагивала кровать. Я повернулся. Она сняла пеньюар и все остальное и, закрыв глаза, лежала на спине. Я подумал, что Говард Хьюз снял бы дюжину фильмов только для того, чтобы показать грудь этой девочки. И... и я не прикоснулся к ней.

– Я не хочу делать это с тобой, – сказал я. – Эта история с Джин мне отвратительна. До того, как вы меня узнали, вы прекрасно ладили между собой. И у меня нет желания разделять вас тем или иным образом.

Кажется, у меня не было другого желания, кроме как вдуть ей, желания, от которого меня

просто корчило, так что я забыл про все свои другие чувства. Но мне удалось сдержаться.

– Джин влюблена в тебя, – сказала Лу. – Это очевидно.

– И я ничего не могу с этим поделать.

Она была гладкая и изящная, как травинка, и благоухала, как парфюмерный магазин. Я сел и склонился над ее ногами, и я поцеловал ее между ляжек, в то место, где кожа у женщин такая нежная, как птичий пух. Она сжала колени, а потом почти сразу снова раздвинула их, и я передвинулся немного повыше. Ее курчавый и блестящий подшерсток на лобке ласкал мою щеку, и я принялся нежно-нежно ласкать ее легкими движениями языка. Губы ее влагилица, горячие и влажные, казалось, пружинили под моим языком, и мне захотелось укусить ее, но я выпрямился. Она одним рывком села и схватила мою голову, чтобы прижать ее к тому же месту, но я наполовину высвободился.

– Не хочу, – сказал я. – Я не хочу до тех пор, пока не закончится эта история с Джин. Я не могу жениться на вас обеих.

Я покусывал кончики ее грудей. Она все еще держала меня за голову, и глаза ее были закрыты.

– Джин хочет женить меня на себе, – продолжал я. – Почему? Я не знаю. Но если я откажусь, она наверняка все подстроит так, чтобы помешать нам видеться.

Она молчала и выгибала грудь под моими ласками. Моя правая рука скользила вверх и вниз вдоль ее ляжек, и Лу раскрывалась, как цветок, на каждое точно рассчитанное прикосновение.

– Я вижу только один выход, – сказал я. – Я могу жениться на Джин, а ты поедешь с нами. И тогда мы, конечно, найдем способ, чтобы встречаться.

– Я не хочу, – прошептала Лу.

Голос ее прозвучал неровно, и я мог чуть ли не играть на нем, как на музыкальном инструменте. Интонация менялась при каждом новом прикосновении.

– Я не хочу, чтобы ты делал с ней это...

– Никто меня не заставит делать это с ней, – сказал я.

– О! Сделай это со мной, – сказала Лу. – Сделай сейчас!

Всем своим телом она отзывалась на каждое движение моей руки. Я скользнул головой к ее коленям и, перевернув спиной к себе, раздвинул ей ноги и погрузил туда, между ляжек, свое лицо. Я взял в свои губы губы ее влагилица. Она вдруг напряглась и почти сразу же расслабилась. Я пососал ее немножко и отодвинулся. Она лежала ничком.

– Лу, – прошептал я. – Я не возьму тебя. Я не хочу делать это, пока мы не будем спокойны. Я женюсь на Джин, а потом мы от нее отделаемся. Ты мне поможешь.

Она одним движением перевернулась на спину и почти исступленно поцеловала меня, так что ее зубы клацнули об мои. Я погладил ее ниже поясницы. Потом обнял за талию и поставил на пол.

– Иди спать, – сказал я ей. – Мы наговорили много глупостей. Будь умницей и возвращайся в свою постель.

Я тоже встал и поцеловал ее в глаза. К счастью, я так и не снял свои трусы и сохранил пристойный вид.

Я помог ей надеть бюстгальтер и трусики; вытер ей между ног своей простыней и наконец накинул на нее прозрачный пеньюар. Она позволила все это сделать, не говоря ни слова, мягкая и теплая в моих руках.

– Додо, моя маленькая сестренка, – сказал я ей. – Я уезжаю завтра утром. Постарайся выйти к завтраку, мне очень хочется тебя увидеть.

Потом я вытолкнул ее наружу и вновь закрыл дверь. Теперь уж точно обе они были у меня в руках. Я почувствовал у себя в груди такую радость, что Малыш мог бы перевернуться под

своими двумя метрами земли. Ну что ж, я протянул ему свою лапу. Это что-нибудь да значит – пожать руку брату.

Несколько дней спустя я получил письмо от Тома. Он не слишком много писал о своих делах, но если я правильно понял, он нашел что-то, хоть и не слишком блестящее, в одной из школ Гарлема. Еще он цитировал для меня Писание, тут же комментируя его, так как вполне справедливо сомневался, что я хорошо разбираюсь во всей этой истории. Там был один пассаж из книги Иова, где говорилось: «Плоть мою я взял в зубы мои и душу мою держу рукой моей». Как я понял, этот тип, по мнению Тома, хотел сказать, что он пошел с последней карты или все на нее поставил; мне кажется, что говорить так сложно о такой ерунде – все равно что хвататься правой рукой за левое ухо. Но я увидел, что в этом Том совершенно не изменился. И все же он славный малый. Я ответил, что у меня все идет хорошо, и вложил пятидесятидолларовую купюру, потому что думал, что бедняга вовсе не катается как сыр в масле.

В остальном все было по-старому. Книги и снова книги. Я получал рождественские альбомы и газетные листки, последние шли не через главную контору, а от разных типов, действовавших за собственный счет, но мой контракт запрещал ввязываться в эти маленькие хитрости, и я предпочитал не рисковать. Иногда мне приходилось выставлять за дверь субъектов, работавших в порно, хотя я старался обходиться с ними помягче. Эти парни часто были черными или мулатами, и я знал, как несладко приходится таким бедолагам; обычно я брал у них одну или две безделушки и дарил кому-нибудь из нашей банды, особенно нравились такие штучки Джуди.

Они по-прежнему собирались в соковом баре напротив, заглядывали ко мне, время от времени поставляли мне девочек (обычно через день). Скорее глупых, чем порочных. Кроме Джуди, конечно.

Джин и Лу, обе они должны были заехать в Бактон еще до конца недели (два randevu, назначенных по отдельности). От Джин я дождался только телефонного звонка, а Лу и не позвонила, и не приехала. Джин приглашала меня на ближайший уик-энд, и мне пришлось ей ответить, что я не смогу приехать. Я не собирался позволить этой девице обращаться со мной как с пешкой. Она говорила, что чувствует себя не блестяще, и потому хотела, чтобы приехал я, но я ответил, что у меня срочная работа, и тогда она обещала приехать в понедельник к пяти часам, чтобы у нас хватило времени поболтать.

До понедельника все шло как обычно; в субботу вечером я снова замещал гитариста в клубе, и это принесло мне пятнадцать долларов и дармовую выпивку. В этой забегаловке неплохо платили. Оставаясь один, я читал или разучивал что-нибудь на гитаре. Я забросил чечетку, пока у меня все шло достаточно хорошо и без этого. Я смогу снова заняться ею, когда избавлюсь от обеих девиц Эсквит. Позаботился я также о патронах для маленькой пушки, доставшейся мне от Мальша, купил в аптеке разных снадобий, которые могли бы пригодиться в моем деле, и сдал свою телегу на ремонт в гараж, где один парень взялся отладить мне кое-какие мелочи.

Все это время Декс не подавал признаков жизни. Я попытался выловить его в субботу утром, но он уехал на уик-энд, и мне не сказали куда. Думаю, что он снова стал таскаться к десятилетним малышам старой Анны, так как остальные в нашей компании тоже не знали, где он провел всю неделю.

А в понедельник, в двадцать минут пятого, машина Джин остановилась у дверей магазина. Она словно смеялась над тем, что об этом могли здесь подумать. Она вышла из машины и зашла в мою лавчонку. У меня никого не было. Она подошла и впиалась в меня умопомрачительным поцелуем. Я предложил ей сесть. Я нарочно не опустил железную штору, чтобы она видела, что я отнюдь не приветствую ее приезда раньше назначенного времени.

Несмотря на макияж и подведенные черным глаза, выглядела она неважно. Как обычно,

одета она была во все самое дорогое, что только можно нацепить, а шляпка – просто полный отпад; впрочем, она ее старила.

– Хорошо доехали? – спросил я.

– Это совсем рядом, – ответила она. – Раньше мне казалось значительно дальше.

– Вы приехали раньше времени, – заметил я.

Она взглянула на свои часики, усыпанные бриллиантами.

– Не намного!.. Сейчас без двадцати пяти пять.

– Четыре часа двадцать девять минут, – возразил я. – Вы приехали чудовищно рано.

– Это вам неприятно?

И она приняла нежный вид, что окончательно вывело меня из себя.

– Конечно. У меня есть другие дела, кроме развлечений.

– Ли, – прошептала она, – будь хоть чуть-чуть любезнее!..

– Я очень любезен, когда моя работа закончена.

– Будьте любезнее, Ли, – повторила она. – Я... У меня будет...

Она замолчала. Я уже понял, но надо было, чтобы она сама это сказала.

– Да говорите же! – сказал я.

– У меня будет ребенок, Ли.

– А! – сказал я, грозя ей пальцем. – Вы плохо вели себя с мужчиной?!

Она засмеялась, но лицо ее оставалось неподвижным и напряженным.

– Ли, нужно, чтобы ты женился на мне как можно скорее, иначе будет ужасный скандал.

– Да нет, – успокоил я. – Такое случается сплошь и рядом.

Теперь я принял игривый тон; не надо было все ж таки доводить до того, чтобы она убежала в слезах, пока все наши дела не будут улажены. В таком состоянии женщины часто бывают излишне нервными. Я подошел к ней и погладил по плечу.

– Посиди здесь, – сказал я. – Сейчас я закрою лавку, и мы поговорим спокойно.

Конечно же, будет намного легче избавиться от нее теперь, когда она беременна. У нее появился отличный повод покончить с собой. Я направился к двери и нажал на кнопку слева, опускающую штору. Она плавно упала с негромким клацаньем шестеренок, проворачивающихся в масле. Когда я вернулся, Джин, сняв шляпу, взбивала свои волосы, чтобы вернуть им пышность; так ей больше шло. Действительно, симпатичная девочка.

– Когда же мы уедем? – спросила она вдруг. – Теперь нужно, чтобы ты увез меня как можно скорее.

– Мы сможем убраться отсюда не раньше конца недели, – ответил я. – Мои дела в порядке, но мне еще надо подыскать где-нибудь новое место.

– Я возьму с собой денег.

У меня, естественно, не было ни малейшего желания позволить содержать себя, даже девице, которую я собирался прикончить.

– Для меня это ничего не меняет, – сказал я. – Тратить твои деньги? Об этом не может быть и речи. Я хочу, чтобы это было решено между нами раз и навсегда.

Она не ответила. Она сидела как на иголках, и было видно, что она не решается о чем-то сказать.

– Ну, что у тебя там еще? – решил я ее подбодрить. – Выкладывай, что ты там без меня натворила?

– Я туда написала, – сказала она. – Я наткнулась на один адрес среди объявлений. Они пишут, что это пустынный уголок для любителей уединения и для влюбленных, которые хотят спокойно провести медовый месяц.

– Если все влюбленные, жаждущие покоя, назначат там randevu, – пробурчал я, – то может

получиться изрядная давка!..

Она засмеялась. Было видно, что гора свалилась у нее с плеч. Она была не из тех девиц, которые способны долго что-нибудь скрывать.

– Они мне ответили, – сказала она. – У нас будет отдельный домик, а обедают там в отеле.

– Будет лучше, если ты уедешь первая, – сказал я, – а я присоединюсь к тебе потом. Тогда у меня будет время закончить все дела.

– Мне хотелось бы поехать туда вместе с тобой.

– Это невозможно. Возвращайся домой, чтобы не вызвать подозрений, собери чемодан в самый последний момент. Не стоит брать много вещей. И не оставляй адреса. Родителям совсем необязательно его знать.

– Когда ты приедешь?

– В следующий понедельник. Я отправлюсь в воскресенье вечером.

Вряд ли кто-нибудь заметит мой отъезд в воскресенье вечером. Но еще оставалась Лу.

– Разумеется, – прибавил я, – ты уже сказала об этом своей сестре.

– Нет еще.

– Она, вероятно, кое о чем догадывается. В любом случае в наших интересах поставить ее в известность. Она сможет послужить нам посредником. Ты ведь с ней хорошо ладишь, не правда ли?

– Да.

– Тогда скажи ей об этом, но только в день отъезда, и оставь адрес, но так, чтобы она нашла его не раньше, чем ты уедешь.

– Как же все это сделать?

– Ты можешь вложить адрес в конверт и отправить по почте, как только будешь за две или три сотни миль от дома, можешь оставить его в ящике стола. Есть тысяча способов.

– Как мне не нравятся все эти сложности! О Ли! Разве мы не можем просто уехать вместе, сказав всем, что хотим немного пожить одни?

– Это невозможно, – сказал я. – Что подходит для других, то не годится мне. У меня нет денег.

– Мне это все равно.

– Посмотри в зеркало, – сказал я. – Тебе это все равно, потому что они у тебя есть.

– Я не решаюсь сказать об этом Лу. Ей ведь только пятнадцать лет.

Я рассмеялся:

– Ты принимаешь ее за младенца? Тебе пора бы знать, что если в семье две сестры, младшая узнает обо всем одновременно со старшей. Если бы у тебя была младшая сестра десяти лет, она знала бы все точно так же, как и Лу.

– Но Лу еще совсем ребенок.

– Еще бы! Достаточно взглянуть, как она одевается. Духи, которыми она пользуется, тоже свидетельствуют о ее полной невинности. Надо предупредить Лу. Повторяю, что нам нужен кто-нибудь в доме, чтобы служить посредником между нами и родителями.

– Лучше бы никто не знал об этом!

Я усмехнулся со всей злостью, на которую был способен.

– Похоже, вы не слишком гордитесь парнем, которого отыскали, а?

Губы ее задрожали, и я подумал, что она вот-вот заплачет. Она встала.

– Зачем ты говоришь мне гадости? Тебе доставляет удовольствие делать мне больно? Я не хочу ничего говорить, потому что боюсь...

– Боишься чего?

– Боюсь, что ты бросишь меня, прежде чем мы поженимся.

Я пожал плечами:

– Ты полагаешь, что женитьба меня остановит, если я захочу тебя бросить?

– Да, если у нас будет ребенок.

– Если у нас будет ребенок, я не смогу получить развод, это понятно; но этого недостаточно, чтобы помешать мне бросить тебя, если у меня возникнет такое желание...

На этот раз она заплакала. Она снова упала на стул и опустила голову. Слезы покатались по ее пухлым щекам. Я почувствовал, что немного хватил через край, и подошел к ней. Я обнял ее за шею и погладил по голове.

– О Ли! – сказала она. – Это так не похоже на то, что я себе представляла. Я думала, что ты будешь счастлив, когда я полностью буду принадлежать тебе.

Я ответил какую-то чушь, а потом ее стало тошнить. У меня ничего не было под рукой, даже салфетки, и мне пришлось бежать за тряпкой, которой уборщица мыла в магазине пол, в чуланчик за лавкой. Вероятно, ей стало плохо из-за беременности. Когда позывы прекратились, я вытер ей лицо своим платком. Глаза ее блестели от слез, словно вымытые, и дышала она с трудом. Ее туфли были испачканы, и я обтер их кусочком бумаги. Меня мутило от запаха, но я наклонился к ней и поцеловал. Она страстно прижалась ко мне, бормоча что-то бессвязное. Мне не повезло с этой девицей: перепьет она или перетрахается – вечно ей плохо.

– Уезжай скорее, – сказал я ей. – Сейчас возвращайся домой, приведи себя в порядок. В четверг вечером собери чемодан и уезжай. В следующий понедельник я приеду к тебе. А пока займись увольнением.

В один миг она приободрилась и улыбнулась недоверчиво.

– Ли... это правда?

– Ну конечно.

– О! Ли, я тебя обожаю... Знаешь, мы будем очень, очень счастливы!

Она совсем не помнила зла. Обычно девушки не так легко идут на примирение. Я поднял ее со стула и стал ласкать ей груди прямо через платье. Она напряглась и повернулась ко мне спиной. Она хотела, чтобы я продолжал, а я... Я предпочел бы проветрить помещение. Но она прилипла ко мне и растегнула меня одной рукой. Задрав юбку, я засадил ей прямо на длинном столе, на котором клиенты просматривают книги; она лежала, закрыв глаза, и казалась мертвой. Когда я почувствовал, что она расслабилась, то продолжал еще некоторое время, пока она не застонала, и выпустил все ей на платье. Затем она приподнялась, поднесла руку ко рту, и ее снова вырвало.

Потом я поставил ее на ноги, привел в божеский вид и, пройдя через дверь в глубине лавки, чуть ли не на руках дотащил до машины и усадил за руль. Хотя она была в полубморочном состоянии, у нее нашлись еще силы, чтобы до крови прокусить мне нижнюю губу, но я даже не дернулся, а стоял и смотрел, пока она не уехала. Надеюсь, что машина сама нашла дорогу к дому.

Потом я вернулся к себе и принял душ, чтобы избавиться от этого запаха.

До сих пор я не думал всерьез обо всех сложностях, к которым приведет меня идея прикончить этих девиц. В ту минуту у меня появилось желание бросить это дело и оставить все как есть, по-прежнему продавать свои книжки, ни во что не ввязываясь. Но я все-таки должен был сделать это ради Малыша, и потом ради Тома, и ради себя тоже. Знавал я парней, которые в обстоятельствах, сходных с моими, забыв про свою кровь, в любых ситуациях принимали сторону белых и без всяких колебаний колотили черных, когда представлялся случай. Гады! С ними бы я разделался с особенным удовольствием. Но всему свой черед. Сначала девицы Эсквит. Я уже двадцать раз мог бы прикончить кого-нибудь другого: мальшек, с которыми я встречался, Джуди, Джики, Билла и Бетти, – но это не представляло никакого интереса. Слишком мелкая сошка. Эсквиты – вот мой пробный удар. Думаю, что потом, когда я выпутаюсь, мне удастся убрать какую-нибудь более важную птицу. Если не сенатора, то что-нибудь в этом роде. Мне нужно не так уж мало, чтобы с ними расквитаться. Но сначала я должен прикинуть, как выйти сухим из воды, имея двух мертвых баб на руках.

Лучше всего обставить это как автомобильную катастрофу. Если сперва и возникнет вопрос, что они собирались делать неподалеку от границы, то сразу после вскрытия, когда обнаружат, что Джин беременна, этим интересоваться перестанут. Ну а Лу просто сопровождала свою сестру. А я буду ни при чем. Только бы не потерять хладнокровия, и, когда дело будет сделано, я смогу рассказать обо всем их родителям. Они узнают, что их дочь дала себя обрюхатить негру. После этого надо будет на некоторое время сменить обстановку, а потом... потом останется только начать все сначала.

Идиотский план, но как раз самые идиотские планы лучше всего удаются. Я был уверен, что Лу явится туда через неделю после нашего приезда; она крепко сидела у меня на крючке. Небольшая прогулка с сестрой. Джин за рулем, затем неожиданная тошнота... Что может быть естественнее? Я успею выпрыгнуть. В тех краях, куда мы едем, всегда можно найти местечко, которое сгодится для этого трюка... Лу будет сидеть впереди, рядом с сестрой, я сзади. Сначала покончить с Лу, и, если Джин выпустит руль, увидев, что к чему, – дело будет в шляпе.

Но эта комбинация в автомобиле нравилась мне только наполовину. Во-первых, это не ново. Во-вторых, и это главное, все придется делать слишком быстро. А мне нужно время, чтобы растолковать им почему; надо, чтобы они поняли, что они у меня в руках, и осознали, что их ожидает.

Да, автомобиль... но потом. Автомобиль в самом конце. Кажется, я нашел то, что нужно. Сначала отвезти их в укромный уголок, да там же и прикончить, выложив, отчего и зачем. Засунуть снова в машину, и... несчастный случай. Так же просто, но удовольствия в два раза больше. Именно так? Да?

Я думал обо всем этом еще некоторое время. Я начал нервничать. Затем выбросил из головы эти мысли и сказал себе, что все произойдет совсем не так, как я задумал; тут я вспомнил про Малыша. И вспомнил еще свой последний разговор с Лу. Я ведь кое-чему уже положил начало с этой девицей, и дело теперь стало проясняться. Тут стоило рискнуть. Машина, если получится. Если нет – не беда. Граница недалеко, а в Мексике нет смертной казни. Думаю, что все это время в моей голове уже неясно брезжил, постепенно обретая форму, другой план, и я только в этот момент осознал, как осуществить его на деле.

В эти дни я глушил довольно много виски. Моим мозгам приходилось много трудиться. Кроме патронов, я позаботился и о других мелочах: купил кирку, лопату и веревок. Я не знал еще, сработает ли мой последний план. Если да, то мне так и так понадобятся патроны. Если

нет, не помешает остальное. И кирка, и лопата могли пригодиться еще для одной идеи, забрезжившей у меня в голове. На мой взгляд, ошибаются те парни, которые, задумывая дело, расписывают его до мелочей с начала и до конца. Мне кажется, всегда нужно оставлять место случаю; зато когда наступит подходящий момент, неплохо иметь под рукой все необходимое.

Возможно, я был и не прав, не приготовив ничего определенного, но когда я возвращался мысленно к этой истории с несчастным случаем в автомобиле, она нравилась мне все меньше и меньше. Я не принял в расчет важное обстоятельство – время; впереди у меня было довольно времени, и я старался пока не слишком заикливаться на этой истории. Никто не знал места, куда мы едем, и думаю, что Лу никому о нем не скажет, если наш последний разговор произвел на нее желаемый эффект. Впрочем, об этом я узнаю сразу, как только приеду.

В последний момент, за час до отъезда, на меня нашло что-то вроде ужаса, и я стал сомневаться, что Лу вообще к нам приедет. Это был самый тяжелый час за все это время. Я сидел у себя за столом и пил. Не знаю, сколько стаканов, но мозг мой был так ясен, словно виски Рикардо вдруг превратилось в самую обычную воду; и тут я так же отчетливо увидел, что нужно делать, как я видел лицо Тома, когда бутылка с горючим взорвалась на кухне; я спустился в аптеку и заперся в телефонной кабине. Я набрал номер междугородней и спросил Приксвилл. Меня соединили сразу. Прислуга мне ответила, что Лу сейчас подойдет, и через пять секунд я услышал ее.

– Алло? – сказала она.

– Говорит Ли Андерсон. Как дела?

– Что вас интересует?

– Джин уже уехала, не так ли?

– Да.

– И ты знаешь куда?

– Да.

– Это она тебе сказала?

Я услышал, как она усмехнулась.

– Она спрятала свое сообщение в газету.

У этой девицы глаза были на месте. Она, должно быть, поняла все с самого начала.

– Я заеду за тобой, – сказал я.

– Разве ты не поедешь к ней?

– Да. Но вместе с тобой.

– Я не хочу.

– Ты отлично знаешь, что поедешь.

Она ничего не ответила, и я продолжал:

– Будет много проще, если я отвезу тебя.

– Зачем же тогда ехать к ней?

– Нужно будет ей сказать...

– Сказать ей что?

Я засмеялся в свою очередь.

– Я расскажу тебе об этом по дороге. Собирай чемодан и едем.

– Где мне тебя ждать?

– Я выезжаю. Буду у вас через два часа.

– На своей машине?

– Да. Жди меня в своей комнате. Я просигналю три раза.

– Я подумаю.

– Пока.

Я повесил трубку, не дожидаясь ответа, и достал платок, чтобы вытереть лоб. Я вышел из кабины, заплатил и снова поднялся к себе. Мои пожитки были уже в машине, а деньги при мне. Я уже написал письмо в контору, где объяснял им, что должен срочно навестить больного брата – пусть Том простит мне это. Я еще твердо не знал, что мне делать со своей работой в книжной лавке; она мне не так уж сильно надоела. Мне ничего не хотелось обрывать окончательно. До сих пор я жил без особых хлопот и затруднений и никогда не испытывал неуверенности, но эта история начинала меня нервировать; так или иначе, но я сходил с наезженной колеи, и дальше дорога обещала быть куда менее гладкой. Я даже предпочел бы поскорее оказаться на месте, чтобы покончить с этим делом и выбросить его из головы. Вообще не переносу, когда на мне висит неоконченная работа – вот как сейчас.

Я внимательно посмотрел вокруг, чтобы убедиться, что ничего не забыл, и взял шляпу. Затем вышел, закрыл дверь на ключ и сунул его в карман. Машина ждала меня у соседнего дома. Я включил зажигание и медленно тронулся. Сразу за городом я дал полный газ и пустил машину на предельной скорости.

На дороге была адская темень, но движение, к счастью, было не слишком оживленное. Только тяжелые грузовики время от времени попадались навстречу. Почти никто не ехал на юг. Я выжимал из машины все, что мог. Мотор гудел, как у трактора, и термометр показывал сто девяносто пять, но я тем не менее все прибавлял газу, и моя колымага как-то это выдерживала.

Мне хотелось успокоить расхолодившиеся нервы. После часа всего этого грохота стало полегче, я немного сбросил скорость и снова услышал поскрипывание кузова.

Ночь стояла влажная и холодная. Зима уже давала о себе знать, но мой плащ лежал в чемодане. Боже! Никогда еще мне не было так жарко. Я следил за дорожными знаками, но эта трасса не из сложных: лишь время от времени попадется заправочная станция в три-четыре постройки, и – снова дорога. Изредка по сторонам мелькали какие-то плантации или фруктовые сады, потом опять тянулись глухие места.

Я рассчитывал сделать сотню миль за два часа. На самом деле их было сто восемь или сто девять, да еще надо прибавить время, которое я потерял на выезде из Бактона и когда объезжал вокруг сада Эсквитов, чтобы подрулить поближе к дому. На все это мне потребовалось только полтора часа или чуть больше. Даже не ожидал, что моя старая развалина на это способна. Я подумал, что Лу должна быть наготове, и, проезжая мимо ворот, просигналил три раза.

Я остановил машину сразу за воротами. Сначала ничего не было слышно. С того места мне было не разглядеть окон Лу, а выйти из машины я не решился и не хотел гудеть еще раз, боясь разбудить кого-нибудь в доме.

Я решил дожидаться ее в машине и, когда закурил сигарету, чтобы немного успокоиться, увидел, как дрожат мои руки. Сделав несколько глубоких затяжек, я выбросил сигарету и долго колебался, прежде чем повторить тройной гудок клаксона. Потом, уже совсем собравшись было выйти из машины, я почувствовал, что кто-то идет, и, обернувшись, увидел ее совсем рядом.

Она пришла без шляпы, в светлом пальто и с большим чемоданом из коричневой кожи; чемодан, казалось, вот-вот лопнет. Она забралась в машину и, не сказав ни слова, уселась рядом со мной. Я закрыл дверцу, перегнувшись через Лу, но даже не пытался ее поцеловать. Она была замкнута, как несгораемый шкаф.

Я тронулся с места и развернулся, чтобы снова выехать на шоссе. Она сидела неподвижно, уставившись прямо перед собой. Я наблюдал за ней краем глаза, но подумал, что все уладится, когда мы выедем из города. Еще сто миль такой же бешеной гонки. Воздух стал суше, а тьма не такой непроглядной: чувствовалось, что мы приближаемся к югу. Но оставалось проделать еще пятьсот или шестьсот миль.

Я не мог больше сидеть рядом с ней, не произнося ни слова. Духи Лу заполнили всю машину, и это чертовски меня возбуждало; я вновь видел ее стоящей посреди спальни в разорванных трусиках и с глазами как у кошки; я вздохнул. Достаточно громко, чтобы она заметила. У нее был такой вид, словно она только что проснулась и понемногу приходит в себя; я попытался несколько разрядить атмосферу, так как все еще чувствовалась некоторая натянутость.

– Не холодно?

– Нет, – сказала она.

Она зябко вздрогнула, и от этого у нее еще больше испортилось настроение. Я подумал, что она разыгрывает что-то вроде сцены ревности, но мои руки были заняты, и я мог попытаться уладить все это только словами, если ей действительно пришла в голову такая дурацкая идея. Держа руль одной рукой, я порылся в правом ящичке, достал оттуда бутылку виски и поставил ей

на колени. В ящичке лежал еще бакелитовый стаканчик, я поставил его рядом. Потом закрыл ящик и повернул ручку приемника. Надо было вспомнить об этом раньше, но я решительно чувствовал себя не в своей тарелке.

Меня слишком взбудоражила мысль о том, что еще предстояло сделать. К счастью, она взяла бутылку и открыла ее, затем налила себе стаканчик и одним глотком все выпила. Я протянул руку. Она снова наполнила стакан и осушила его второй раз. И только после этого налила мне. Я вернул стакан, даже не почувствовав того, что выпил. Она убрала все обратно в ящик, вытянулась немного на сиденье и расстегнула пуговицы пальто. На ней был довольно короткий костюм, но с очень широкими лацканами, жакет она расстегнула тоже. Под ним, прямо на тело, был надет пуловер лимонного цвета. Я изо всех сил старался не отвлекаться от дороги.

Теперь в машине пахло ее духами, виски, немного сигаретами – как раз такая смесь, чтобы кровь ударила вам в голову. Но я не стал опускать стёкла. Мы по-прежнему молчали; так продолжалось еще с полчаса; потом она снова открыла ящик и выпила еще два стакана. Теперь ей стало жарко, и она сняла пальто. И в тот момент, когда она невольно приблизилась ко мне, я чуть наклонился и поцеловал ее в шею у самого уха. Она резко отпрянула, обернулась и взглянула на меня. И вдруг громко рассмеялась. Я подумал, что виски уже начало действовать. Еще миль пятьдесят я продолжал молча вести машину и наконец, когда она снова взялась за виски, перешел в нападение.

- Еще не в форме?
- Все о'кей, – медленно произнесла она.
- Не хочется ехать со стариной Ли?
- Ну почему же.
- Не хочется повидать свою сестренку?
- Не говори мне о моей сестре.
- Она милая девушка.
- И она хорошо трахается, а?

У меня перехватило дыхание. Любая другая могла мне сказать это, и я даже не обратил бы внимания, – Джуди, Джики, Би-Джи, – но не Лу. Она увидела, как я ошарашен, и засмеялась взалхлеб. Теперь стало заметно, что она пьяна.

- Разве это не так называется?
- Да, – подтвердил я. – Именно так.
- И разве она этим не занимается?
- Я не знаю.

Она снова засмеялась.

– Знаешь, Ли, не стоит. Я уже не в том возрасте, когда верят, что дети заводятся от поцелуев в губы!

- Какие дети?
- Джин ждет ребенка.
- Ты в своем уме?
- Ли, уверяю тебя: не стоит продолжать. Я знаю то, что знаю.
- Я не спал с твоей сестрой.
- Да-да.
- Я не делал с ней этого; и даже если бы я с ней это и делал, не ждет она никакого ребенка.
- Почему же ей все время плохо?
- Ей было плохо у Джики, хотя я тогда еще не мог сделать ей ребенка. У твоей сестры слабый желудок.
- А что-нибудь еще у нее не слишком слабо?!

И тут она обрушилась на меня с кулаками. Я втянул голову в плечи и прибавил газу. Она колотила изо всех сил; это было не слишком больно, но все же довольно чувствительно. Мускулатуру ей заменяли нервы и неплохая теннисная подготовка. Когда она остановилась, я встряхнулся.

– Вы чувствуете себя лучше?

– Я чувствую себя очень хорошо. А Джин, ей было хорошо после?..

– После чего?

– После того, как ты ее трахнул?

Ей явно доставляло удовольствие повторять это слово. Если бы я сейчас провел рукой у нее между ляжек, уверен, что мне пришлось бы вытереться.

– О, – сказал я, – она уже делала это раньше!

Снова град ударов.

– Ты грязный лгун, Ли Андерсон!

Она запыхалась после этих усилий и сидела отвернувшись.

– Кажется, я предпочел бы трахнуть тебя, – сказал я. – Мне больше нравится твой запах, и у тебя больше волос на лобке. Но Джин трахается хорошо. Я буду жалеть о ней, когда мы от нее избавимся.

Она не пошевелилась. Напоследок она проглотила и эту пилюлю. Мне самому было трудно дышать, это нашло на меня, как затмение, и я кое-что почувствовал.

– Мы сделаем это прямо сейчас, – прошептала Лу, – или... после?

– Сделаем что? – выдохнул я.

Мне было тяжело говорить.

– Ты сейчас возьмешь меня?.. – сказала она так тихо, что я скорее догадался, чем на самом деле услышал ее слова.

Теперь я был возбужден, как бык, и мне чуть не стало плохо.

– Сначала надо покончить с ней, – ответил я.

Я сказал это, только чтобы проверить, насколько она в моих руках.

– Я не хочу, – сказала она.

– Ты так дорожишь своей сестрой, а? Или сдрейфила?..

– Я не хочу ждать...

К счастью, я заметил заправочную станцию и остановил машину. Надо было подумать о чем-нибудь другом, чтобы не потерять выдержку. Пока наполняли бак, я остался сидеть в машине. Лу повернула ручку дверцы и выскочила наружу. Она что-то прошептала, и человек указал ей на одну из построек. Она исчезла и вернулась минут через десять. Я воспользовался этим, чтобы заставить этого парня подкачать спустившую камеру, и попросил принести сэндвич, который так и не смог проглотить.

Лу уселась обратно. Я расплатился, и парень отправился досыпать. Я завел машину, и еще час или два мы неслись сломя голову. Лу больше не шевелилась. Казалось, она спала; я совсем уже успокоился, и вдруг она потянулась, снова открыла ящик и на этот раз выпила один за другим три стаканчика.

Я не мог больше смотреть на нее, не приходя в возбуждение. Я пытался усидеть за рулем, но еще через десять миль остановил машину на обочине дороги. Было совсем темно, но уже чувствовалось приближение утра. Купы деревьев и кустарники закрывали этот уголок от ветра. С полчаса назад мы миновали какой-то городишко.

Поставив машину на ручной тормоз, я взял бутылку и сделал порядочный глоток, а потом велел ей выходить. Она открыла дверцу и взяла свою сумочку. Я вышел следом. Она направилась к деревьям и, как только мы подошли к ним, остановилась и попросила сигарету – я забыл их в

машине. Я велел ей подождать; она стала рыться в сумке, пытаясь отыскать их у себя, но я уже бегом бежал к машине. Заодно я прихватил и бутылку. В ней уже почти ничего не было, но у меня оставалось еще несколько штук в багажнике.

Возвращаясь, я спотыкался от возбуждения и начал расстегиваться, еще не доходя до нее, и вдруг увидел револьверную вспышку и в тот же миг почувствовал, что мой левый локоть словно разорвался, рука плетью повисла вдоль тела: если бы я не занимался в этот момент своим туалетом, то получил бы пулю прямо в легкое.

Я сообразил все это в одну секунду, а в следующую уже сидел на ней верхом и выкручивал запястье, а потом изо всех сил врезал ей кулаком по виску, когда она попыталась меня укусить; но я чувствовал адскую боль и жестоко страдал. От моего удара она обмякла и больше не двигалась, но дело еще не было сделано. Я подобрал револьвер и положил себе в карман. Обыкновенная пушка калибра 6,35 – такая же, как у меня, но эта шлюха прицелилась как следует. Я бегом вернулся к автомобилю. Левую руку я придерживал правой и гримасничал, как китайская маска, но я был так разъярен, что даже не понимал хорошенько, откуда идет боль.

Я нашел то, что искал, – веревку, – и вернулся. Лу начала шевелиться. Когда я связывал ее, то из-за боли в локте мог действовать только одной рукой и, закончив эту процедуру, стал бить ее по щекам; потом задрал ей юбку, разорвал пуловер и снова принялся хлестать по физиономии. Мне пришлось придерживать ее коленом, пока я стаскивал этот проклятый свитер, но все равно мне это удалось только наполовину. Начинало светать, но она лежала как раз в самой тени дерева.

В этот момент она попыталась заговорить и сказала, что я не возьму ее, что она перед отъездом звонила Дексу и просила его предупредить полицию, и что она поняла, какой я негодяй, еще когда я предложил покончить с ее сестрой. Я усмехнулся, потом она выдавила из себя некое подобие улыбки, и я врезал ей кулаком в челюсть. Грудь ее была холодная и твердая; я спросил, почему она выстрелила в меня, и попытался взять себя в руки; она сказала, что я грязный негр, что ей сказал об этом Декс, что она поехала со мной, чтобы предупредить Джин, и что она ненавидит меня, как никого и никогда.

Я усмехнулся еще раз. В груди моей словно колотился кузнечный молот, и руки мои дрожали, а левая здорово кровоточила: я чувствовал, как что-то течет у меня по предплечью.

Тогда я сказал ей, что белые прикончили моего брата и я расквитаюсь за это вдвойне, и что она в любом случае пойдет в зачет; и опять так сдавил ей одну из грудей, что она почти потеряла сознание, но не издала ни звука. Я вlepил ей убийственную затрещину. Она снова открыла глаза, и в свете наступающего дня я увидел, что они блестят от слез и ярости. Я наклонился, обнюхивая ее, как зверь, и тут она завизжала. Я впился зубами ей прямо между ляжек. Рот мой наполнился черной и жесткой шерстью, я слегка разжал зубы и потом снова свел их немного пониже, где было нежнее. Я купался в запахе ее духов, ими пахло даже здесь, и покрепче стискивал зубы. Я пытался заткнуть ей рот рукой, но она визжала, как свинья, которую режут, и от этого крика меня бросало в озноб. Тогда я сжал челюсти изо всех сил и наконец прокусил ее плоть насквозь. Я ощутил, как кровь затекает мне в рот, ее бедра задергались, несмотря на веревки. Все мое лицо было залито кровью, и я чуть отполз назад. Никогда не слышал, чтобы женщина так кричала; и тут я почувствовал, что все извергается прямо мне в трусы, это потрясло меня так, как ничто прежде не потрясало; но меня не отпускал страх, что кто-нибудь вот-вот явится. Я чиркнул спичкой и увидел, что она истекает кровью. Я тут же принялся бить ее здоровым кулаком по челюсти, я чувствовал, как ломаются ее зубы, и продолжал: я хотел, чтобы она перестала кричать. Я ударил еще сильнее, а потом натянул ей юбку на лицо и уселся сверху. Она извивалась как червяк. Никогда бы не подумал, что жизнь сидит в ней так цепко; когда она дернулась особенно резко, мне показалось, что моя левая рука сейчас оторвется. Я пришел в

такую ярость, что готов был содрать с нее кожу. Но я просто поднялся, чтобы прикончить ее ударом ноги, и навалился всем своим весом, поставив ботинок ей поперек горла. Когда она перестала двигаться, я почувствовал, что это пришло во второй раз. Теперь у меня дрожали колени, и я боялся хлопнуться в обморок.

Мне надо было бы сходить за киркой и лопатой и закопать ее, но я уже боялся полиции, боялся, что они сцапают меня до того, как я покончу с Джин. Я чувствовал, что теперь меня направляет Мальш; встав на колени рядом с Лу, я зубами развязал веревку, стягивающую ее руки. На запястьях у нее остались глубокие следы, и тело казалось на ощупь дряблым, как обычно тела у мертвых сразу после смерти. Грудь тоже увяла. Я не стал стаскивать юбку с ее лица – не хотел его больше видеть, но взял часы: мне была необходима какая-нибудь ее вещь.

Тут я вдруг вспомнил о своем лице и побежал к машине. Взглянул на себя в зеркало и увидел, что мне не так уж много надо приводить в порядок. Я протер лицо и руки небольшим количеством виски; предплечье больше не кровоточило; мне удалось высвободить его из рукава и крепко привязать к телу шейным платком и веревкой. Я чуть не завыл от боли, когда пришлось сгибать руку, однако при помощи второй бутылки из багажника в конце концов справился. На это ушло немало времени, вот-вот должно было взойти солнце. Забрав из машины пальто Лу, я накрыл ее им – мне не хотелось таскать его за собой. Я совершенно не чувствовал под собой ног, но руки дрожали немного меньше.

Снова усевшись за руль, я тронулся с места. Что же она могла сказать Дексу? Эта ее история с полицией начинала меня беспокоить. Хотя я вроде бы совсем не думал о ней, она оставалась в подсознании, как шумовой фон.

Теперь я хотел Джин, чтобы испытать еще разок испытанное уже дважды, когда приканчивал ее сестру. Да, только теперь я нашел то, что всегда искал. Мысль о полиции еще немного занимала меня, но совсем в другом плане: они не помешают мне сделать задуманное, у меня был слишком большой запас времени. Им пришлось бы изрядно попотеть, чтобы сцапать меня. Мне оставалось меньше трехсот миль. Левая рука теперь почти совсем онемела, а сам я весь взмок.

Где-то за час до конца пути на меня вдруг нахлынули воспоминания. Я вспомнил день, когда в первый раз взял в руки гитару. Это было у соседа, который и дал мне тайком несколько уроков; я разучивал только одну песенку: «When the Saints go marchin' on», и я научился играть ее полностью, с импровизациями, и одновременно пел. Однажды вечером я одолжил у соседа гитару, чтобы устроить дома сюрприз; Том запел вместе со мной; а Малыш был просто без ума, он начал приплясывать вокруг стола, словно шел на параде за колонной резервистов; он взял палку и стал выделять с ней всякие фортели. В это время вернулся отец, он засмеялся и стал петь вместе с нами. Я вернул гитару соседу, но на следующий же день нашел на своей постели другую, купленную по случаю с рук, но еще вполне приличную. И каждый день я брэнчал на ней понемножку. Гитара такой инструмент, от которого делаешься ленивым. Возьмешь ее, сыграешь мотивчик-другой, потом бросишь и бездельничаешь, снова берешь, чтобы взять на ней два-три аккорда или подыграть себе, пока что-нибудь насвистываешь. И так пролетает день за днем.

Тут колдобина на дороге привела меня в чувство. Вероятно, я задремал. Левая рука совсем потеряла чувствительность, и мне безумно хотелось пить. Я снова попытался вспомнить о старых добрых временах, чтобы хоть ненадолго избавиться от навязчивых мыслей; я так жаждал поскорее приехать, что, как только мое сознание прояснялось, сердце начинало колотиться о ребра и правая рука дрожала на руле; а у меня, увы, чтобы вести машину, была только одна рука. Я подумал, что делает сейчас Том; может быть, молится или учит чему-нибудь малышей; от Тома я перешел к Клему и этому городку, Бактону, где неплохо провел последние три месяца, прилично зарабатывая в книжной лавке; вспомнил Джики и тот день, когда трахнул ее в воде, и как прозрачна была река. Джики – совсем молоденькую, гладкую и голую, как младенец; и вдруг это снова заставило меня вспомнить Лу, ее черное, кудрявое и жесткое руно внизу живота, и тот вкус, который остается на языке, когда кусаешь его, – вкус нежный, чуть солоноватый и теплый, пропитанный ароматом ее ляжек, – и ее крики опять зазвучали у меня в ушах; я чувствовал, как пот заливает мне лоб, и никак не мог бросить эту проклятую баранку, чтобы вытереться. Желудок мой вздулся от газов и давил на диафрагму так сильно, что, казалось, вот-вот расплющит легкие, а Лу кричала у меня в ушах; я утопил эбонитовое кольцо дорожной сирены на руле и черную кнопку городского сигнала в самой его середине, я жал на них одновременно, лишь бы заглушить эти крики.

Я несся со скоростью восемьдесят пять миль в час; эта штука никак не могла ехать быстрее, но тут дорога пошла под уклон, и я увидел, как стрелка спидометра медленно переползла на два деления, на три, а потом на четыре. Уже давно рассвело. Навстречу мне стали попадаться машины, а какие-то обгонял я. Продержав несколько минут, я отпустил обе кнопки, так как могли встретиться полицейские на мотоциклах, а у этого мотора не хватало силенок, чтобы их обставить. Приехав, я смогу взять машину Джин, но боже мой! когда же, наконец, я доеду?..

Кажется, я начал повизгивать, скулить сквозь зубы, как животное, чтобы ехать быстрее, и один вираж я взял не притормозив, под душераздирающий визг скользящих покрышек. Машину сильно занесло, но она все-таки выровнялась, заехав на встречную полосу, а я выжимал газ до отказа, и смеялся, и радовался, как Малыш, когда он крутился вокруг стола и пел «When the Saints...», и мне почти не было страшно.

Но эта мерзкая дрожь вернулась, стоило мне подъехать к отелю. Было около половины двенадцатого; Джин должна ждать меня к завтраку, как я ей сказал. Я открыл правую дверцу и вышел с этой стороны, так как с моей рукой иначе было не сделать.

Гостиницей оказалась какая-то белая постройка в традициях местной архитектуры, с опущенными жалюзи на окнах. В этих краях, несмотря на конец октября, еще пригревало солнце. Я никого не увидел в нижнем холле. Это был далеко не тот роскошный замок, который сулило газетное объявление, но что касается уединенности, то лучшего требовать не приходилось. Я едва насчитал дюжину домиков, в том числе заправочную станцию и быстро при ней, немного в стороне от дороги, предназначенное, несомненно, для водителей тяжелых грузовиков.

Я вышел из холла. Судя по рекламе, спальные домики стояли где-то поодаль от главного корпуса, и я подумал, что они расположены вдоль окаймленной полуоблетевшими деревьями и пожухлой травой дороги, которая шла под прямым углом к шоссе. Дорога почти сразу свернула, и я наткнулся на машину Джин, стоявшую перед небольшой хибарой из двух довольно чистых комнат. Я вошел без стука.

Она сидела в кресле и, казалось, спала; она скверно выглядела, но, как всегда, была хорошо одета. Только я хотел ее разбудить, как телефон – там даже оказался телефон – громко зазвонил. Я пришел в бешенство и бросился к нему. Сердце мое чуть не выскочило из груди. Я снял трубку и тут же повесил ее. Звонить мог только Декстер – или полиция. Джин протирала глаза. Она поднялась с кресла, и для начала я тут же поцеловал ее, так что она замурлыкала. Теперь, кажется, она наконец проснулась; я обнял ее рукой за талию, чтобы увести оттуда. Тут она заметила мой пустой рукав.

– Что с тобой, Ли?

У нее был испуганный вид. Я рассмеялся, но смех мой прозвучал неестественно.

– Ничего страшного. Растянулся, как идиот, вылезая из машины, и разбил себе локоть.

– Но у тебя шла кровь!

– Просто царапина... Идем, Джин. Я сыт по горло этим путешествием. Хочется побыть с тобой вдвоем.

И снова зазвонил телефон. Меня передернуло, словно электрический ток шел не по проводам, а через мое тело. Я не мог сдержаться и кулаком сбросил аппарат на пол.

Я добил его ударом каблука. Это было неожиданное чувство: будто давишь ботинком лицо Лу. Меня снова прошиб пот. Надо поскорее убираться отсюда на свежий воздух. Губы мои дрожали, и вообще, должно быть, я выглядел как помешанный.

К счастью, Джин не сопротивлялась. Мы вышли, и я сказал, чтобы она садилась в свою машину; отъедем немного подальше, чтобы побыть вдвоем, а после вернемся позавтракать. Время завтрака понималось несколько широко, но Джин, казалось, все было безразлично. Ее постоянно мучило, вероятно, из-за беременности. Я нажал на стартер. Машина тронулась, нас вдавило в спинку сиденья; на этот раз дело было почти в шляпе; как только я услышал шум мотора, ко мне вернулось спокойствие. Я брякнул Джин какую-то ерунду, чтобы извиниться за телефон, – она, похоже, начала замечать, что я совсем съехал с катушек, – пора взять себя в руки. Прижавшись, она положила голову мне на плечо.

Отъехав километров на двадцать, я стал подыскивать местечко для остановки. Дорога здесь шла по насыпи, и я решил, что нам достаточно будет спуститься с откоса. Я остановил машину. Джин вышла первая. Я нащупал револьвер Лу в своем кармане, но не собирался сразу пускать его

в ход. Даже одной рукой я мог бы расправиться и с Джин тоже. Она наклонилась, чтобы завязать шнурок: из-под короткой юбки, узко обтянувшей ей зад, я увидел ее ляжки. У меня пересохло во рту. Она остановилась около кустарника. Это был как раз такой уголок, где если сесть на землю, то ничего с дороги не увидят.

Она вытянулась на земле; тут же на месте я овладел ею, но не позволил себе кончить. Я попытался справиться с собой, несмотря на эти ее дьявольские движения задом; мне удалось доставить ей удовольствие, прежде чем я испытал его сам. И в этот момент я с ней заговорил.

– На тебя всегда так сильно действует, когда ты спишь с цветными?

Она ничего не ответила и лежала совершенно обессиленная.

– Ведь во мне больше одной восьмой черной крови.

Джин открыла глаза, и я зло засмеялся. Она все еще не понимала. И тут я рассказал наконец всю эту историю с Мальшом, как он втюрился в одну девицу, и как ее отец и брат потом отплатили ему; и объяснил, что я задумал сделать с ней и с Лу, расквитавшись ими обеими за одного. Я порылся в кармане и, вытащив браслет Лу, показал его Джин; жаль, сказал я, что не смог принести глаз ее сестренки – уж слишком сильно они ввалились после оказанного мной почтительнейшего и изобретательнейшего обхождения.

Я с трудом произносил все это: вместе со словами подступало кое-что еще. Она лежала с закрытыми глазами, вытянувшись на земле, с задранный до живота юбкой. Я ощутил, как что-то неотвратимо на меня накатывается, и рука моя сама собой сомкнулась у нее на горле – это наступило; это было так ослепительно, что я выпустил ее и оказался на ногах, словно какая-то сила подбросила меня кверху. У нее уже посинело лицо, и она не шевелилась. Да, она позволила удавить себя без всякого сопротивления. Но все же она еще дышала. Я достал револьвер Лу из кармана и всадил ей две пули в шею, почти в упор; медленно, большими пузырями из горла хлынула кровь, она журчала и текла рывками. Под веками Джин виднелась узенькая белая полоска глазного яблока, ее тело слабо содрогнулось в конвульсиях. Думаю, что она умерла именно в этот миг. Я перевернул ее, чтобы не видеть больше лица, и, пока она была еще теплой, сделал с ней то, что уже делал однажды в ее комнате.

Вероятно, сразу после этого я впал в беспамятство; а когда пришел в себя, тело уже совсем заоченело. Я оставил ее и поднялся обратно к машине. Я едва волочил ноги; радужные круги расплывались перед глазами, а сев за руль, я вспомнил, что виски осталось в «Нэше», и рука моя опять задрожала.

Сержант Кэллоуз положил телефонную трубку на конторку.

– Мы ни за что не сможем его задержать, – сказал он.

Картер покачал головой:

– Можно попробовать.

– Невозможно на двух мотоциклах задержать типа, который мчится со скоростью под сто миль в час на тачке в восемьсот кубов!

– Можно попробовать. Рискуешь, правда, шкурой, но попробовать можно.

Барроу еще ничего не сказал. Это был высокий нескладный парень, худощавый и черноволосый, с протяжным выговором.

– Я не прочь, – сказал он.

– Так рискнем? – сказал Картер.

Кэллоуз взглянул на них.

– Парни, – сказал он, – вы рискуете своей шкурой, но если дело выгорит, вы получите повышение.

– Нельзя позволить проклятому нигеру залить кровью всю округу, – сказал Картер.

Кэллоуз ничего не ответил и посмотрел на часы.

– Сейчас ровно пять, – сказал он. – Вот уже десять минут, как позвонили. Он должен проехать здесь через пять минут... если проедет, – добавил он.

– Он убил двух девчонок, – сказал Картер.

– И парня с бензоколонки, – добавил Барроу. Он поправил кобуру с кольцом, которая была ему по ляжке, и направился к двери.

– За ним уже гонятся, – сказал Кэллоуз. – По последним данным, они сидят у него на хвосте. Одна машина-супер только что вышла, и ждут другую.

– Будет лучше, если мы тронемся сейчас, – сказал Картер. – Сядешь позади меня, – добавил он Барроу. – Возьмем один мотоцикл.

– Это не по правилам, – возразил сержант.

– Барроу умеет стрелять, – сказал Картер. – Одному нельзя одновременно вести и стрелять.

– Ну, выпутывайтесь, как знаете! – сказал Кэллоуз. – Лично я умываю руки.

Барроу сидел задом наперед, спиной к спине Картера, привязанный к нему кожаными ремнями. Мотоцикл резко взял с места, и Картера подбросило вверх.

– Притормози, как только выедем за черту города, – сказал Барроу.

– Все же это не по правилам, – снова процедил сквозь зубы Кэллоуз и задумчиво посмотрел вслед мотоциклу.

Он пожал плечами и вернулся на пост. Но почти сразу же выскочил обратно и увидел, как исчез вдаль кузов большого белого «бьюика», пронесшегося мимо с оглушительным ревом мотора. А затем раздался вой сирены, и мимо него промчалось четыре мотоцикла – итак, их было четыре – и почти сразу за ними машина.

– Проклятая дорога! – пробормотал Кэллоуз.

На этот раз он остался снаружи.

Он слушал, как постепенно удаляется вой сирен.

Ли бредил. Его правая рука нервно перемещалась по ободу руля, в то время как он всем своим весом давил на акселератор. Глаза его налились кровью, по лицу тек пот, белокурые волосы слиплись от испарины и пыли. Прислушавшись, он расслышал где-то позади вой сирен, но дорога была слишком плохой, чтобы по нему попытались стрелять. Прямо перед собой он заметил мотоцикл и взял влево, чтобы пойти на обгон, но мотоцикл сохранил прежнюю дистанцию, и вдруг что-то ударило в лобовое стекло, и мелкие трещины расползли от центра к краям, а в лицо ему посыпались стеклянные осколки, крошечные кусочки кубической формы. Мотоцикл казался почти неподвижным по отношению к «бьюику», и Барроу целился так же старательно, как у стойки тира. Ли заметил вспышки второго и третьего выстрелов, но пули на этот раз прошли мимо. Теперь он старался ехать зигзагами, пытаясь уклониться от выстрелов, но ветровое стекло прошило пулей еще раз, совсем близко от его лица. Он чувствовал теперь, как сильная струя воздуха врывается сквозь аккуратную круглую дыру, сделанную медной косточкой, которую выплюнула игрушка сорок пятого калибра.

А потом ему показалось, что «бьюик» прибавил скорость, так как мотоцикл заметно приблизился, но вдруг он понял, что, наоборот, это Картер сбросил обороты. По его губам скользнула едва заметная улыбка, и он немного ослабил давление на педаль. Между ними теперь оставалось только двадцать метров, пятнадцать, десять – и Ли снова до предела выжал газ. Совсем рядом он увидел лицо Барроу и подпрыгнул от удара пули, которая прошила ему правое плечо; стискивая зубы, чтобы не выпустить руль, он все же обогнал мотоцикл; оказавшись впереди, он больше ничем не рисковал.

Дорога сделала неожиданный поворот и снова пошла прямо. Картер и Барроу продолжали висеть у него на хвосте. Теперь, несмотря на первоклассную подвеску, своими израненными членами он чувствовал даже малейшую выбоину на дороге. Он взглянул в зеркало заднего вида. Кроме этих двоих, на дороге никого не было. Он увидел еще, как Картер затормозил и встал на обочине, чтобы Барроу пересел лицом вперед, – прежняя позиция больше не имела смысла.

Вдалеке, с правой стороны, Ли заметил какую-то постройку, к которой вела дорога, ответвлявшаяся от шоссе метров через сто. Чтобы срезать угол, он, не снижая скорости, погнал машину прямо через окаймлявшее шоссе свежеспаханное поле. Сделав гигантский скачок, «бьюик» едва не опрокинулся, но ему все же удалось выправить машину, заскрипевшую всеми своими металлическими сочленениями, потом колеса пошли юзом, и наконец он остановился перед гумном. Ли с трудом удалось добраться до двери. Обе его руки теперь беспрестанно пронизывала колющая боль. В левой руке, все еще прикрученной к телу, начало восстанавливаться кровообращение, и он не мог сдержать стонов. Добравшись до деревянной лестницы, ведущей на чердак, он пополз по перекладинам вверх, но тут же потерял равновесие и с гримасой невообразимой боли попытался восстановить его, уцепившись зубами за одну из толстых необструганных палок. И застыл на полдороге, задыхаясь, с занозой, впившейся в губу. Он понял, как сильно сжал свои челюсти, только когда снова ощутил у себя во рту солоноватый вкус теплой крови, крови, которой он хлебнул, лежа на теле Лу, между ее ляжками, надушенными французскими духами, неподходящими для ее возраста. Он вновь увидел перекошенный рот Лу и ее измазанную кровью юбку, и мелкие искорки опять заплясали у него в глазах.

Медленно, через силу, он вскарабкался на несколько перекладин выше, когда снаружи раздался вой сирен. Этот вой сливался с криками Лу, и все случившееся ожило и пришло в движение в его сознании – он опять убивал Лу, и то же самое чувство, то же наслаждение снова

охватило его, когда он наконец добрался до верху и вполз на грубый дощатый пол чердака. Звук снаружи умолк. С трудом, не помогая себе правой рукой, малейшее движение которой теперь также причиняло ему невыносимые страдания, он подполз к слуховому окну. Перед ним, насколько хватало глаз, тянулись поля желтоватой земли. Садилось солнце, и трава на обочине дороги колыбалась от легкого ветерка. Кровь сочилась в правый рукав и стекала вдоль тела; силы постепенно оставляли его; а затем его бросило в дрожь, так как к нему вернулся прежний страх.

Теперь полицейские окружили гумно. Ли слышал, как они окликают его. Он дышал, широко открыв рот. Его мучила жажда, он обливался потом; хотелось разразиться бранью и проклятиями, но в горле совсем пересохло. Он увидел, что кровь собралась возле него в маленькую лужицу и затекла под колено. Ли дрожал как осиновый лист, клацал зубами, а когда перекладины лестницы закрипели под тяжелыми шагами, начал тихонько скулить, потом завыл, и вой, разрастаясь, стал пронзительным и громким; он попытался достать из кармана револьвер, и ценой безумного усилия ему это удалось. Его тело вжималось в стенку, чтобы быть как можно дальше от дыры, из которой должны были появиться люди в голубом. Да, он держал револьвер, но все равно не мог бы сделать ни единого выстрела.

Скрип шагов затих. Тогда он перестал выть, голова его упала на грудь. Но он еще смутно слышал что-то. Несколько мгновений спустя в бедро ему ударили пули; тело его ослабло и медленно осело вдоль стенки на пол. Выступившей слюной рот приклеило к грубому настилу гумна. Веревки, поддерживавшие его левую руку, оставили на ней глубокие синие полосы.

Толпа из поселка его все-таки вздернула, потому что он был негр. Внизу живота, под брюками, еще слегка топорщился уродливый, смехотворный комочек.

У всех мертвых одинаковая кожа

В тот вечер клиентов было не очень много и оркестр, как всегда в таких случаях, им вяло подыгрывал. Мне было все равно. Чем меньше их приходило, тем лучше. Вышибать каждый вечер по несколько человек со временем становилось все более и более утомительным. А раньше мне это нравилось.

Да, нравилось; мне доставляло удовольствие лупить по всем этим пороссячьим рылам. Но за пять лет усердных тренировок этот «миролюбивый» вид спорта начал мне надоедать, хотя они этого так и не заметили; не заметили и того, что каждый вечер морды им бил цветной, полукровка. А вначале это меня возбуждало. Женщины, накачавшиеся виски. Я растаскивал этих расфуфыренных потаскух по тачкам, а алкоголь бродил по их кишкам. Каждый вечер, неделя за неделей, на протяжении пяти лет.

За эту работу Ник платил мне хорошо, потому что я был довольно представительным малым и вышибал их без скандалов и заморочек. Свои сто долларов в неделю я получал.

В тот вечер они все вели себя довольно спокойно. Ну разве что двое шумели в углу. Ничего особенного. Те, что наверху, тоже сидели тихо. Джим дремал за своей стойкой.

Наверху у Ника играли. Естественно, мошенничали. При желании можно было и девочек найти. А еще пили, но пускали туда не всех.

Двое в углу, худой тип и усталая блондинка, встали, чтобы пойти потанцевать. Пока, кроме них, никого не было, особых проблем не предвиделось. Ну наткнутся они на столы, стукнутся лбами друг о друга – так я усажу их на место.

Я потянулся, Джим продолжал дрыхнуть. Трое музыкантов не обращали на это никакого внимания. Я начал машинально поглаживать рукой отворот смокинга. Дело в том, что мне теперь уже не доставляло удовольствия бить им морды. Я привык. Я стал белым.

Когда я понял смысл того, что только что себе сказал, меня аж всего передернуло.

- Налей мне рюмку, Джим.
- Виски? – прошептал проснувшийся Джим.
- Виски. Чуть-чуть.

Я был белым. Женился на белой женщине. У меня был белый ребенок. А отец моей матери работал докером в Сент-Луисе. Докер с такой темной кожей, которая только в кошмарах и снится. Всю свою жизнь я ненавидел белых. Я прятался, я избегал их. Я был похож на них, но тогда они меня пугали. А теперь я уже больше не помнил, что чувствовал когда-то, так как смотрел на мир другими, не негритянскими глазами. Все изменилось очень медленно и без моего ведома. В тот вечер я почувствовал себя переиначенным, переделанным, изменившимся.

- Хоть бы они ушли, – сказал я Джиму.

Я говорил, потому что мне надо было что-то делать. Мне нужно было слышать свой голос.

- Да, – устало протянул Джим. Он посмотрел на часы. – Еще не время.
- Ну и что? – возразил я. – Хотя бы один раз можно было бы закрыть пораныше. Там их еще много, наверху?
- Даже не знаю. Они ведь поднимаются и здесь, и с другой стороны.

Танцующая пара только что врезалась в кресло и с шумом рухнула на пол. Женщина села и закрыла лицо руками. Она была растрепанной и казалась совершенно отупевшей. Мужчина – улыбающийся ангелочек – так и продолжал лежать, где лежал.

- Выведи их, – сказал Джим. – Мы наконец можем от них избавиться. Выставь их отсюда.
- Ох, – вздохнул я. – Потом бы еще остальных.

Я подошел к ним и помог женщине привстать. Мужчину схватил под мышки и поставил на ноги. Он был не тяжелый. Очередной чемпион по комнатному бейсболу.

– Спасибо, душка, – поблагодарил он меня.

Женщина заплакала.

– Не называй его душкой, – сказала она. – Душка – это я!

– Ну конечно, душка, – сказал мужчина.

– Может быть, вы поедете к себе? – предложил я.

– Нет, – ответил мужчина. – Хотя... ладно.

– Я вас отведу к машине, – сказал я. – Она какого цвета?

– М-м... она... там... – Тип очертил пространство щедрым взмахом руки.

– Прекрасно, – сказал я. – Сейчас найдем. Пошли, ягнятки!

Женщина цеплялась за мою руку.

– Вы сильный, да? – спросила она.

– Я сильнее, чем он, – заявил мужчина.

Я даже не успел подумать о том, что он собирается делать, как он мне врезал кулаком в живот. Этот придурок был скелет скелетом, но дыхание мне перебил.

– Пойдем, пойдем, – сказал я.

Я подхватил их обоих под руки и сжал чуть-чуть кобеля. Он сразу позеленел.

– Пошли, – продолжал я. – Сейчас спокойненько вернемся домой.

– Я не хочу спокойненько! – возразил мужчина.

Я сжал посильнее. Он попытался вырваться, но безрезультатно.

– Давайте, давайте, – повторил я. – Один раз я точно так же сломал одному господину руку.

Я дотащил их до двери и пинком открыл ее.

– Какая машина? – спросил я.

– Третья по счету... – сказала женщина. – Там... – Она указала на одну из машин с такой же точностью, что и ее муж. Я отсчитал третью машину от первой попавшейся и затолкал их внутрь.

– Кто поведет? – спросил я.

– Она, – сказал мужчина.

Я угадал правильно. Мне оставалось только закрыть дверцу.

– Спокойной ночи. Прекрасных снов.

– До свидания, – помахал ручкой мужчина.

Я вернулся в бар. Там ничего не изменилось. Два клиента вставали, собираясь уходить. Я зевнул. Джим зевнул тоже.

– Ну и работа! – сказал он.

– Скорей бы Ник спустился! – сказал я.

Когда Ник спускался, это означало, что мы закрываемся.

– Скорей бы... – сказал Джим.

Я разговаривал, как он. Я был, как он. Доказательство? Когда он со мной говорил, он даже не смотрел в мою сторону.

А потом я услышал звон колокольчика над стойкой. Два раза. Я понадобился наверху.

– Давай, – прошептал Джим. – Выжми их всех.

Я отодвинул плюшевую занавеску, закрывающую выход на лестницу, и, ругаясь, полез наверх. Господи, ох уж эти суки! Я когда-нибудь смогу вернуться домой вовремя?!

Моя жена, наверное, уже спала... Кровать, наверное, была теплой и мягкой.

Железобетонная лестница глухо отзывалась на мои шаги. Я проворно карабкался наверх. Я не упускал возможности подкачать эти чертовы мускулы. Ну как должок, что ли. Наверху висела еще одна плюшевая занавеска. Ник любил плюш. Плюш и толстых баб. А еще бабки...

На втором этаже находился зал с низким потолком и перегородками, обитыми темно-красной тканью. Десятка два типов просаживали здесь свои деньжата за красивые глаза Ника. Вдоль одной из стен Ник устроил кабинки, в каждой из которых стоял стол и четыре стула. Там проститутки могли успокаивать слегка расстроенных клиентов. Я не знаю, либо Ник давал им какие-то проценты, либо наоборот, но так как работы всегда хватало, с патроном они ладили.

Как бы по чистой случайности, меня позвали как раз из-за этих кабинок. Когда я вошел в зал, пятеро стояли, склонившись над низкой перегородкой, и что-то рассматривали. Ник заметил меня и подал знак: надо было прервать это молчаливое созерцание. Две девчонки все пытались оттащить их за рукава, но безуспешно. Обстановка начала накаляться в тот момент, когда я положил руку на плечо одному из созерцателей. Первую затрещину, которая, вне всякого сомнения, предназначалась мне, получила маленькая блондинка по имени Максин. И получила прямо в пачку. Я не смог сдержать улыбки, увидев выражение ее лица. Тот тип был не в состоянии сильно вмазать, но она все-таки его отпустила, явно недовольная и даже немного рассердившись.

– Свинья ублюдочная!

Голос у нее был шершавый, как шкура у ската. На этом она не остановилась и отпустила пару тех запоминающихся оплеух, что плюхаются в жизненную копилку каждого мужчины – даже если он пьян. Я продолжал стоять за его спиной. В тот момент, когда он собирался дать ей сдачи, я поймал его руку и крутанул неким образом. Образ был неплох, и я даже смог, образно говоря, ознакомиться с его точкой зрения.

Точка была тоже неплоха: глаз просто не мог нарадоваться. Двое в кабине особо не церемонились, десертных ложечек не ждали. У девчонки все было задрано аж до самых сисек. Становилось сразу понятно, что ее отец был ирландцем с рыжими родимыми пятнами и красивыми голубыми глазами.

Тип лежал поперек нее и пускал слюни ей на живот. Это был выгодный клиент, поскольку вся кабинка была так забле... ну да ладно, кому какое дело?

Они буквально плавали в виски; тип выглядел поприличней, чем девчонка, но только потому, что лежал сверху.

Парня, который все еще томился у меня в руках, я отбросил к стене. У этой стены он и остался, как приклеенный. Правда, одна рука доставляла ему некоторое неудобство. Во всяком случае, он шевелил другой рукой, а ее было явно недостаточно, чтобы держаться. Четверо других вроде бы ничего не замечали. Ник жестом приказал Максин заткнуться. Он знал, как надо действовать.

– Не извольте ли, как это ни печально, отправиться восвояси?

Я выдал это прямо в рожу первому из четырех. Он даже не моргнул. Я повернул голову в сторону Ника и поймал его взгляд. Все в порядке. Можно начинать.

– Пошли вон отсюда, все четверо!

Я подобрал сразу двоих, обхватил их руками и потащил к лестнице. Спуском заведовал Ник, а уж дубинкой он работать умеет. Безопасно спускаться по лестнице можно и в полуобморочном состоянии. Ноги сами тебя ведут, я думаю, это рефлекс такой – или же привычка получать по голове.

Я передал Нику двух других. За столами продолжали играть как ни в чем не бывало. Клиентура у Ника хорошо воспитана, чтобы обращать внимание на мою деятельность. Очень скромна. А эти двое в кабинке продолжали играть комедию. Крупным планом. Ладно. Теперь займемся ими.

Я зашел в кабину и перешагнул через тела. Самец почти не шевелился. Я схватил его и посадил на стул. Застегнул ему пиджак. Правила надо соблюдать. Хотел то же самое сделать с девчонкой, но здесь начались выкрутасы. Как только она почувствовала на себе мои руки, сразу начала червяком извиваться и путаться у меня в ногах. Она тянула меня и пыталась повалить на себя. Это была та еще штучка! Ее не часто видели у Ника, но все же она появлялась достаточно регулярно. Я не знаю, как ее звали.

– Пошли, пошли, – сказал я. – Будь умницей, детка.

– А, дубины...

Она хохотала до упаду, хваталась за меня и трясла меня как грушу. Трудно было сдерживаться, потому что зрелище мне выпало первоклассное, но я все-таки опустил ей платье.

– Пойдем, красотка, пойдем спать.

– Да, давай. Отвези меня домой.

– Домой тебя кавалер отвезет.

– Только не он... Он уже ни на что не способен. Он совсем бухой...

Я приподнял ее и положил на стул рядом с типом. Тот – ну, настоящий труп. Ну, совсем как настоящий. Появился Ник.

– Те четверо – на улице. Выкинь этих двоих.

– Она-то еще ничего... но господин не очень хорошо держится на ногах.

– Отведи, – сказал мне Ник.

Я подхватил типа под мышки; девица уцепилась за мое плечо и стала тискать мои бицепсы.

– Его тачка на улице. Пойдем покажу.

– Давай вперед, – сказал я.

Нести их обоих – не подарок. К счастью, она еще могла идти. Я спустился по лестнице и прошел по коридору за баром, там тоже был выход.

– Ну, так где эта машина?

Она поискала глазами:

– Там, голубая.

На этот раз ошибаться было нельзя. Свежий воздух не производил никакого эффекта на моего клиента. Девица открыла переднюю дверцу:

– Положи его сюда.

Я его толкнул как можно дальше, он навзничь повалился на сиденье.

– Отвезти тебя домой он не сможет.

Она еще крепче ухватила за мою руку.

– А что же мне делать?

– Ну проснется же он когда-нибудь...

Я всегда был оптимистом.

– Останься со мной, мне страшно. Может быть, ты сам меня отвезешь?

– Как?

– На его машине.

Все это мне начинало надоедать. Я хотел спать. Я хотел вернуться к жене. Ну и работа! Она терлась об меня, как сучка во время течки.

– Перестань, – сказал я.

– Иди сюда.

Она села в машину, так и не отпуская моей руки. От нее воняло виски и духами, но я уже почти хотел ее. А уж как я захотел ее, когда она откинулась на сиденье и одним движением разорвала перед платья... Дева была в теле; ничего лишнего не воткнешь, а грешного не скроешь...

– Подожди, – сказал я. – Сейчас найдем местечко поспокойнее.

– Давай... Быстро. Я больше не могу ждать.

– Ну пять минут-то подождешь.

Она расхохоталась; ее низкий голос был настолько возбуждающим, что мои руки дрожали, когда я открывал переднюю дверцу... Я газанул и рванул к Центральному парку. Это было проще всего. Выходя из машины, мы даже не захлопнули дверцы. Я овладел ею на земле, в тени. В первой попавшейся тени.

Было не очень тепло, но мы так прижались друг к другу, что от ее кожи в воздух поднимался пар. Ее ногти раздирали мне спину через ткань пиджака. Она никак не предохранялась. Это мне нравилось.

Вечер на этом и закончился. Я вернулся к Нику на машине того типа. Он все еще дрых, да и девица была хороша. От меня воняло и девицей, и виски одновременно. Для очистки совести я решил подняться наверх, девицу с типом я оставил за дверью. Было тихо. Я спустился вниз. Никого. Можно было идти спать.

Джим, зевая, надевал куртку.

– Еще одна, не соскучишься, – сказал я.

– Ничего особенного... – прикинул Джим.

– Ничего особенного, – подтвердил я.

Ничего. Ничего, за исключением того, что это длится уже пять лет. Сегодня исполняется ровно пять лет, а я ни разу не попался. Пять лет, а я продолжал их мочить и трахать их жен. Машинально я ударил кулаком по стене. Ударил сильно и, кряхтя, затряс рукой от боли. А, в конце концов... затрахали меня они.

Я был еще блее, чем они, так как радовался этому цвету кожи. Ну и что? Если серьезно...

Мне было наплевать. Мне было просто наплевать. Не так уж и плохо быть белым. Белая женщина, которая тебе греет постель. Белый ребенок, который станет кем-нибудь.

Почему Джим продолжает зевать?

– До свидания... – сказал я ему.

Я толкнул дверь, приосанился и вышел. До остановки было совсем близко.

До жены тоже было не так далеко. Немного болела поясница... И спина, расцарапанная ее ногтями... Нет. Я все-таки в хорошей форме.

Весна в Нью-Йорке не похожа ни на что другое.

Метро. Пятнадцать минут. Снова люди. Моя улица. Мой дом. Тихий и спокойный. Запах виски остался вместе со смокингом на вешалке там, у Ника. Но мои руки все еще продолжали пахнуть женщиной. Приятный запах. Запах дочки ирландца с голубыми глазами.

Я бесшумно поднялся на третий этаж. Все тем же упругим шагом. В хорошей форме. Ключи звенели в моем кармане. Три моих ключа. Нужный отличался толщиной. Этот.

Открылось. А как иначе?

Я закрыл тяжелую дверь и, не включая света, пошел в ванную.

В темноте я споткнулся и упал. Прямо на лежащее тело.

Я вскочил и бросился к выключателю.

Загорелся свет. Я так и остался стоять, как пригвожденный.

Он не проснулся, даже наоборот, начал прихрапывать. Конечно же, пьяный. Этот пьяный негритос. Ричард. Худой, в грязном костюме. От него плохо пахло. Его запах я чувствовал даже оттуда, где стоял. Сердце прерывисто билось у меня в груди, оно прыгало бешеным зверем, и я не мог даже шагу ступить. Я не мог пройти вперед. Не мог выяснить, знает ли Шейла всю правду. Сзади стоял шкаф; не сводя глаз с Ричарда, я открыл дверцу и определил на ощупь бутылку скотча. Хлебнул из нее... четыре, пять раз. Ричард лежал передо мной; дверь в комнату была открыта, оттуда не доносилось ни малейшего звука. Мир был мертв, все спало вокруг меня. Я посмотрел на свои руки. Я дотронулся до своего лица. Взглянул на Ричарда и засмеялся. Потому что это был мой брат, и он меня нашел.

Он зашевелился, и я подошел к нему. Приподнял его одной рукой. Он еще не совсем проснулся, и я его тряханул:

– Просыпайся, сволочь.

– Что такое?

Он открыл глаза и увидел меня. Выражение его лица нисколько не изменилось.

– Чего ты сюда приперся?

– Я тебя нашел, Дэн. Ты видишь, я тебя нашел. Господу было угодно, чтобы я тебя нашел.

– Где Шейла?

– Кто это – Шейла? – спросил он.

– Кто тебе открыл?

– Я просто вошел... никого не было дома.

Я бросил его и побежал в комнату. На комод, на привычном месте, записка Шейлы: «У мамы с малышом. Целую».

Я прислонился к комоду. С головой все было в порядке, но вот ноги... Я медленно вернулся в прихожую.

– Пошел вон отсюда.

– Но, Дэн...

– Пошел вон. Давай. Живо. Я тебя не знаю.

– Но, Дэн, Господь мне помог найти тебя.

– Я же тебе сказал, пошел вон!

– У меня нет денег.

– На.

Я сунул руку в карман и протянул ему десять долларов. Он посмотрел на бумажку, пощупал ее, засунул в карман и сразу же потерял свой придурковатый вид.

– Ты что, не знаешь, что черномазые не должны приходить к белым?

– Дэн, я – твой брат. У меня есть документы.

Мгновение спустя я уже был на нем. Я держал его за затылок и цедил сквозь зубы ругательства и проклятия:

– Ах, у тебя документы? Какие документы? Сволочь!

– Дэн, у меня та же фамилия, что и у тебя. Господь учил, что нельзя отказываться от своих родственников.

И тут я сделал то, чего нельзя было делать ни в коем случае. Мой кулак сжался и припечатал ему нижнюю губу. Я почувствовал, как затрещали его зубы, и меня захлестнула волна стыда. Ричард не двигался. Но глаза его продолжали смотреть на меня, и то, что я видел в его глазах... Нет... Я сходил с ума. В его глазах ничего нельзя было увидеть... Да и вообще, в глазах ничего нельзя увидеть. Абсолютно ничего. Я постарался взять себя в руки. Старался, но все напрасно. Ричард молчал и смотрел на меня, а мне было страшно.

– Где ты работаешь, Дэн?

Его голос звучал по-другому из-за разбитого рта, струйка крови текла по подбородку. Он вытер ее рукавом.

– Проваливай, Ричард. И если тебе дорога жизнь, не суйся сюда больше никогда.

– Где я смогу тебя увидеть, Дэн?

– Я не хочу тебя видеть.

– А может быть, Шейла захочет... – сказал он задумчиво.

Желание убить пронзило меня, как острая стрела. Но я удержался.

Он отошел от двери и потрогал разорванную губу.

– Уходи.

– Десять долларов, – сказал он, – не так уж и много.

Это был мой брат, и я хотел, чтобы он умер. Ужасный страх сдавил мои внутренности. Я боялся, что он вернется. Я хотел знать...

– Подожди, кто тебе дал мой адрес?

– Да никто... – сказал он. – Приятели. Я пошел. До свидания, Дэн. Я зайду к тебе на работу.
– Ты не знаешь, где я работаю... – сказал я.
– Ничего, Дэн. Ничего.
– Как ты открыл дверь?
– Я открываю двери. Бог тому свидетель, я открываю двери. До свидания, Дэн. До скорого свидания.

В каком-то оцепенении я уставился на него; он уходил. Мои часы показывали половину шестого. Зарождался день. Молочники за окном. Шейла с малышом у своей матери.

Ричард был черномазым. У него была черная кожа. От него пахло черномазым.

Я закрыл дверь и начал раздеваться. Я смотрел вокруг и не понимал, что делаю. Потом подошел к спальне и остановился на пороге. Передумал и пошел в ванную. Остановился перед зеркалом. Передо мной стоял крепкий парень лет тридцати. В глазах – здоровье и сила. Он тоже рассматривал меня. С ним было все в порядке, ничего не скажешь. Вне всякого сомнения, он был белым... но мне не нравились его глаза...

Глаза, которые только что видели призрака.

С того дня я принялся искать другую квартиру, но это было очень сложно и должно было влететь в копеечку. Шейле я об этом не рассказывал. Я знал, что она очень любила наш дом, и боялся даже заговаривать с ней. Какой предлог придумать? На улице я постоянно оборачивался, чтобы посмотреть, не следят ли за мной: я высматривал худую фигуру Ричарда-полукровки, цвет его кожи и курчавые волосы, плохо выглаженный костюм и длинные руки. Оставшиеся детские воспоминания, связывающие меня с Ричардом, были все какие-то беспокойные и тревожные; я даже не мог определить, с каких пор они приобрели это качество, – поскольку воспоминания были обычные, как у всех детей. Из нас троих Ричард был самым темным, и этот факт, вне всякого сомнения, мог бы объяснить, пусть частично, мое замешательство.

Я добирался к Нику окружными путями, выходя за остановку до либо на остановку после, выбирая сложный маршрут – почти лабиринт, который я с удовольствием составлял из соседних улиц, выигрывая в этом изнурительном поединке – мысленно, я хочу сказать, – кажущуюся отсрочку, иллюзорную безопасность, ложную страховку, решетка которой защищала меня от будущих атак.

Но заканчивать все равно приходилось Ником, нужно было входить к нему естественно, без особых мер предосторожности и, по возможности, не оборачиваясь. Именно все это я и проделал в тот день, похожий в этом смысле на все другие.

Джим рассеянно читал вечернюю газету, разложенную на стойке. Когда я вошел, он поднял глаза.

– Привет.

– Привет.

– К тебе приходил какой-то тип.

Я замер. Я вспомнил, что в зале были клиенты, я прошел за стойку перед тем, как идти переодеваться.

– Что за тип?

– Не знаю. Он хотел тебя видеть.

– Зачем?

– Не знаю.

– Обычный тип?

– Ну да. Обычный тип. А что такое?

– Ничего.

– А... Ну ладно, – сказал Джим.

Он вновь погрузился в свое чтение, но почти тотчас же вынырнул.

– Он вернется через час.

– Сюда?

– Да. Сюда. Я сказал, что ты будешь здесь.

– Хорошо.

– А что, он тебя достает?

В голосе ни капли заинтересованности. Просто чистое любопытство.

– С чего ты взял, что он меня достает? Я его даже не знаю.

– Ты никого не ждал?

– Никого!

– А... – протянул Джим.

Я прошел в гардероб и начал раздеваться. Значит, через час.

Это не мог быть Ричард: Джим сказал бы, если бы речь шла о негре.

Тогда кто?

Целый час просто ждать. Я закончил приводить себя в порядок и вернулся в бар.

— Джим, налей мне виски с водой.

— Чуть-чуть виски?

— Чуть-чуть воды.

Он посмотрел на меня и молча наполнил мою рюмку. Я залпом выпил холодную и терпкую жидкость и попросил еще. Я не любил алкоголь. Я чувствовал, как он вливается в мой желудок, но оставался спокойным, совершенно спокойным и собранным.

Я уселся за стойку, с самого края, откуда легко было следить за входящими и выходящими.

Я ждал.

Вошли две девицы. Постоянные клиентки. Проходя мимо, они мне улыбнулись. А я им погладил бедра, затянутые в узкие платья, которые выгодно подчеркивали их точеные формы. Они сели за столик недалеко от бара. Хорошие клиентки. Именно в них Ник вкладывал свое богатство... обычно после обеда.

Было забавно на них смотреть. Аккуратно раскрашенные, чистенькие и такие аппетитные. Красивые. Белые заводные лялечки.

Я снова подумал о Ричарде, представил его так отчетливо, что невольно дернулся, как бы защищаясь; движение было настолько нелепым, что пришлось сделать еще несколько других, похожих, но объяснимых, дабы придать всей сцене естественный, непринужденный вид.

Я вдруг заметил, что Джим, управляясь со своей кассой-автоматом, с любопытством за мной наблюдает. Как только наши взгляды встретились, он отвел глаза в сторону.

Подобные ожидания — для меня настоящий ужас. Я старался найти себе развлечение, рассматривал пол, стены, потолок, люминесцентные лампы, бутылки в хромированных металлических ячейках и в какой уже раз клиентов и клиенток. Со своего наместа я не мог пробраться взглядом глубоко под юбку брюнетке. Пришлось спуститься со своих высот и устроиться прямо напротив нее. Она прекрасно понимала, зачем я это делаю, и еще шире раздвинула ноги, чтобы я мог усладить свой взор. Как мне показалось, никаких препятствий на своем пути он не встретил, хотя света было маловато. Цель выглядела приятной и легко достижимой.

Она подала мне знак, встала и направилась к туалету.

Я потянулся. Ну чем не способ убить время до прихода того типа.

За ней я не пошел; я воспользовался лестницей, которая вела в игорный зал. За плюшевой занавеской был выход в коридор, наружу, и оттуда можно было спуститься к туалетам с другой стороны.

Результатом замысловатой планировки Ника явились телефонные кабинки, переделанные в комфортабельные комнатенки. Узковатые, конечно, но обычно никто не жаловался.

Она меня ждала в первой. Она знала, чего мне хотелось. Я тоже знал и сразу же приступил. Она невозмутимо курила, что меня слегка разозлило, но есть же все-таки средства, чтобы заставить их что-то почувствовать. Не только же ради моего удовольствия она здесь оказалась.

В этот момент ее сочные, пухлые губы, оставив сигарету, прилипли к моим. Я слабо покусывал нежную и надушенную плоть. Я был счастлив. Белая мутная радость переполняла меня, туманно клубилась и пенилась. Ее шелковая кожа с вьющимися волосками тянулась к моей руке, она помогла мне сама, и я быстро овладел ею стоя. Глаза ее были закрыты. Она вздрогнула, потом стала мало-помалу расслабляться. Не выходя из моих объятий, она закурила следующую сигарету. Я держал ее за ляжки, и руки мои проходили под изгибами ее тела. Мне было хорошо.

Мы безмолвно отстранились друг от друга, и я привел себя в порядок, хотя, по правде

говоря, беспорядок был очень незначительный. Она открыла сумку и достала помаду. Я бесшумно закрыл дверь кабинки и вышел на лестницу.

Я быстро поднялся наверх. Страх, развеянный минуту назад, снова охватил меня.

Джим не покидал своего поста. Никто больше не входил. Я жадно оглядел бар, столики.

– Джим, налей-ка мне виски.

Он налил. Я выпил, поставил рюмку и замер.

Какой-то тип толкнулся в дверь. Он был один. Тип как тип.

Джим кивнул в его сторону.

– Это твой клиент, – сказал он.

– Хорошо, – сказал я.

Я остался на своем месте.

Похоже, что он не знал меня в лицо.

Он подошел к Джиму.

– Дэн здесь? – спросил он.

– Вот он, – сказал Джим, указывая на меня.

– Здравствуйте, – сказал тип. Он внимательно посмотрел на меня. – Вы выпьете чего-нибудь?

– Виски, – сказал я.

Он заказал два виски. Он был не очень высок, но страшно широк.

– Вы хотели меня видеть?

– Да, – сказал он. – По поводу вашего брата Ричарда.

– Вы его друг?

– Нет, – сказал тип. – Я с черномазыми не дружу.

Говоря это, он смотрел на меня. Я не двигался.

– Я тоже не дружу, – сказал я.

– Ричард действительно ваш брат?

– У нас были разные отцы.

– А черным был его отец?

Я не ответил. Он ждал и пил виски маленькими глотками. Джим стоял за стойкой на другом конце.

– Пойдемте, – предложил я. – Найдем место поспокойнее.

Я взял наши рюмки и направился к одному из столиков. Брюнетка, которую я до этого поимел в кабине, в этот момент только выходила из туалета.

Усаживаясь, она одарила меня улыбочкой. Не задумываясь, я ответил ей гримасочкой.

Мы сели.

– Давайте, – сказал я. – Начистоту.

– Сюда Ричард прийти не может, – сказал он. – Мне он предложил пятьдесят долларов, вот я и пришел.

– Пятьдесят долларов? А где он их возьмет?

– Из тех ста, которые вы мне дадите для него.

Я глубоко вздохнул. Я держался обеими руками за край стола и видел, как белели костяшки.

– А если у меня нет ста долларов?

– Возможно, хозяин бара захочет узнать, какой цвет кожи у вашего брата.

– Ник? Да ему сто раз на это наплевать, – заверил его я.

Мужчина казался растерянным. Он посмотрел на меня. Пускай смотрит. У остальных за пять лет было достаточно времени, чтобы насмотреться.

– Откуда вы знаете Ричарда? – спросил я.

– Познакомился в одном баре.

– Вы – метис, – выпалил я. – Покажите свои ногти.

Он встал.

– Сожалею, но мне так необходимы эти сто долларов. Я буду вынужден попросить их у кого-нибудь другого. У кого-нибудь из ваших знакомых, например.

Встал и я. И положение было не очень удобным, и мало места для разворота, но я так прочувствовал этот удар, что моя левая рука сработала сама по себе. Его челюсть хрустнула; правой рукой я подхватил его за отворот пиджака в тот момент, когда он собирался сердечно рухнуть на пол.

Пальцы левой руки сжались в кулак, разжались, и так два или три раза; я чувствовал себя хорошо. Шлюха да оплеуха – вот она, жизнь-то... С чего я взял, что в ней может быть что-то другое? Господи! Сделай так, чтобы я успевал давить и размазывать их жизни, пока они не раздавили мою; и я клянусь, что в моей никогда больше не будет тоскливых дней.

Разумеется, нашей маленькой разборки никто не заметил.

Джим смотрел на меня. Встретившись со мной взглядом, он отвел глаза в сторону. Тип продолжал стоять; я даже не знаю, как он держался на ногах, в полном отрубле, но стоя. Я посадил его на стул и стал ждать. Он с трудом открыл глаза и справился с приличным комом в горле. Его рука бережно ощупывала подбородок, как что-то очень ценное.

– Поднимайся, – сказал я.

– Зачем? – прошептал он.

– С Ричардом повидаться.

– Нет.

Я сжал кулак и начал легкомысленно постукивать по краю стола.

– Я не знаю, где он находится, – добавил он.

– Когда вы должны встретиться?

– Сегодня вечером.

– Сегодня вечером – это уже сейчас. Пошли, я тебя провожу.

– Я хочу пить... – сказал он.

– Пей свой виски, там еще что-то осталось.

Он с трудом допил. Выглядел он очень усталым.

– Я не знаю, где Ричард, – повторил он.

По-видимому, он сам был не очень убежден в том, что говорил.

– Я тоже не знаю. Вот поэтому-то мы и пойдем его искать. Давай.

Я поднялся, поднял его и подтолкнул к бару.

– Джим, – попросил я. – Принеси, пожалуйста, мой плащ.

Джим направился к гардеробу.

– Ну, – продолжал я, – где же этот храбрый Ричард?

Внезапно я увидел свое отражение в зеркале, в глубине бара, и я понял, почему тип мне не отвечает. Однако я был спокоен, намного спокойнее, чем в тот вечер, когда нашел спящего Ричарда у себя в прихожей. Намного спокойнее, чем во все эти дни, когда искал другую квартиру.

С этим надо было кончать сегодня же вечером или от всего отказаться. От всего. Включая шлюху в кабинке, оплеуху в зале, Шейлу, ребенка. Внезапно все это стало желанным как никогда. Все это, а еще глушить виски, а еще бить морды кретинам, которые нажираются, вместо того чтобы заниматься любовью, так как на трезвую голову не осмеливаются.

Джим протянул мой плащ, я накинул его, чтобы не выходить на улицу раздетым.

– Давай, – сказал я типу.

Ник у меня ничего спрашивать не будет. Со мной такое случалось не часто.

Он шел впереди меня.

– Далеко? – спросил я.

– Не очень, – ответил он. – Около Сто пятнадцатой улицы.

Сто пятнадцатая – это в Гарлеме.

– И много у тебя делишек с этими черномазыми подонками? – спросил я.

– На этом можно подзаработать, – сказал он.

– Да, именно так и думают все нормальные люди, – согласился я. – Но их сразу же заносит...

Он посмотрел на меня с беспокойством. Я был намного выше, чем он, но он зато весил порядочно. Толстый, как пивная бочка.

– Тебе нравится получать по роже? – спросил я.

– За пятьдесят долларов можно и получить, – ответил он.

– Я бы хотел знать, о каких долларах идет речь, – усмехнулся я. – Если только мой якобы брат Ричард за это время не нашел другого простофилю.

– А зачем же вы туда идете, если он не ваш брат? – удивился тип.

– Мне нравится смотреть на их рожи, – сказал я.

Я знаю, что со мной происходило. Я раздваивался. Мы уже наполовину разошлись, и я осознавал, что рано или поздно придет время выбирать. И вот время пришло. Я думал о Шейле, о телефонной кабине. Я думал о черномазых мордах, которые получали дубинками во время восстания в Детройте, и ехидно посмеивался. Выбор был сделан. Я предпочитал давать в морду, а не получать по ней.

Даже если придется дать в морду этой бесподобной сволочи – моему брату Ричарду.

Я остановил проезжающее такси и назвал адрес.

Внутри было грязно и зловонно. Тип, который пришел со мной, сказал несколько слов черному за стойкой, и тот указал нам на лестницу, ведущую в подвал. Не оборачиваясь, я начал спускаться первым. Не знаю, много ли там было посетителей, я не смог бы описать то, что промелькнуло перед моими глазами в этой похожей на многие другие забегаловке.

Я никак не мог понять ее планировку. Внизу от лестницы начинался коридор, который заворачивал под прямым углом. Мы повернули вместе с коридором, и в конце его я увидел другую лестницу, ведущую наверх. Их, наверное, часто путали, эти непутевые лестницы. Наша дверь была третьей справа.

В задымленной и вонючей комнате находились две девицы цвета кофе с молоком и один мужчина. Одна из девиц сидела за столом и, ожидая неизвестно чего, ничего не делала. Что касается мужчины и другой девицы, то они без всякого смущения тискались на выдавшем виды диване. Платье девица уже сняла, а оставшегося на ней явно не хватало для прикрытия того, что надо было бы прикрыть.

У мужчины – а это был, конечно же, Ричард – от пота блестело лицо. Он медленно поглаживал бедра своей подруги. Они лежали рядом, и я видел, как руки Ричарда скользят вверх к упругим округлостям, которые натягивали до предела – вот-вот треснет – замусоленный лифчик.

Хорошо, что до этого я поимел у Ника маленький сеанс с той брюнеткой, потому что зрелище меня возбуждало, хотя одновременно и корбило. В комнате царил беспорядок. Пахло потом. Меня била дрожь, но это было не так противно.

Завидев меня, никто из них не поднялся. Было слышно лишь, как ворочается Ричард да прерывисто дышит женщина на диване.

Тип прервал эту очаровательную сцену, и я поймал себя на том, что разглядываю другую девицу. У нее были длинные и жесткие волосы, немного выступающий вперед рот и большие худые руки.

– Ричард, – сказал тип, – вот твой брат.

Ричард медленно открыл глаза. Приподнялся на локте, не отпуская девицу. Его рука продолжала оттягивать лифчик, который наконец не выдержал. Круглые коричневые соски огромных размеров выделялись на более светлой коже, и я видел, как пальцы Ричарда сжимали эту отдающуюся упругую плоть.

– Привет, Дэн, – сказал он.

Я не ответил.

– Я так и знал, что ты придешь, – сказал он. – Брат не может бросить брата.

– Я тебе не брат, – сказал я. – И ты это хорошо знаешь.

Он перевернул девицу на спину и без всякого стеснения на нее залег. У него был слегка отсутствующий вид, как под действием наркотика. Наверное, накурился марихуаны или другой дури.

– Брат, и еще какой, – возразил он.

Девица еле двигалась. Она склонила голову набок, а полусогнутые руки подняла к лицу. Я видел блестящие капли пота у нее под мышками. Так или иначе, мой гнев прошел, и я почувствовал тупую усталость. Я чувствовал себя очень усталым и немного раздраженным. Другая девица не шевелилась; она постукивала по столу длинными худыми пальцами.

Тип посмотрел на нас, пожал плечами и вышел. Я слышал, как он заходил вдоль и поперек коридора.

Девница на диване кряхтела от удовольствия, но Ричард отодвинулся и встал. Он привел себя в порядок и присел к столу. Недотраханная девница продолжала извиваться; она терлась грудями и ягодицами о грязную диванную обивку.

– Чего ты хочешь? – спросил я у Ричарда.

Он мне показался вдруг настолько безобидным, что с трудом удалось вспомнить свое взволнованное и испуганное состояние в тот день, когда я нашел его у себя дома. Мне также трудно было понять, зачем я искал другую квартиру. Из-за чего? Из-за этого худого, изможденного мулата? Настолько мне чуждого?

– Дай мне сто долларов, – сказал Ричард. – У меня нет ни цента.

– У меня нет ста долларов, – сказал я.

– Ты должен помогать своему брату, – сказал Ричард. – По воле Господа я нашел тебя. И свою сестру Шейлу.

Я резко перевел взгляд на его лицо и поймал его взгляд. Он рассматривал меня пристально, исподтишка и едва заметно улыбался. Рукавом он вытер взмокший лоб – глаза при этом куда-то подевались – и устоялся в угол комнаты.

Я смутно чувствовал, как надвигается та же опасность, что и в прошлый раз; я не мог ничего поделать. На какое-то мгновение я растерялся. В этот миг я спросил себя: неужели голос крови сильнее голоса разума? Неужели черные гены, которые притягивали меня к Ричарду, непобедимы, несмотря на все рефлексy, приобретенные за годы общения с белыми? Да нет. Это абсурд, этого не может быть. Я держался за белых всеми крючьями, засаженными в мою плоть, всеми привычками, реакцией на их непринужденность в обращении со мной, ощущением «своего», которое я испытывал среди них. Держался из-за Шейлы, из-за сына, который получит хорошее образование, пойдет в колледж и станет кем-нибудь, кем-нибудь богатым и уважаемым, с черной прислугой и собственным самолетом.

– Послушай, Ричард, если я дам тебе сто долларов, ты мне обещаешь, что вернешься в Чикаго и оставишь меня в покое?

– Я даю тебе клятву перед Богом, который нас слышит, – произнес Ричард, поднимаясь. – Но со ста долларами я долго не протяну.

– Я буду отправлять тебе деньги каждый месяц, – выжал я из себя.

Почему я сразу не раздавил его? Почему не бросился на него и не прикончил? Я сам не понимал, что ощущаю в эту минуту. Мне казалось, что я нахожусь на краю пропасти. Малейшая трещина в ритме времени – и равновесие было бы нарушено.

– Сколько? – спросил Ричард.

Девница на диване больше не шевелилась. Она посмотрела на нас блестящими глазами и подала мне какой-то знак.

В коридоре те же монотонные шаги.

– Я буду отправлять тебе деньги, – с трудом повторил я.

Мне хотелось переключиться на что-нибудь другое. Мне было необходимо переключиться на что-нибудь другое.

– Я должен пятьдесят долларов своему другу, – сказал Ричард. – Со ста мне не так уж много и остается...

– Сходи за ним.

Он вышел и привел типа.

– А сейчас ты уйдешь отсюда, – сказал я типу.

– Ну конечно же, – ответил он, – какой хитрый.

Я не хотел делать ему очень больно, но он откатился метра на два.

– Встань, – сказал я.

Девушки безмолвно смотрели, я слышал их возбужденное дыхание.

– Ты уйдешь с двадцатью долларами, – сказал я, вытаскивая купюру из своего кармана. – И если я еще раз увижу твое лицо, ты себя сам не узнаешь после того, что я с ним сделаю.

– Давайте, – сказал он. – Мне до вас дела нету. Ни до одного, ни до другого.

Он запихал деньги в карман и ушел. Я услышал его шаги на лестнице, потом стихли и они.

Диванная девушка встала, совершенно голая, и закрыла дверь. Она подошла к Ричарду и уселась на стол. Я чувствовал ее знойный, горький запах. Она бесцельно улыбалась, глядя на меня. Неужели я это сделаю? Неужели я убью Ричарда? Я видел двух девушек, худое тело моего брата и его лицемерные глаза. Этот ужасный запах ударил мне в голову и разогнал мурашки по всему телу. Я представил себе свои руки на его жесткой, жилистой шее и двух кричащих девушек. Естественно, мне нужно было избавиться от него, но не давать же ему деньги на обратную дорогу в Чикаго. Естественно. Но пока я не избавлюсь от этих девушек, ничего не получится. Ладно. Придется пройти через это.

– Сходи за виски, – сказал я той, которая была еще одета. – Как тебя зовут?

– Энн, – сказала она.

– А я – Салли, – сказала другая.

Она смотрела на меня снизу и смеялась, слегка склонив голову на плечо; ее круглые и упругие ляжки немного разъехались на твердой поверхности стола, а капли пота выкатывались из-под мышек на крепкие бедра. Она слегка изменила положение. Теперь я видел голый низ живота, едва прикрытый легким, завывающим пушком, еще более темным, чем цвет ее кожи. Закрыв глаза, я представил себе, как ее набухший орган наполняет мою ладонь. Я почувствовал, что качусь по наклонной и проигрываю партию. Я напрягся, чтобы еще раз представить себе свое падение, Шейлу, сына и конец своим мечтаниям. Но неужели худая шея Ричарда, его разбитые вены могли серьезно угрожать моему положению? Запах этих двух женщин, этих негритенок, казалось, сочился со всех сторон, он шел от грязных стен, от увядшей, отколупившейся краски; он шел от холодного и влажного пола, от вышедшего из моды дивана, он шел от стола, от ног девушки, от ее груди, которая напряглась в нетерпении, от ее ляжек и от этого крепкого, горячего треугольника, который я сейчас раздавлю своим телом.

Ричард вытянулся и облокотился о стол. Салли ласково посмотрела на него и погладила по голове. У нее были длинные ловкие пальцы. Я чувствовал эти пальцы на своем теле. Энн пошла за виски с пятью долларами, которые я ей дал; я буду пить это виски. Я снова столкнулся взглядом с Ричардом; глаза его были холодны и жестоки. Он ждал не виски, он ждал денег.

Я то пугался, то забывал о своем испуге. Сексуальное возбуждение, овладевшее мной, мешало сосредоточиться на возможных последствиях присутствия Ричарда, навязчиво преследовавших меня уже много дней подряд. Мысли вспыхивали в голове отдельными толчками; я беспрестанно видел два тела на истрепанном диване: Салли и я. Ричард наблюдал за мной, подкарауливал.

Я подошел к столу. Сделал движение, чтобы дотронуться до Салли. Она встрепенулась. Встала, прижалась ко мне, потом взяла меня за руку и потянула ее к заостренной груди. Ричард не двигался. Я услышал, как открылась дверь. Вошла Энн, закрыла дверь на ключ и поставила бутылку на стол. Ричард схватил бутылку, помедлил, потом открыл и начал жадно из нее отхлебывать.

Энн ждала своей очереди. Она улыбнулась, когда наши глаза встретились. Я чувствовал, как Салли шевелилась и двигалась, но не осмеливался думать о ней. Внезапно она отпрянула и бросилась срывать с меня плащ. Шляпу я положил рядом.

Ричард перестал пить, он протянул бутылку Энн. Она отпила глоток; следующим был я. Пока я пил, они с Салли раздевали меня. Ричард уронил голову на стол. Я донес Салли до

дивана.

Губами я пробовал ее пупырчатую кожу, горькую влажность пота; хотелось со всей силы впиться зубами в эту мякоть. Она притянула меня к себе, направляя мою голову. Я почувствовал, как она отдается мне в поцелуе. В этот момент под меня проскользнула Энн. Я вошел в нее так грубо, что она закричала; от наших голых тел в холодном воздухе комнаты поднимался пар, и я уже не понимал, какого цвета моя кожа.

Были конечности, и тяжело гудела голова, когда мне наконец удалось выпутаться из их сплетенных тел. Голова Салли безвольно болталась из стороны в сторону. Она сразу же повалилась, когда я попытался посадить ее на край дивана. Приоткрыв глаза, она слабо улыбнулась и снова их закрыла. Энн отфыркивалась, как собака после купания, и меня поразила изящная гибкость ее фигуры – стройная манекенщица с маленькими высокими грудями, с хрупкими и нежными суставами. У нее были вкрадчивые жесты дикого животного. Шейла потягивалась точно так же.

Шейла. Я посмотрел на часы. Что могут подумать Джим, Ник?.. Ник ничего не скажет. Я взглянул на стол и внезапно оцепенел от страха. Там лежала моя одежда; там же спал Ричард, обхватив голову руками.

У меня не было с собой ста долларов... Мне придется вернуться. Сначала надо... Почему бы не воспользоваться сном Ричарда.

Я встал и походил немного по комнате. Чувствовал я себя очень хорошо. Состояние оцепенения быстро проходило. Две сразу – это лучшее противоядие от виски. Салли лежала с открытым ртом. Мне стало противно. Я понюхал свои руки. Все мое тело пропиталось их запахом. Меня затрясло, но когда я увидел золотистое тело второй девицы, которая одевалась, беззаботно напевая какой-то мотив, я снова захотел ее. Я продолжал чувствовать, как ее горячая, липкая плоть обволакивает мою. Но я не мог прогнать образ Шейлы, ее светлые волнистые волосы, ее яркие, красные губы, груди с голубыми прожилками на коже.

Я не хотел отдавать Ричарду сто долларов. Он спал. Мне оставалось только уйти.

Я добрался до своей одежды и быстро оделся. Я бы принял душ, но надо было торопиться. Я должен был вернуться на работу к Нику. Еще повезло, что это случилось днем. Обычно днем делать особенно нечего.

Как мне избавиться от этого запаха? Невозможно, чтобы Шейла ничего не заметила. По мере того как я осознавал происходящее, ко мне возвращалась способность ощущать и даже получать новые впечатления, казавшиеся в эту минуту сильнее, чем они были на самом деле.

Ричард не двигался. Он глубоко спал. В мозгу у меня прояснилось, даже слишком. Я не продвинулся ни на шаг. Я позволил увлечь себя, я уступил этому желанию. Любому хочется переспать с негритянкой, любому белому – такому же белому, как и я. Здесь дело не в цвете кожи. Это естественный рефлекс. Считается, что есть какая-то разница. А разница и на самом деле была.

Я сжал кулаки. Я совсем запутался. Я ходил по кругу. Энн наблюдала за мной лукаво и удовлетворенно.

– Когда ты вернешься? – прошептала она.

– Я не вернусь, – ответил я резко.

– Ты больше не хочешь видеть Ричарда?

Она приблизилась к нему, чтобы разбудить его.

Я остановил ее жестом.

– Не трогай его, – сухо бросил я.

Она покорно остановилась.

– Почему ты не хочешь вернуться? – спросила она.

– Он мне не брат. Мне не нравится цвет его кожи. Я не хочу его видеть.

– А мой цвет кожи тебе нравится? – улыбаясь спросила она.

Самые потайные места ее плоти были познаны моею. Моею плотью, забывшей реальность.

– Я белый, – сказал я. – И общаться мне с вами незачем.

Она пожала плечами:

– Многие белые живут с неграми. Здесь ведь не Юг. Мы в Нью-Йорке.

– Вы мне не нужны, – сказал я, – мне и без вас хорошо. И я вовсе не желаю, чтобы шайка черномазых сидела у меня на шее.

Она продолжала улыбаться, и меня охватила злость.

– Я без вас обойдусь. Я у вас ничего не просил. Вы хотите меня шантажировать – вот и все дела.

Мне казалось, что я защищаюсь, но на меня никто не нападал. Эти три безобидных существа – как они могли на меня напасть?

– Мы живем в разных системах, – сказал я. – В двух разных системах, которые сосуществуют, но не могут соединиться. Когда они пересекаются, от этого случаются лишь беды и несчастья. И с той и с другой стороны.

– Ричарду нечего терять, – сказала она.

Была ли это угроза, или Энн только констатировала факт? Я спрашивал себя: какие у них между собой отношения? Энн, Ричард, Салли.

Она повторила:

– Так когда ты вернешься?

Чтобы закрепить застежку чулка, она задрала юбку до бедер, задрала ее выше, чем было нужно, и, глядя на тень, падающую на ее кожу, я почувствовал, что мне лучше уйти. Моя злость переходила во что-то другое. Я бесшумно обошел стол, прислушиваясь к дыханию Ричарда.

– Дай мне денег, – сказала Энн низким голосом. – Ричарду надо есть.

– А тебе? Ты что, не ешь?

Она покачала головой:

– Мне деньги не нужны. Мне дают все, что мне нужно.

Я в замешательстве остановился. Почему в замешательстве? Я порылся в кармане и достал оттуда бумажку. Я посмотрел – это была десятка.

– На, – сказал я.

– Спасибо, Дэн. Ричард будет доволен.

– Не называй меня Дэном.

– Почему? – ласково спросила она.

Почему? Она, конечно, не могла знать, что Шейла точно так же произносила «Дэн», растягивая чуть-чуть гласную. Тем хуже, могла бы и знать.

Я быстро вышел из комнаты. Энн даже не попыталась меня задержать.

Я шел по сырому коридору, меня подстегивали разные чувства, сбивающиеся все вместе в какое-то одно почти физическое неудобство. Внезапно я так остро почувствовал необходимость поменять квартиру, спрятаться, что пот выступил у меня на лице; что-то вроде ужаса охватило меня, ужаса затравленного человека, даже хуже – ужаса замороженной жертвы, которая делает уступки своему палачу. Вы никогда не видели мышь в тот момент, когда кошка отдергивает лапу от ее крохотной спинки? Она не двигается, не старается убежать. Удар лапой, следующий за этим, – мягче, чем ласка, – любовная ласка, любовь жертвы к своему мучителю, который в некотором роде отвечает ей тем же. Ричард меня, конечно, любил – всего и сразу. Когда же следующий удар лапой?

Но обычные мыши не могут защищаться. У меня есть кулаки, и я умею пользоваться револьвером.

Это может пригодиться, кто знает...

В этот вечер я не задерживался у Ника. Я устал еще больше морально, чем физически; все те же дебилы играли и нажирались точно так же, как и всегда. А во мне все это вызывало отвращение – как никогда.

Во мне гуляли беспокойные мысли, расплывчатые, как тени; и мир, конечно, сжалился надо мной, так как вечер закончился быстро и без осложнений – я оказался один на улице, сверкающей желтым светом, шагая рядом с тенью, которая крутилась, как секундная стрелка, каждый раз, когда я проходил мимо очередного фонаря.

Город копошился в темноте с характерным, никогда не смолкающим шумом. Я зашагал еще быстрее, подгоняемый странным нетерпением. Меня влекло к Шейле.

Я не пошел сразу же в спальню, а бесшумно проскользнул в ванную. Окно было открыто. Я разделся и встал под душ, но странное состояние, охватившее меня, не поддавалось холодной воде; это было посильнее любого опьянения. Я размышлял об этом, растирая холодную кожу баннным полотенцем.

Я оставил одежду в ванной и прошел к Шейле. Она спала полностью раскрывшись; пижама не сдерживала ее прекрасную грудь, распущенные волосы прятали часть лица. Я вытянулся рядом с ней и обнял ее, чтобы поцеловать, как я это делал каждый вечер. Она проснулась и, не открывая глаз, сонно отвечала на мои поцелуи, потом отдалась в мои нетерпеливые руки, и я ее полностью раздел. Она продолжала лежать с упрямо закрытыми глазами, но я знал, что она тут же их откроет, как только я лягу на нее всем телом. Я гладил ее прохладные руки и округлые бедра. Она отвечала на мои ласки и шептала нежные глупые слова.

Я продолжал ее целовать и трогать теплое упругое тело. Прошло несколько минут. Она явно ждала, что я овладею ею, – я не двигался. Я ничего не мог сделать. Шейла еще не осознавала, а я только что понял, что оставался холодным к ее поцелуям, что ее плоть не будила мою, что все, что я делал, я делал машинально, по привычке. Я любил ее фигуру, любил упругость длинных ног и золотистый треугольник под животом, любил темные мясистые соски ее округлых грудей, но любил я их отвлеченно, как любят фотографию.

– Что с тобой, Дэн? – спросила она. Она говорила, не открывая глаз. Ее ладонь спустилась с моего плеча вниз по руке.

– Ничего, – сказал я. – Сегодня было много работы.

– У тебя ее каждый день много, – возразила она. – Сегодня ты меня не любишь? – Она прижалась ко мне еще сильнее, я почувствовал, как ее рука загуляла по моему телу. Я чуть-чуть отодвинулся.

– Я думаю совсем о другом, – сказал я. – У меня неприятности. Прости меня.

– Неприятности с Ником?

Ее голос не выдавал ни малейшего интереса к неприятностям, которые могли бы у меня быть. Она хорошо знала, чего ей хотелось, и чувствовала себя обделенной. А я ее очень хорошо понимал. Я старался думать о чем-то возбуждающем, я пытался представить себе тело Шейлы во время наших занятий любовью, ее полуоткрытый рот с ослепительно белыми зубами и тот слабый хрип, похожий на воркованье, который она издавала, мотая головой из стороны в сторону, в то время как ее ногти раздирали мне спину и бедра. Шейла ждала. Еще полностью не проснувшись, но уже догадываясь, что со мной происходит что-то неладное.

– Да, – сказал я, – неприятности с Ником. Он считает, что я ему слишком дорого стою.

– У него просто недостаточно клиентов, на которых можно заработать, – сказала Шейла.

– Я же не могу ему об этом сказать.

– Да, ты предпочитаешь заниматься клиентками, которых у него предостаточно и на которых он вообще ничего не зарабатывает.

Она отодвинулась от меня, а я не стал к ней придвигаться. Я чувствовал себя плохо; все это начинало меня беспокоить, я безнадежно рылся в воспоминаниях. Я вспоминал вечеринки у Ника, девчонок, которыми я пользовался в телефонных кабинках, брюнеток, блондинок, связь с которыми лишь прибавляла мне сил.

Совсем не утомляя, эти короткие переписывания с женщинами, которые меня не любили, которые видели во мне только то, что я находил в них, – удобного и легкого на подъем партнера, – обычно вызывали во мне еще более жгучее желание обладать Шейлой, словно от чисто плотских утех я с еще большей силой стремился к женщине, которую любил.

На самом деле, ну чем не милейшей души человек, этот никовский bouncer^[1]! Мое тело оставалось холодным и обмякшим, мои растерянные мышцы по-звериному перекачивались под кожей и судорожно теребили ее изнутри.

– Шейла... – прошептал я.

Она не ответила.

– Шейла, ты зря на меня сердишься.

– Ты пьян, отстань от меня.

– Я не пил, Шейла, я тебя уверяю.

– Уж лучше бы ты выпил.

Ее низкий и напряженный голос в любую секунду мог сорваться в слезную пропасть. Шейла, я ее так любил.

– Ничего страшного, – сказал я. – Я бы хотел, чтобы ты мне поверила. Может быть, я не должен из-за этого так убиваться...

– Дэн, даже если бы Ник забрал у тебя все деньги, все равно это не повод, чтобы пренебрегать мною.

Я безрезультатно попытался возбудиться, представить себе какие-нибудь эротические сцены, выйти из этого нездорового оцепенения, которое приковывало меня к постели. Раз двадцать я занимался любовью с Максин и ей подобными. Раз двадцать я возвращался домой с ясным умом и чистой совестью, возвращался и радовался ее удовлетворению, каждый раз черпая новые силы от прикосновения к ее совершенному телу.

Я не мог. Совсем ничего.

– Шейла, – сказал я, – прости меня. Я не знаю, что ты думаешь, и не знаю, что ты себе представляешь, но это не из-за какой-то другой или каких-то других женщин.

Теперь она уже плакала, тихо и часто всхлипывая.

– О Дэн, ты меня больше не любишь. Дэн... Ты...

Я склонился над ней. Поцелуями попытался сделать то, что мог. Есть женщины, которых удастся успокоить подобным образом, и я искренне хотел, чтобы Шейле было хорошо, но она резко оттолкнула меня и завернулась в простыню, укрывшись от моих посягательств.

Я ничего не сказал. В спальне было темно. Я прислушался. Ее рыдания стихали, и по ровному, спокойному дыханию я понял, что она заснула.

Я тихо встал и вернулся в ванную. Моя рубашка висела на стене. Я снял ее и понюхал.

Запах Салли, запах Энн – от рубашки все еще исходил их запах. Я почувствовал, как от этого твердеет мое тело.

Я оставил рубашку и провел руками по лицу; запах почти развеялся, но меня так и не покидало ощущение его силы, и я вновь увидел Энн и Салли и переплетение наших тел в сыром подвале гарлемской забегаловки.

В соседней комнате спала Шейла. Я никогда не спрашивал себя, обманываю ли я ее,

удовлетворяя свои желания с никовскими девчонками, прихватывая проституток под носом и на глазах их клиентов и в их же машинах. Но в этот момент я понял, что поступаю плохо – совершаю то, чего простить нельзя, – так как предаю умом и не даю телом.

Я начал себя успокаивать. Ну хорошо, возможно, что спать с двумя негритянками намного утомительнее, чем с белыми, и что мне нужно просто отдохнуть. Но мое напрягшееся тело доказывало обратное, а образы, которые проносились перед моими глазами, ничего общего с мирными пейзажами – голубой гладью озер – не имели.

Я вошел в ванную и открыл кран душа. Снова – ледяная вода, на этот раз – для успокоения, так как я даже думать боялся воспользоваться своим состоянием, чтобы разбудить Шейлу и развеять ее подозрения.

Я боялся; боялся, что в этот раз сравнение будет не в ее пользу.

Вышел я на подкашивающихся ногах, измотанный больше психически, чем физически.

Я снова лег в бессонную постель и еще долго терзался в темноте боязнью слишком хорошо понять то, что меня терзало, – пока сон меня не прибрал.

Спал я беспокойно, кошмарно и, несмотря на усталость, проснулся намного раньше Шейлы, так как смутно чувствовал, что надо уходить, пока она не начала задавать новые вопросы, пока вчерашний разговор не свернул в опасное русло. Ребенок спал в соседней комнате, и я должен был спешить: детский сон не соперник уличному шуму в семь часов утра.

Я быстро побрился, взял свежее белье, швырнул в лакированный ящик то, которое носил накануне, надел легкий костюм и вышел.

Позавтракал я в кафе. Я не торопился. Мне нужно было убить весь день до начала работы у Ника.

Я вошел в телефонную кабину и позвонил Шейле.

– Алло?

Голос у нее был беспокойный.

– Алло, это Дэн, – сказал я. – Добрый день.

– Ты не завтракал?

– Мне нужно было выйти. По поводу того дела, о котором я тебе говорил вчера вечером.

Она не ответила, и я облился холодным потом при мысли о том, что она сейчас повесит трубку.

– А, да, – отозвалась она наконец, – я вспомнила.

Каким ледяным тоном она произнесла эти слова.

– Я заходить не буду, – сказал я. – Потом поеду прямо к Нику. Мне за утро нужно столько людей повидать.

– Смотри, чтобы у них было не очень много помады на губах, – выдала Шейла.

Она повесила трубку. Ладно. Я тоже повесил трубку и вышел из кабины.

Целый день, до пяти часов времени еще много.

Погулять. Потом в кино.

Искать квартиру.

При этой мысли я улыбнулся. Улыбка получилась невеселой. Вот еще одно забавное воспоминание, колющая боль живой раны, и столь поверхностной, что на нее даже стыдно обращать внимание.

Я старался не думать о том, что меня так сильно тревожило. Так сильно и глубоко, что мне удалось – как при настоящих катастрофах – отключиться, отстраниться, остаться почти равнодушным.

Вначале я боялся Ричарда. Я рисковал потерять все: положение, жену, сына – всю жизнь. Я проводил целые дни в страхе и испробовал все. Потом я решился встретиться с ним лицом к лицу.

Я встретился с ним. Но к моему несчастью, он был не один. Вместе с ним я встретил настоящего Дэна. Да. Теперь я боялся самого себя – своего собственного тела, восставшего против хозяина; тела, охваченного инстинктом, который я отказывался признавать.

Пусть меня выдаст Ричард, и я потеряю свое положение, жену, сына. Ладно. Но я останусь самим собой, останется хоть шанс все вернуть.

Но если меня выдаст собственное тело, у меня не останется ничего.

Я обернулся и посмотрел вслед девушке, одетой слишком хорошо для этого времени дня и этого района города. Светило солнце. Я жил.

Я думал о Шейле.

Я жил, хотя и чувствовал себя импотентом.

Я зашел в какой-то бар. Из-под белого фартука топорщились рукава бармена. Он надраивал свою стойку сальной тряпкой. Кафельный пол был весь в опилках.

– Виски! – приказал я.

Не говоря ни слова, он поставил передо мной стакан.

– Хорошенький денечек, – закинул я. – Что-нибудь интересненькое не наклеывается?

– Не наклеывается, – ответил он. – Клев для всех одинаковый.

– Насчет Боба Уитни бояться нечего.

– Всех сделает, – отрезал бармен.

Такой вот не очень разговорчивый мужчина.

– Чем бы заняться в этом городе в восемь часов утра? – спросил я.

– Ничем, – отрубил он. – Работать надо.

– До пяти работы нету, – сказал я, залпом допивая виски. Что и говорить, привыкнуть к алкоголю было не просто.

Перед стойкой начиналась лестница, ведущая в зал на втором этаже. Оттуда доносился какой-то шум, возня – ведра, швабры, – кто-то делал уборку. Я поднял глаза и заметил на верхней ступени черно-белый халат негритянки. Она стояла на коленях, а ее жирный зад ритмично ходил из стороны в сторону.

– Еще одно виски, – сказал я бармену.

Ну что можно сделать в восемь часов утра? Я заметил музыкальный ящик.

– А что там есть? – спросил я.

– Не знаю.

Я растерянно отступился.

– Сколько я вам должен?

– Доллар, – сказал он.

Я заплатил и вышел. Дошел до ближайшей станции метро. Купил газету и дождался поезда. Забит до отказа. Там я себя почувствовал не так одиноко. А они все куда-то ехали. Они все были кем-то. А я, я никуда не ехал, я стоял на границе двух рас, и обе были готовы от меня отказаться. В газете ничего интересного. Выходя, я оставил ее в вагоне.

Выходя недалеко от Гарлема, как будто специально.

Я зашел в первую попавшуюся химчистку.

– Добрый день, – сказал я.

– Добрый день.

Их было двое: еврей и его помощник. Я разделся в кабинке и стал ждать, пока мои брюки будут готовы. Уж здесь-то придется подождать. Я на это убью минут тридцать, не меньше. Что я еще могу придумать? Почистить ботинки? Пять минут. Пойти поесть? Этого тоже недостаточно.

К какой-нибудь девочке? К белой. Чтобы проверить. Чтобы попробовать.

Теперь мне уже было невтерпеж.

– Пошевеливайтесь! – закричал я хозяину. – У меня свидание с Бетти Хаттон.

– Я вам тогда приготовлю немного льда, чтобы освежиться, – ответил мужчина в том же духе. – Две секунды – и все готово. Постарайтесь, чтобы ей было не больно: стрелки на брюках острые как бритва.

– Так это я буду сидеть у нее на коленях, – сказал я.

– А я сзади тоже прогладил.

Хватит. Посмеялись. Этот был прямая противоположность тому, из забегаловки. Этот перегибал палку. Я ждал, не думая ни о чем, – ни о чем другом, кроме белой девочки.

Я знал, где ее можно найти. Одна из никовских завлекалок жила совсем рядом. Я ее отвозил домой раз в неделю. Эта девчонка была настоящим доходным местом, Нику с ней повезло.

Я все-таки зашел на пять минут к чистильщику обуви.

Она открыла мне дверь, сонно потирая глаза.

– Привет! – сказал я. – Одна?

– За кого ты меня принимаешь?

– За свою подружку, – сказал я. – Войти-то можно?

– Конечно.

– Я не вовремя?

– Одеваться я могу и при тебе, – ответила она. – Правда?

– Ну, с этим ты можешь не торопиться.

Она прищурившись посмотрела на меня и откинула назад прядь волос, упавшую на глаза.

– Что тебе надо? – спросила она. – В такое время я тебя здесь вижу впервые.

– Хотел тебя повидать.

Я положил шляпу на стол и уселся рядом.

– А ты ничего, – похвалил я.

– Ты отлично знаешь, какая я из себя. Ничего нового.

– Вполне сносно, – добавил я.

– Ты сегодня какой-то странный, Дэн.

– Тебе что, не нравится? – спросил я.

– Не нравится? Что?

– Что я пришел...

– Я бы хотела знать, зачем ты пришел.

– Да брось ты ломаться! – сказал я.

Она была рукой подать, и я притянул ее к себе. Она даже не пыталась запахнуть свой пеньюар или как-то посопротивляться.

– Дэн, ты все-таки странный тип, – сказала она.

– Почему?

– У Ника о тебе ничего не знают...

– А что должны обо мне знать?

Она ответила не сразу: хорошая пауза для расстегивания лифчика. Ей, наверное, было лет девятнадцать. Не больше. У Ника – одна свежатинка.

– Откуда ты?

– Оттуда... – сказал я, махнув куда-то рукой.

– Чикаго?

– Ага.

– Странно, – прошептала она. – Они всегда надираются до того, как к нам лезть. Можно подумать, что без этого смелости не хватает.

– Вы ведь их сами заряжаете, – сказал я.

– Когда они нам нравятся, то нет, – кокетливо отозвалась она, подвигаясь ко мне.

Я сидел за столом, и ее груди болтались у меня перед носом. Прямо напрашивались на поцелуи. Длилось это минут пять. Глаза ее были закрыты, а надушенная плоть терлась о мои губы. Я расстегнул под пеньюаром прозрачный лифчик и собирался уже раздеть ее полностью, но она меня опередила. На ее голом загорелом животе не было ни волоска.

– Ты странный... – повторила она, отодвигаясь. – Что, так и будешь сидеть на столе?

– А ты откуда? – спросил я в свою очередь.

– Из Бруклина.

Она засмеялась и потянула меня за руки.

– Я не буду тебе рассказывать, что родилась в пребогатом доме к югу от Центрального парка.

– Мне и не надо это рассказывать. Скажи мне лучше, ты в форме?

Она потянулась.

– Ничего.

Я снял куртку, она растянулась на кровати. Я снял ботинки и все остальное. Она закурила сигарету, глядя на меня краем глаза. Я уже собирался к ней приступить, но она остановила меня.

– Виски на кухне.

– Я его не пью, – ответил я. – Не так часто.

У меня во рту еще оставался привкус виски, выпитого час назад.

– По-моему, сейчас бы это тебе не помешало, – усмехнулась она.

Я хорошо понимал, куда она при этом смотрела.

– Не беспокойся, – сказал я. – Когда надо, заработает.

– Я подумала, что тебе нужно подзаправиться, – сказала она.

– Бак полный.

– Тогда иди сюда...

Она опустила руку и затушила сигарету в пепельнице, стоящей на ковре. Я подошел и лег рядом с ней. В течение нескольких минут я ласкал ее. Она молчала и на меня не смотрела.

Тут я уже всерьез задумался о том, что со мной могло случиться. Я попробовал целовать все ее тело. Обычно на меня это хорошо действует, даже несмотря на усталость.

Хоть бы хны.

Я настойчиво продолжал, чувствуя, что мои поцелуи начинают ее будоражить. Ее голый живот был теплым и упругим, как слива, позолоченная на солнце.

Внезапно я отпрянул: от нее настойчиво и отчетливо пахло мылом.

К черту. Уж лучше спать со стиральной машиной.

Я приподнялся и встал. Ее руки были заложены за голову. Голова повернута в сторону. Чуть улыбающийся рот с белыми зубами. Ногти цвета бычьей крови прижимались к ладоням. Грудь ритмично волновалась.

Почувствовав, что я собираюсь уходить, она резко села.

– Дэн, в чем дело?

– Ни в чем.

– Останься со мной.

– Нет.

– Почему? Дэн... я тебя прошу.

– Ты была права, – сказал я. – Я не могу. Это не из-за тебя. Я хотел в этом убедиться и вот, к несчастью, убедился.

– Дэн! Я тебя прошу. Ты меня уже так завел...

– Ну ладно, – буркнул я. – Ложись. Сейчас все уладим.

Она вытянулась, я примостился рядом и сделал все, что мог. Ничего приятного в этом не было, но, в конце концов, случается попадать и не в такие переделки. Эта, по крайней мере, была чистой. Через какое-то время ее тело напряглось и раскрылось. Она сжала, потом разжала руки и осталась лежать на спине. Ублаженная и размякшая.

– Дэн... – прошептала она. – Милый.

– Ну как?

– Дэн... я очень-очень это люблю.

– Я за тебя очень рад, – сказал я.

– Тебе было не очень противно? Дэн?

– Ну, – шепнул я, – что это, что на лошадей ставить...

– Дэн, ты – настоящая скотина... но ты мне это еще сделаешь?

– Не вижу в этом никакой пользы. По-моему, результат надежд не оправдал.

– А по-моему, оправдал, – сказала она. – Ну а что касается тебя, то мне все равно.

– Со своей стороны, я думаю абсолютно то же самое. Я пришел к тебе, чтобы выяснить, могу ли я еще. Все было достаточно убедительно. Я не могу.

– Ты меня вполне удовлетворяешь.

– Спасибо. Ты уже пробовала спать с женщиной? Мне кажется, что это как раз для тебя.

– Ну... Я бы попробовала, – сказала она. – Ты думаешь, что это будет точно так же?

– Для меня, вне всякого сомнения.

– Не психуй, Дэн. Ведь есть медицинские средства.

– Глупости, – сказал я. – Ты представляешь... В моем возрасте?

Я заметил, что наш разговор принимал более дружеский характер, чем я ожидал. Забавно. Может быть, женщины любят импотентов. Настоящий мужчина их всегда немного пугает. Они, наверное, боятся всевозможных увечий. А импотент – это как близкая подружка.

– Такое может случиться с каждым, – сказала она. – Я-то уж знаю. Иначе бы мне денег не платили.

– Не забывай, что из десяти твоих клиентов – девять пьяны в стельку, – сказал я. – Что же может получиться после таких попоек?

– И это тоже, – согласилась она. – Но ведь ты не пьешь? Может быть, ты просто зажрался. Ты не думал попробовать с мужчиной?

Она рассмеялась, увидев мою брезгливую гримасу.

– Пошла ты в задницу! – сказал я. – Уж лучше с лошадью!

– Ей бы понравилось... – подколола она.

Еще одно высказывание близкой подружки.

Я ничего не ответил.

– Ты можешь попробовать что-нибудь другое, – предложила она. – Две женщины, три женщины.

– Целый пансионат. А ты оттуда вылезать не будешь, – сказал я.

– Или негритоску. Говорят, что они...

– Заткнись.

На этот раз я разозлился. Настоящей злостью, от которой скрипят прокладки.

Она смотрела на меня и ничего не понимала. На ее счастье, она больше ничего не сказала. Еще бы одно слово, и я бы ей вмочил.

Я отвернулся и стал молча одеваться. Было слышно, как она тихонько шевелится на кровати. Мой гнев стихал.

– Дэн, – прошептала она. – Мне жаль...

Эта девчонка и в самом деле была ничего.

– Ладно, – сказал я. – Пустяки.

– Не переживай, Дэн... Я... действительно... Дэн, я тебе очень благодарна.

Черт побери! Она меня почти что завела. Ну и шлюха. Что же у них там, внутри? Откуда у них это берется?

Она встала и засеменила к креслу, где лежал ее пенюар.

– Хочешь кофе, Дэн?

Я застегнул штаны.

– Неплохо бы.

Я поймал ее, когда она проходила мимо. Она отшатнулась и испуганно на меня посмотрела. Я обнял ее и, не прижимаясь к ней, поцеловал.

– Спасибо, сестренка.

Успокоившись, она меня чмокнула и проскользнула в маленькую кухоньку, загремела посудой, зажгла газ, напевая какую-то модную песенку.

Я оставил куртку, где она лежала, и плюхнулся в кресло. Ноги – как костыли. Тело – потроха наружу. Ну хоть каталку вызывай.

Немного спустя она принесла на подносе полный обед. Пока она расставляла чашки и тарелки на раскладном столике, я спросил:

– Так что, тебе в этот раз действительно понравилось больше?

– Как это больше? – возразила она. – Ты не так уж часто сюда приходишь...

– Но во всяком случае, так сильно тебя еще не разбирало.

– Господи, – ответила она. – Ты сам знаешь. Их здесь перебывало немало. Но так, как ты меня только что... – Она покраснела. – Не люблю об этом говорить, Дэн. Я, может быть, шлюха и все такое, но об этом говорить не люблю. Когда я работаю за деньги, это не то же самое.

– У тебя никого нету, кто бы мог тобой заняться? – спросил я.

– Нет, – ответила она. – У меня был друг, это из-за него у меня такая работа, Дэн. Порядочный мерзавец. Ему был нужен только мой кошелек. А я-то думала, что он меня любит, пошла на это ради него. А он насмеялся надо мной. Таких, как я, у него было немало. Больше я его не видела, он уехал из Нью-Йорка после той истории с Лючиано.

– А ты так и продолжаешь? – спросил я.

– Дэн, всю жизнь подыхать с голоду не будешь. А работа не так уж и плоха. Сам-то ты продолжаешь. Почему?

– У меня жена и ребенок, – сказал я. – И я их люблю. И как ты сама сказала, работа не так уж плоха.

– Тебе повезло, – сказала она. – А я... Хотя нет, на самом деле мне больше нравится быть одной.

– Многие подружки живут вместе, – сказал я. – Так, наверное, веселее.

– Не знаю, Дэн. Я бы предпочла... – Она запнулась.

– Чего ты остановилась? – сказал я, наливая в чашку кофе.

– Я бы хотела такого парня, как ты, Дэн. Сильного и очень мягкого. И потом, ты бы мне все время делал, как только что.

Она уселась на мои колени, не обращая внимания на чашку, которая опасно дрожала у меня в руках.

– Тебе не хочется, Дэн.

Бесподобно. Я приезжаю, говорю этой девчонке, что хочу с ней переспать, ничего не могу сделать, уж это во всяком случае, и мгновенно заклеиваю ее, ну хоть отдирай. Все они просто чокнутые.

– Я же тебе сказал, что у меня жена и ребенок.

Я подумал о Шейле, и меня передернуло от стыда. Шейла, которую я так жестоко разочаровал прошлой ночью. Шейла. На какую-то долю секунды я увидел себя с этой шлюхой и Шейлу с другим, и от ярости мое сердце облилось кровью. Вот так всегда. Ты женат и спишь с девицами без зазрения совести. А как представишь, что твоя жена с другим, – готов убить всех на свете. Ничего не поделаешь. Здесь никакой логики. Мужчина никогда не обманывает свою жену.

– Ты славная, – сказал я. – Но я не хочу. Да и заслуживаешь ты большего, чем какой-то импотент.

Я игриво погладил ее грудь, розовый сосок тут же натянул прозрачный шелк халата. Она взмахнула рукой, и половина моего кофе очутилась в блюде.

– Стоп, – сказал я. – Аккуратнее. Давай вставай и живенько одевайся. Я тебя в кино свожу.

– Здорово! – крикнула она. – Совсем как жених и невеста.

— Точно, — согласился я.

Я, конечно же, не собирался ей рассказывать, зачем мы идем в кино. Ни ей, ни кому-нибудь еще. Даже себе. Думать об этом не хотелось.

Она кончила одеваться, когда было уже два часа дня. Это всегда занимает немного больше времени, чем кажется; но в какой-то степени меня это устраивало. В кино будет больше народу. Кино, куда я собирался ее повести, было уже выбрано. Это был маленький, постоянно забитый зал рядом с женским колледжем. Естественно, существовала опасность, что мой проект жалко провалится, но в этом случае у меня в запасе была еще одна идея.

Мы вышли из ее квартиры и проехали на лифте до первого этажа. Я поглядывал на нее украдкой. Несмотря на молодость, в ее походке и манере одеваться было что-то такое... Было сразу понятно, кто она такая. И тут мне в голову пришла одна мысль. Дело в том, что мне удавалось скрывать нечто более постыдное. Удавалось раньше и удастся до сих пор.

А для чего это все? – посмеивался я над самим собой. Все это, мои усилия, моя многолетняя работа у Ника? Чтобы закончить импотентом? Ну уж нет! Теперь я уже успокоился. Все быстро вернется.

Забавно. Вчера с Шейлой я был в полном отчаянии. Только что с этой девицей меня трясло от гнева. Ей тоже от меня досталось. А сейчас я чувствовал себя спокойным как никогда.

Я знал, что мне делать.

Она шла рядом со мной. Красивая баба. Ноги, грудь, лицо. Все было на месте.

Нужно уметь выбирать алиби.

Мы пришли в кино, я купил два билета.

Я шел за ней вдоль никелированной лестницы, покрытой толстым ковром. Луч электрического фонарика прорезал темноту. Контролер посмотрел мои билеты.

– Только в разных местах. – сказал он. – Потом поменяетесь.

Ну, Дэн, тебе пятнадцать очков форы.

Она села, сел и я, но за ней, на два ряда дальше.

Через десять минут я бесшумно встал, обошел зал сзади, дошел до запасного выхода и очутился на улице. Проехало пустое такси. Я собирался махнуть рукой.

Нет. Только не такси. На метро.

Я посмотрел на часы. Времени достаточно. Я двинулся к метро.

Перед тем как зайти в грязную забегаловку, где я накануне встретил Ричарда, я огляделся по сторонам. Народу было мало. Черные, метисы, были и белые. Это была нейтральная зона.

Я вошел, решительно надвинув на глаза шляпу, и направился прямо к лестнице.

Мужчина за стойкой едва поднял глаза, когда я проходил мимо. Затхлый и едкий запах охватил меня в коридоре; пришлось сделать глубокий вдох, чтобы к нему привыкнуть.

Я нашел нужную дверь и вошел без стука, стараясь производить как можно меньше шума. Ричард спал, развалившись на грязном диване. На столе – пустая бутылка. Ни Энн, ни Салли. Необыкновенное везение. Но в комнате оставался их запах. Я почувствовал, как мое тело напряглось само по себе, напряглось так, как мне не удавалось его напрячь в присутствии Шейлы или никовской курочки.

Ричард. Сейчас он мне за это заплатит.

Один прыжок, и я уже сидел на нем и сдавливал ему шею.

Он даже не успел закричать. Я сжимал изо всех сил и чувствовал, как под моими пальцами трещат его шейные косточки.

Здесь уж никаких шуток. Никаких следов. Я почти сразу же его отпустил и, не оставляя ему времени для вдоха, накрыл лицо диванной подушкой.

И стал давить. Его жилистое тело судорожно дергалось и чуть не вырвалось из-под меня. Я уже почти лежал на нем, стараясь пересилить его, сдавливая его ноги. Я давил как ненормальный. И тут его колено попало мне в пах. У меня закружилась голова, меня чуть не вытошнило, но я не отпускал подушку. Мне удалось прижать Ричарда к пожелтевшей обивке. Его руки вцепились в мою правую кисть, стараясь сорвать подушку. Я обхватил рукой его голову: вряд ли Ричард вырвется из такого захвата.

Он трепыхался еще добрых пять минут. Силы оставляли меня, и, казалось, глаза выпрыгнут из орбит. Я чувствовал, как по капле выдавливался из меня пот и стекал по коже; рубашка прилипала к моим напрягшимся мускулам.

Рука Ричарда все еще оставалась на моей кисти, но его пальцы меня больше не сжимали. Я с трудом поднялся.

Можно было не продолжать.

Не снимая с его лица подушку, я быстро обшарил его карманы. Грязная записная книжка. Мелочь. Какие-то непонятные предметы. Лотерейные билеты. Записная книжка. Остальное опасности не представляло.

А теперь поживее отсюда.

Я приподнял подушку. Зрелище пренеприятнейшее. Я подошел к столу, взял бутылку, обернув на всякий случай руку носовым платком, разлил остаток алкоголя по его лицу и одежде. Бутылку поставил около него.

У них практически нет шансов. Ну кто будет беспокоиться из-за этого полукровки, найденного в подвале гнусной забегаловки в Гарлеме? Кто будет вынюхивать, действительно ли он умер от прилива крови?

Уж во всяком случае не легавые.

Я осмотрел комнату. Ничего не изменилось. Потом привел в порядок одежду Ричарда. Еще когда я ее обшаривал, то старался не очень сильно ворошить. И правильно делал. Сам Ричард был холодным и твердым, как бетонная свая. Вот что получается, когда подыхаешь ни с того ни с сего.

Я быстро вышел из комнаты. Мне показалось, что сзади открылась какая-то дверь. Я

обернулся. Никого. Я пожал плечами и поднялся по лестнице. Прошел через зал и очутился на улице.

Пора. Прошел уже час. Все, в обратный путь. Вот и метро.

До кино я добрался очень быстро. Никто не охранял запасной выход. Я толкнул дверь с табличкой «Вход воспрещен». Еще один сырой коридор. Он напомнил мне тот, другой.

Угрызений совести я не ощущал.

Через стеклянную дверь я посмотрел в зал. Рядом никого.

Я открыл ее, меня внезапно оглушили голоса актеров. Я вздрогнул; свет фонарика ударил мне прямо в лицо, он быстро ко мне приближался.

Как глупо. Тем хуже. Оправдание у меня имелось.

– Что вам нужно?

Я протянул контролеру свой билет.

– Где туалет?

– Не здесь, – сказал он, рассмотрев и сразу же вернув мне билет. – Вот сюда.

– Спасибо.

Спустя две минуты я вернулся к своему месту. Оно было занято, зато впереди все было свободно. Я сел и хлопнул по плечу свою подружку.

– Эй! – сказал я.

Она схватила мою руку, словно я был привидением, и слабо вскрикнула.

– Дэн, – прошептала она, – ты меня так напугал.

Почти сразу же она меня отпустила и вновь уставилась на экран.

Все получается как нельзя лучше.

Но мне не понравилось, что она сжала мне кисть именно в том месте, где час назад ее сжимал Ричард.

А, тем хуже.

Чем больше об этом думаешь...

Все произошло так, как я и предполагал.

На следующий день в газетах появилась заметка в несколько строчек – а потом все, ни слуху ни духу.

Я снова лежал рядом с Шейлой. Она только что уснула. А я только что убедился, что мое состояние так и не улучшилось.

Днем у Ника тоже делать было нечего. Я даже не пытался.

Я пробовал взять себя в руки, найти какое-нибудь объяснение.

Но это казалось выше моих сил.

Почему у меня не получается с этими девками? С женой? Вчерашняя фраза не выходила у меня из головы: «Или негритоску. Говорят, что они...» Может быть, после встречи с этими двумя негрityнками глубоко-глубоко внутри меня возникло ощущение того, что я негр. Ощущение, с которым приходят все страхи, унаследованные от предков... Страх негра перед белыми женщинами... Именно это они и называют «комплексом». Может быть, у меня «комплекс»? Но ощущения, что я негр, не было у меня ни сегодня, ни вчера. Я чувствовал себя таким же белым, как и всегда.

Так что же? Разве нет подсознательных комплексов? Может быть, они все-таки есть?

Я искал. Я искал – и мои руки ощупывали мое тело, натываясь на доказательства моей немощи.

Но я сознательно искал не там, где нужно. Ибо в глубине души понимал, чего мне хотелось. И в конце концов я себе в этом признался. Я пробовал с Шейлой – безрезультатно. С другой белой – безрезультатно.

Теперь мне нужна негрityнка. Вот. Как прыжок в воду. Я должен попробовать.

Как и вчера, я встал бесшумно, украдкой.

Было, наверное, около трех ночи. Открытых ночных баров я найду сколько угодно.

И метисок я тоже смогу найти.

Какую-нибудь очень смуглую. И очень толстую. И чтобы сильно потела.

Я быстро оделся и закрыл за собой дверь. Вернуться я рассчитывал до того, как проснется Шейла.

Я прошел три квартала, прежде чем поймал такси. Я назвал какой-то адрес рядом с Гарлемом. Там белому не очень-то просто найти то, что мне нужно. Но я не зря был пять лет вышибалой, я знал нужные места.

Изредка и белые хотят поменять кожу.

Заведеньице было невзрачным. Жалкий бар, каких тысячи. Я вошел. Внутри всего несколько клиентов. Три-четыре женщины, пять-шесть мужчин и бармен в уродливом пиджаке.

Я заказал один хайболл. Бармен поставил передо мной стакан и наклонился вперед, отсчитывая сдачу. В это время я ему шепнул:

– Девочек свободных нет?

Он подозрительно на меня посмотрел.

– Я от Айки Льва, – сказал я.

– А-а, ладно, – успокоился он.

Черное лицо расслабилось. Он нагнулся, пошуровал среди бутылок и вновь выпрямился. Протянул визитную карточку сомнительной чистоты.

– В двух кварталах отсюда, – уточнил он. – Скажите, что вас послал Джек.

– Спасибо, – кивнул я.

Я оставил ему хорошие чаевые и вышел. Два квартала. Пять минут. Я вошел. Здание выглядело довольно прилично. Холл был едва освещен, у входа спал сторож. Я поднялся на шестой этаж. Позвонил два раза, как указывали карандашные пометки на карточке бармена. Мне открыла женщина лет тридцати, хорошо одетая и нехорошо обвешанная украшениями. Черт его знает, была ли она мулаткой или просто мексиканкой. Определить это могли бы только самые хитрожопые. У меня с жопой было все в порядке.

– Проходите, – сказала она, когда я протянул визитку и произнес имя Джека.

Она закрыла дверь и опустила драпировку. Я прошел за ней. Она открыла другую дверь, приподняв другую драпировку. Комната, в которой я очутился, была неплохо обставлена.

Я сел в кожаное кресло.

– Вы хотите очень темную женщину? – спросила она.

– Да, скорее темную, – ответил я.

Ее взгляд меня немного смущал.

– И не очень худую? – добавила она с легкой улыбкой.

– А выбрать можно? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Я вам парочку пришлю.

Она скрылась за дверью. Я ждал. Мое сердце стучало немного быстрее, чем обычно.

Хозяйка почти сразу же вернулась, подталкивая перед собой крупную девушку с густым черным цветом кожи и молоденькую метиску посветлее, худощавую и высокую, с совершенно правильными чертами лица. Первой могло быть лет двадцать пять. Второй – никак не больше шестнадцати.

– Это Рози, – сказала хозяйка. – А вот Джо, – добавила она, кладя правую руку на плечо той, которая помоложе.

Рози была одета в платье с большим вырезом, ее черная кожа блестела в полумраке комнаты, толстые напомаженные губы раздвинулись в широкую улыбку. Другая смотрела на меня не двигаясь.

Хозяйка заметила мою нерешительность.

– Вы можете взять обеих... – сказала она.

Я вынул бумажник. Она подошла ко мне. Я ей заплатил.

– Рози, проводите господина.

Я прошел вслед за ними в третью комнату, абсолютно пустую, за исключением вместительной кровати в углу и раковины в нише за драпировкой.

Темный ковер покрывал пол.

Маленькая розовая лампочка освещала комнату, было очень темно.

Рози разделась и уже растянулась на кровати. Я с подозрением взглянул на Джо и, догадавшись, рассмеялся.

– Ты можешь идти, – сказал я. – Я не люблю мальчиков.

Он улыбнулся, нисколько не смутившись. Рози тоже засмеялась.

– Твоя хозяйка меня провела, – добавил я.

– Позвольте ему остаться, – попросила Рози.

Я снял куртку. Джо расстегнул платье, и оно упало к его ногам. Он так и остался стоять, совершенно голый и непристойный до невозможности.

– Позвольте ему остаться, – повторила Рози подхихикивая, – вы не пожалеете.

– Я эти штучки не люблю, – сказал я.

– Уже пробовали? – холодно спросил Джо.

Меня это просто огорошило.

– Даже пробовать не хочу, – сказал я.

– Идите сюда, – позвала Рози. – Не беспокойтесь. Знаете, я могу любить по-французски...

– Я тоже, – сказал я.

Я снял то, что на мне оставалось. Беспокоиться по поводу своей потенции больше не приходилось. Но я действительно не хотел, чтобы этот мальчишка оставался в комнате. Или же... можно еще по-другому.

Теперь я уже точно знал, что нечего было переживать. В глубине души я так и подозревал: для того чтобы снова стать мужчиной, мне нужна была негритянка. Ладно. Но раз так, то хотелось играть в открытую с самим собой.

Не спать с Рози. Результат мне был известен. Не сомневаюсь, что, если я ограничусь только тем, что буду смотреть на нее – на них обоих, перед Шейлой я не посрамлюсь. Смогу. А Шейла мне необходима. Здесь ловить нечего.

Рози ждала меня. Я подошел к кровати и сел на край.

– Вали сюда, – сказал я Джо.

Он быстро подошел. Я посмотрел на Рози. Она ждала с нетерпением.

– Давай, Джо, – сказал я. – Я на вас посмотрю.

– И вы тоже, – возбужденно начала она.

– Я на вас посмотрю, – повторил я.

Без всякого смущения он подошел к девушке, которая уже угодливо изогнулась. Всадил он ей уверенно и в то же время мягко. И все это при мне. Казалось, будто присутствуешь при каком-то строгом ритуале. Мышцы Рози напряглись. Меня это почти заворожило. Я чувствовал запах женщины и следил глазами за движениями мужчины. Через какое-то время Рози его оттолкнула. Он остался лежать рядом с ней. Он смотрел на меня.

– Иди сюда, – позвала Рози. – Давай вместе с ним.

– Нет, – ответил я.

Она бесстыдно ласкала Джо.

– Почему нет? – спросила она. – Я здорова. Джо тоже.

– Не из-за этого, – сказал я. – Я хотел кое-что проверить. И проверил. Мне этого достаточно.

Она резко соскочила с кровати и упала на колени, пытаясь меня поймать. На миг я ощутил теплое, засасывающее прикосновение ее жадного рта, но тут же схватил ее за курчавую шевелюру и вырвался. Я встал, сопротивление было бесполезно. Прямо наваждение какое-то. Я так ее хотел, что меня всего просто ломало. И видно, я был нужен Рози так же, как и она мне.

Она яростно набросилась на Джо, и вскоре я слышал лишь их частые вздохи да легкий хруст

суставов.

Я дошел до ниши, где находилась раковина. Наклонился, открыл кран и подставил под него голову. Я довольно долго простоял под струей – и никак не мог отдышаться. Немного успокоившись, я вернулся в комнату и начал медленно одеваться.

Ни Джо, ни Розы на меня внимания больше не обращали. Я открыл дверь и вышел.

На улице я отдышался. Посмотрел на часы. Почти пять часов утра.

Я пошел домой.

Шейла спала все в том же положении. Она явно ни разу не пошевелилась после моего ухода. Я забрался к ней в постель и овладел ею, пока она не успела проснуться. Глаз она не открывала, но соединила руки за моей головой и отдалась моим ласкам, с жадным нетерпением отвечая на них.

Потом она отодвинулась, успокоенная и расслабленная, с легкой улыбкой на губах. Я по-прежнему обнимал ее; правда, чувствовал себя не совсем уверенно, так как больше я не мог.

– Дэн... – сонно протянула она.

– Да, – отозвался я. – Прости меня за вчера и за сегодня.

– Дэн, ты действительно думал о своих неприятностях?

– Клянусь тебе, – сказал я. – Мне кажется, я нашел выход.

– Странно... – прошептала она. – Странно, что это так на тебя действует.

И действительно, странно... Я бы никогда не поверил.

– Немного переутомился, – объяснил я. – Теперь все прошло.

Я вновь подумал о Розе и Джо на большой кровати и почувствовал прилив сил. Но Шейла уже почти спала.

– Нет... Дэн, я тебя прошу... Я еле жива.

– Почему? – удивился я. – С чего бы это?

Она закрыла лицо руками:

– Дэн... Ты ведь меня простишь?

– А что?

– Я так устала... Дэн... Я... Я не знаю, как тебе сказать...

– Ты нашла другого? – резко спросил я.

Она широко открыла глаза:

– Да ты что, Дэн! Нет, совсем другое. Я... Я боюсь тебе сказать.

– Главное, чтобы это было не с другим, а остальное меня мало волнует.

– Не с другим, Дэн... Это... Ох... Дэн, это я сама... С собой.

Я немного обиженно засмеялся.

– Ну, если только это... – сказал я.

– Ты рассердился, Дэн?

– Да нет, – успокоил я ее. – Ну, и в общем – ведь виноват-то я.

– Ты рассердился. Ты на меня обиделся...

Она спрятала голову у меня под мышкой.

– Дэн, меня нельзя так оставлять. Ты мне нужен, Дэн, мне это просто необходимо.

– Не так уж и необходимо, – недовольно проворчал я.

– Да нет, Дэн. Сама с собой – ничего забавного в этом нет. Утомительно и неприятно. Дэн, если бы ты оставил меня на целую неделю, думаю, что мне пришлось бы для успокоения принимать наркотики или переспать с кем-нибудь другим.

– Очаровательно, – сказал я.

Меня разбирал смех. Хорошенькое дело. Из-за этого вечера я убил Ричарда. А случись мне заболеть или уехать из Нью-Йорка – и Шейла меня бросит, в свою очередь. А вдруг они что-нибудь найдут – они, конечно же, ничего не найдут, – а этот тип, который меня привел к Ричарду в первый раз? А Энн и Салли? А хозяин забегаловки?..

Странная штука – психология преступника, внезапно подумал я. Считается, что угрызения совести вас прямо так и угрызают. Что кошмары вас прямо так и изводят.

Брехня. Невероятного труда стоит заставить себя подумать о последствиях того, что сделал. На самом деле, теперь все это оставляло меня полностью равнодушным.

Единственное, что имело значение, – это слова Шейлы.

Значит, стоит мне отлучиться на два дня, и... Так из-за чего я остаюсь с ней? Почему я не могу оставить ее, не испытывая чувства пустоты? Не испытывая необходимости вернуться к ней, необходимости знать, что она – моя. Даже не видя ее, знать, что я могу ее увидеть, когда захочу.

Это и есть любовь?

Если да, то веселиться нечего.

До чего же я дошел. Женщина, захотеть которую мне удавалось с большим трудом, – доказательство этому я только что получил, доказательство настолько яркое, что и слепой увидит. Женщина, которая не может обойтись без мужчины до такой степени, что сможет найти мне замену в два дня, если этих двух дней меня с ней не будет.

И я понял, что именно это и есть любовь. Что все страдания именно от нее.

Достаточно лишь представить себе Шейлу с другим. Или одну. Ладно. Тем хуже.

В запасе еще есть черномазые. Ричарда в запасе больше нет.

Господь допустил, чтобы я от тебя избавился, Ричард. Шейлу я оставляю себе. А тебя я оставляю в дерьме.

Спокойной ночи, Дэн.

На минуту я выскочил от Ника за покупками. Разносчики газет продавали специальный выпуск.

Ничего не понимая, я читал заголовки на первой странице: «Чтобы убить брата, черный пересечет и экватор». – «Любовница жертвы обвиняет!» – «Полиция разыскивает Дэна».

Энн захлопнула дверь телефонной будки и очутилась на улице. Она чувствовала, как ее ноги коварно заплетаются при ходьбе; приходилось думать и о дрожащих руках, которые, как назло, привлекали всеобщее внимание.

Она прошла по улице быстрым шагом и свернула налево. Еще один квартал, уже видно кафе, где Шейла назначила ей свидание.

Она вошла, села; здесь она могла себе это позволить, не привлекая внимания.

Она слышала, как разносчики газет выкрикивали заголовки специального выпуска. Журналисты времени не теряли. Полиция тоже.

Дверь открылась, и появилась красивая блондинка. На ней была голубая фетровая шляпа, которую она описала по телефону. Быстро оглянувшись, она подошла к Энн.

– Вы госпожа Паркер? – спросила Энн.

– Да, – ответила Шейла.

– Я вам хочу кое-что рассказать. Мы можем поговорить здесь?

– Почему бы нет, – отрезала Шейла.

– Это трудно объяснить.

Шейла посмотрела на нее и взялась за сумку. Лицо молодой мулатки еще больше потемнело.

– Мне деньги не нужны. Они были нужны Ричарду.

– Ричард. Ах да. Этот нелепый анекдот. Так называемый брат Дэна.

– Это не анекдот, – сказала Энн. – Уезжайте, а то будет слишком поздно. Не показывайтесь на улице. Дэн убьет и вас.

– Вы говорите глупости, – прошептала Шейла.

– Я видела, как Дэн убивал своего брата, – сказала Энн. – В Дэне черная кровь. Он негр. Он боялся, что Ричард вам скажет об этом. Он убил Ричарда, чтобы больше не бояться. Но я видела, как он выходил из комнаты. Ричард был моим парнем.

Она отвечивала эти фразы – угрюмые ошметки, а Шейла смотрела на нее широко открытыми от страха и недоверия глазами.

– Это чушь, – сказала она. – Речь идет о ком-то другом. Дэн не негр.

– Негр, – сказала Энн. – В нем на четверть негритянской крови. Четверть, как минимум.

– Это все чушь, – повторила Шейла. – Было бы видно.

– Вы отлично знаете, что это не видно, – сказала Энн.

– Но Дэн не мог убить человека, – сказала Шейла, – тем более своего брата.

– Забивать людей – это его работа, – с горечью сказала Энн, – он даже ничего не чувствует при этом. А мой парень мертв. Но я за него отомщу. – Она вскочила, ее возбуждение достигло предела.

– Вы мне рассказываете какие-то анекдоты. Даже на правду не похоже.

– Купите газету, – сказала Энн. – Там все написано. Полиция уже проверила факты.

– Дэн арестован? – Шейла внезапно побледнела.

– Должно быть, сейчас они этим и занимаются.

– Почему они его не арестовали до того, как все это появилось в газетах?

– Хозяин, у которого он работает, наверняка заплатил легавым, – сказала Энн. – Они такие скандалы не любят. Они ждут, когда он проявится.

Дэн кинул продавцу газет пятицентовую монету и вырвал у него из рук страницу. Фотография Энн и сама история. Его фотографии не было. Повезло.

Он посмотрел направо. Налево. Безобидные прохожие. Медленно подъезжающее такси. Он подождал, когда машина будет совсем рядом, махнул рукой и в считанные мгновения забрался внутрь. Через заднее стекло он увидел двух мужчин, которые вышли на дорогу и посмотрели в его сторону. Он поторопил шофера:

– Быстрее.

– А куда? – спросил шофер.

– Поверни здесь.

Таксист повернул, взревел мотор.

– Следующая направо, – сказал Дэн.

Он покопался в кармане и вытащил оттуда две долларовые бумажки.

– Давай. Притормозишь на повороте.

Таксист притормозил. Дэн открыл дверцу.

– Так прямо и продолжай. Жми вовсю.

Он выпрыгнул на тротуар прямо напротив входа в метро. Пересек улицу и юркнул внутрь.

Полицейская машина вывернула из-за угла, резко заскрежетав тормозами.

Дэн пожал плечами. Он не спеша вышел из метро и зашагал в противоположном направлении.

Хитрость заключалась в том, чтобы слишком тщательно не прятаться.

Нельзя было удаляться от Шейлы.

Он шел и размышлял.

Девчонка, у которой он побывал накануне. Она ему еще кофе варила. Она позволила ему остаться. Ничего не потребовав взамен. Она его не бросит.

Обычно она приходит к Нику около восьми часов вечера.

Он изменил направление. Проще всего к ней прямо и завалиться. Может быть, она дома.

Затерявшись в толпе, он быстро шел навстречу безразличным лицам и старался сосредоточиться на главном.

Улизнуть от легавых.

Но лучшее средство от них улизнуть – это, без сомнения, не думать о них вообще. Как если бы они вообще не существовали.

Мюриэл снимала в прихожей перчатки. Раздался короткий звонок, она вздрогнула. Развернулась на каблуках и подошла к двери. Сняла дверную цепочку и отодвинула засов.

Крадучись, Дэн быстро прошмыгнул внутрь и захлопнул лакированную дверь.

– Добрый день, – сказал он. – Задерживаешься.

– Ты меня ждал? – удивленно спросила она.

– Я был внизу, – прошептал Дэн. – С половины шестого.

– Послушай, ты что, думаешь, я целыми днями сижу дома и ничем не занята? – Голос у нее был злой.

– Мне нужно у тебя остаться, – холодно сказал Дэн.

– Дэн, ты с ума сошел... Ко мне приходит столько людей. Я не могу тебя здесь оставить.

– Вчера бы ты меня оставила.

Она грубо ответила:

– А ты бы, конечно, этим воспользовался.

– Это ты бы этим воспользовалась, – сказал он и схватил ее за руку.

Она побледнела:

– Не сжимай меня так, дубина. Ты хоть чувствуешь...

Она отбивалась и выкручивалась. На глазах у нее появились слезы.

– Дэн, ты даже сам не чувствуешь свою силу.

Он разжал руку и опустил голову.

– Послушай меня, Мюриэл. Меня разыскивает полиция.

– Что ты натворил?

– Убил. Своего брата. Почитай в газетах.

У Мюриэл отвисла челюсть.

– Так это ты?

Он молча кивнул.

– Послушай, Мюриэл, – внезапно заговорил он. – Это все не важно. Мне надо остаться у тебя. Я не могу выезжать из этого квартала.

– Почему?

– Из-за моей жены. Мне нужно остаться в этом районе.

Она пожала плечами.

– Послушай, Дэн. Ты хоть и милашка, но ты уйдешь отсюда, и если хочешь, я тебе... – Она замолчала и продолжила через несколько секунд: – Давай. Проваливай. Пошевеливайся. Я не хочу видеть легавых у себя дома. Я очень хорошо знаю, что такое тюряга.

Он смотрел на нее, ничего не понимая.

– Мюриэл... Мне надо остаться... Моя жена уедет...

– Оставь в покое свою жену. Ты ей уже сообщил, что ты негр?

Лицо Дэна напряглось. Он глубоко вздохнул.

– Не говори больше этого никогда, – сказал он. – Я тебе не советую.

Мюриэл попятилась. Дэн застыл в напряжении.

Она прыгнула к двери в свою комнату и захлопнула ее за собой. Он бросился вперед, но ключ уже повернулся в замке.

Дверь хрустнула. Было слышно, как она придвигает мебель с той стороны. Последовал сильный удар в дверь. Выстрел – и крохотная дырочка появилась на панели; отлетела щепка.

Дэн остановился. Посмотрел на дверь. Хорошая ссадина. За дверью раздался голос

Мюриэл:

– Проваливай. Проваливай, или я звоню в полицию.

Он услышал, как она снимает трубку.

Не оборачиваясь, он медленно попятился. Его руки нащупали дверную ручку. Он очутился на лестнице. Его губы тряслись. Из рта вырывались бессвязные звуки.

– Шейла... – сказал он наконец.

Он чуть не нажал на кнопку лифта, но одумался и пошел пешком. Он продолжал говорить сам с собой:

– Я должен ее увидеть. Я должен знать...

Он спустился по лестнице. Его походка становилась все увереннее по мере приближения к выходу. Быстро выглянув наружу, он удостоверился, что никто его не ждет, и незаметно вышел.

Он прошел несколько метров и начал обшаривать свои карманы. Подсчитал все деньги: оставалось приблизительно тридцать два доллара. Можно сказать, ничего.

Решительно развернувшись, он отправился назад и вновь зашел в подъезд, из которого только что вышел. Поднимаясь по лестнице, он судорожно хватался за перила, и они гнулись в его сильных руках. Дверь была по-прежнему открыта. Мюриэл все еще боялась выходить.

Он бесшумно вошел и сильно хлопнул входной дверью. К другой двери – в комнату – он подошел, затаив дыхание.

И стал ждать.

Шейла двигалась как во сне. Она заметила продавца газет, полезла в сумку за пятицентовой монетой и поняла, что сумка все это время оставалась открытой.

Она с ужасом рассматривала газетную страницу, липкую от типографской краски. Там была фотография девицы, с которой она только что виделась, а также описание убийства со всеми подробностями, какие только могут откопать репортеры, когда им хочется в этом копаться.

Она решила не возвращаться домой. Там ее наверняка поджидают.

Она обернулась. Мужчина, читающий на ходу газету, остановился.

Она подошла к нему.

– Вы из полиции, – сказала она.

Мужчина не стал отпираться. Он улыбнулся, полез в карман и вытащил свое удостоверение.

– Лейтенант Купер, – представился он. – Это было совсем не обременительно, – сказал он в качестве извинения.

Он казался немного смущенным из-за того, что его так быстро вычислили. Он был молод и даже приятен.

– Не похоже, что вы хотели смыться, – добавил он. – Это обычная процедура. Мы следили за негритоской.

– У меня дома полицейские? – спросила Шейла. – И не говорите нет. Я не хочу этого. Я не хочу возвращаться. У меня нет ни малейшего желания смываться, и мне... – Она запнулась. – Мне наплевать, что может случиться с Дэном, – решительно закончила она. – Я хочу позвонить домой. Можно?

Она одарила его улыбкой. Хорошенькая женщина, но довольно вульгарная. В бедрах немного широка. И конечно же, блондинка.

– Конечно, – сказал мужчина. – Я вас провожу.

Такого будет нетрудно обработать.

Он проводил ее до ближайшей кабины и остался снаружи, достаточно далеко, чтобы не слышать, о чем она будет говорить. Она улыбнулась, пожала плечами. Приоткрыла дверь.

– Идите сюда, – сказала она. – Мне скрывать нечего. Понятно? Если уж кто-то и вляпался в эту историю, то уж, конечно, не вы, а я.

Он остановился у кабины. Ему было неловко.

– Я только скажу няне отвести ребенка к моей матери, – сказала она. – А потом я, наверное, поеду с вами в полицию? Мне бы хотелось иметь адвоката. Я думаю, что мне смогут его предоставить. Я не собираюсь оставаться замужем за преступником.

Купер кивнул.

– Позвольте мне позвонить, – сказал он. – Они сейчас у вас дома. После моего звонка они выпустят няню. А еще я им скажу ничего не ломать и не уносить, – добавил он. – Так будет вернее.

Она уступила ему место и назвала номер.

– Благодарю вас, – проворковала она, стараясь выразить свою признательность.

Он покраснел, потому что она смотрела ему прямо в глаза. Она была хорошо одета, совсем не так, как все эти шлюхи, которых он обычно подбирал. Ее муж, убийца, был негром. Странная женщина. Не из-за нее ли все это произошло? Он дозвонился; всего несколько слов, и дело было улажено.

– А... – робко начал он.

– Что?

– А в прошлом за вашим мужем числятся преступления? Знаете ли вы что-нибудь о его противозаконных действиях до убийства своего брата?

– Нет, – сказала Шейла. – А что?

– А то, что с хорошим адвокатом он может выкрутиться, – сказал Купер. – Существует только заявление женщины и бармена. Само по себе этого было бы достаточно для того, чтобы посадить его на электрический стул... Но, если жертва пыталась его шантажировать... Все дело осложняется тем, что ваш муж сходит за настоящего белого.

– И что? – спросила Шейла.

– А то, что для нас это неудобная ситуация, – сказал Купер. – В общем-то никогда не знаешь, что может найти хороший адвокат. Я не знаю... Ну... Например, что его мать обманула отца, и то, что на самом деле он белый. Люди склонны считать, что для негров закон не писан. Людей нужно успокоить. Я хочу сказать, что здесь, в Нью-Йорке, это представляется несколько по-другому, здесь дискриминация меньше, но на Юге после этого поднимется такой хай...

– Я понимаю, – сказала Шейла.

– Так вот. Если вы знаете что-нибудь, за что его можно было бы приговорить, что-нибудь еще...

– Вы отдаете себе отчет в том, что у меня просите? – возмутилась Шейла.

– Вы сами сказали, что вам наплевать, что с ним может случиться, – сказал Купер.

– Ну да... – прошептала Шейла. – Но все-таки я прожила с ним пять лет. У нас ребенок. Внезапно она осознала, что происходит, и ошалело уставилась на Купера.

– Скажите... – сказала она. – Его арестуют? Его будут судить и казнят?

– Я не знаю, – растерялся Купер.

– Боже! – очнулась Шейла. – Боже милосердный.

Мюриэл беспокойно прислушивалась. В полицию она так и не позвонила, только сняла и положила трубку. С сомнением посмотрела на маленький револьвер, которым только что воспользовалась: даже с такой штукой в руке чувствовала она себя не очень-то уверенно.

Громко хлопнула дверь. Потом все стихло. Дэн, наверное, смылся. Ему здесь делать нечего. Странно. Как подумаешь о том, что она позволяла ласкать себя, а на следующий день он убил своего брата... Она постаралась не вспоминать, что именно он проделывал с ней в тот день. Она уже не могла сказать, приятно это было или нет.

Дэн, наверное, уже ушел. Ей хотелось в этом убедиться.

Она сняла телефонную трубку, бесшумно положила ее обратно и набрала номер полиции. Потом заговорила, будто ей кто-то отвечал. Она дала адрес и подробности. Сказала «спасибо», снова встряхнула телефон.

Дверь хрустнула и сразу же открылась. Баррикада, наивно сложенная из стола и двух стульев, рухнула. Мюриэл не успела навести револьвер на Дэна. Он уже подмял ее под себя и зажал рот жесткой, холодной рукой. Она закрыла глаза и даже не пыталась сопротивляться.

– Молчи, – прошептал он ровным голосом. – Молчи, или я тебя удавлю. Я уберу руку с твоего рта, но если ты сделаешь хоть малейшее движение, я тебя удавлю. Много времени это не займет, я тебе гарантирую.

Она почувствовала, как его хватка ослабела. У нее болели губы, зубы, а на шее наверняка был синяк. Страх чуть отпустил ее. Может быть, он хотел ее убить.

– Где твои деньги? – прошептал он.

– У меня здесь ничего нет... – очень спокойно сказала Мюриэл. – Почти ничего... – быстро добавила она, увидев, как изменилось выражение его лица.

– Где твои деньги? – повторил он.

– У меня только пятьдесят долларов, – сказала она.

– Ты мне байки не рассказывай, – сказал Дэн.

Он говорил все так же ровно, равнодушно.

– Я клянусь тебе, Дэн...

– Где твоя сумка?

– Это не в сумке, Дэн. В сумке у меня всего десять-двенадцать долларов. – Она заплакала. – Дэн, у меня почти нет денег. Что же я могу сделать?

– Дай мне эти деньги. И поторопись.

Она поднялась, зашаталась и сделала движение, чтобы подобрать револьвер. Дэн сжал кулак, удар пришелся на правую грудь. Он вскочил и рукой заткнул ей рот, она даже не успела закричать. Он ее почти сразу же отпустил. Во рту она чувствовала привкус крови. На накрашенные глаза навернулись слезы.

– Поторопись, – повторил Дэн.

Она даже не пошевелилась, она не могла этого сделать. Она чувствовала, как беспомощно провисают ее мышцы, как ее тело почему-то становится рыхлым, инертным, теряет реакцию и способность к защите.

Одним рывком Дэн сорвал верх ее платья и начал ее раздевать. Она пыталась сдержать его руки.

– Сама знаешь, как это бывает приятно, когда некоторые местечки прижигают сигаретой, – сказал он.

– Дэн, я тебя умоляю!

Он отпустил ее.

– Дай мне эти деньги. Я больше повторять не буду.

Она покорно подошла к комоду и открыла первый ящик. Дэн проводил ее взглядом. Она покопалась в шелковом белье и протянула Дэну пачку денег. Не говоря ни слова, он положил деньги в карман.

– А в полицию ты не звонила, – сказал он внезапно. – Иначе они были бы уже здесь.

– Нет.

– Я так и знал, – сказал он. – Я все слышал – ломать комедию ты не умеешь.

Она снова заплакала:

– Дэн... Я... Мне было так хорошо вчера... Мне больно, ты меня так сильно ударил. У меня наверняка от этого что-нибудь будет...

– Сколько здесь? – не двигаясь, спросил Дэн.

– Двести долларов. Это все, что у меня есть. Я тебе клянусь. – Она держалась руками за грудь и рыдала. – Оставь меня, Дэн. Уходи. Я больше ничего не могу сделать. Ты и так забрал все мои деньги.

– Тебе было так хорошо вчера... – сказал Дэн и покачал головой. – Мне тоже, – сказал он. – Было бы хорошо, если бы все было как вчера. Вчера бы ты согласилась, если бы я попросил разрешения остаться. Если бы я был честным человеком, – продолжал он, – я бы тебе сегодня устроил то же самое, что и вчера. И выдал бы тебе сполна на твои двести долларов. Но мне просто не хочется. Вчера мне нужно было посмотреть. И только. Вчерашний вечер мне ничего не дал.

– Замолчи, Дэн. Ты – скотина.

Он покачал головой. Покачал несколько удивленно.

– Вы все говорите это. Ты. Клиенты Ника. Газеты. А я честно делаю свою работу. Не моя вина, если мой брат этого не сделал. Не моя вина, если ты этого тоже не сделала. Вчера ты должна была добиться, чтобы тебе заплатили. Чтобы я не думал, что могу у тебя что-нибудь попросить. Мне нужны эти деньги. Если бы я мог остаться у тебя и знать, что делает Шейла... Но ты не захотела. Я вынужден делать то, что делаю. Я бы тебя сейчас ублажил, если бы одно и то же могло повториться дважды.

Мюриэл смотрела на него с ужасом, напуганная его низким монотонным голосом.

– Они будут меня спрашивать, как я стал белым, – продолжал он. – Они будут меня допрашивать. Бить меня по морде. Мешать с грязью. Что в это время будет делать Шейла? Ты же понимаешь, что я не могу ее оставить без присмотра... – Он отвел глаза в сторону. – Ты не должна звонить в полицию после моего ухода. Ты подождешь, как минимум, два часа.

Она попыталась выдержать его взгляд, но не смогла. Она отвернулась.

Мюриэл взглянула на него снова и опешила. Увидев занесенную для удара руку, она резко закричала. Набухший венами кулак Дэна попал ей в подбородок. Ее буквально оторвало от пола. Тело упало на кровать. Кровать жалобно скрипнула.

Дэн посмотрел на свой кулак. Один из суставов быстро опухал. С удивлением посмотрел на Мюриэл. Казалось, что она спит. Она не шевелилась; шея была изогнута под таким углом, что невольно хотелось уложить ее поудобнее.

Он прислушался. На лестнице было тихо. На крик Мюриэл никто не обратил внимания.

Он склонился над ней, положил тяжелую руку на блестящую ткань лифчика. Мюриэл была мертва.

– Я не хотел, – прошептал Дэн. – Я только хотел, чтобы ты молчала, пока я буду уходить.

Он оглядел неподвижное тело. Красивая. Слишком красивая для обыкновенной шлюхи.

Он повернулся, его взгляд зацепил сумочку на комод. Двенадцать долларов и какая-то

мелочь. Он их тоже прихватил и вышел, тщательно затворив обе двери. Он закрыл входную дверь на ключ и положил его в карман.

– Дела его неважные, – сказал Купер. – Вот последние сведения, которые мы о нем получили. Он убил женщину, одну из проституток, посещавших заведение, где он работал. Забрав ее деньги, он убил ее, возможно, чтобы изнасиловать, судя по положению тела и некоторым следам, обнаруженным на трупе. Врачи это сейчас выясняют. Затем он доехал на такси до Бруклина, и там его след затерялся. Вот уже три дня, как мы его разыскиваем, но так и не знаем, что с ним стало.

– Я не могу всю жизнь сидеть в гостинице, – сказала Шейла. – И после того, что произошло, не могу даже подумать о том, что надо возвращаться домой. Хотите еще виски?

Он налил себе еще, а Шейла закурила.

– Я хочу жить, – сказала она. – Я очень любила Дэна. Но это уже не тот Дэн, которого я любила. Мне непонятно, как он мог совершить эти ужасные преступления.

– В нем течет негритянская кровь, – сказал Купер. – Все-таки это многое объясняет.

– Даже сейчас я не могу в это поверить, – сказала Шейла. – Вначале, когда мне об этом сказали, я была так ошарашена, что поверила. Да и злость как-то подстегивала. Но сейчас, когда я снова об этом думаю, я не могу в это поверить.

– И все же, – сказал Купер. – Факты в следственном деле неопровержимы.

– Я совсем запуталась, – сказала Шейла. – Не знаю, что делать, кому довериться. И несмотря на все, продолжаю вспоминать о том Дэне, которого знала раньше.

Купер махнул рукой.

– Бросьте, – сказал он. – Переверните страницу. Все уже в прошлом. Вы же не можете всю жизнь за это цепляться.

– Я знаю, – сказала Шейла. – Вы понимаете. Такое чувство, как будто мы действовали вдвоем.

Она остановилась.

– Мне очень трудно, – подытожила она. – И больно, и обидно.

– Пройдет время, – сказал Купер.

– Не знаю, – сказала Шейла. – Надеюсь.

Он встал.

– Вчера все было ужасно, – сказала она. – Я бы хотела, чтобы эта история поскорее закончилась. А журналисты действительно необходимы?

– Похоже на то, – сказал Купер и надолго замолчал, как будто хотел что-то добавить, но испугался. – Могу ли я пригласить вас куда-нибудь вечером? – спросил он наконец.

– Слишком любезно с вашей стороны, – сказала она, неопределенно улыбаясь.

– Да нет, – сказал он серьезно. – Мне это доставит огромное удовольствие.

Она вздохнула:

– Забавно... Я никогда не представляла себе таких полицейских, как вы.

– Я это расцениваю как комплимент, – сказал Купер и снова покраснел. – Простите, но я должен идти. Я на службе.

– Позвоните мне, – сказала она.

Дэн ждал. Вот уже три дня он не выходил из тесной, грязной комнаты, которую хозяин гостиницы, мулат, сдавал ему из расчета тридцать долларов в день.

Этот адрес он тоже получил за время работы у Ника – исповедовав алкоголика. Кровать была жесткая и скрипучая; имелись и тараканы в узком чуланчике, который хозяин называл туалетом.

На кровати, на стуле – везде валялись груды газет.

Дэн ждал хозяина. Он внимательно вслушивался в окружающие звуки, прилипая носом к стеклу единственного окошка, через которое можно было присматривать за улицей.

Пот стекал по его лбу. Воротничок рубашки был грязен, а на плохо выбритом лице темнели впадины щек.

Он явился только в пять. Я увидел его в окно. Он был один. Надоело мне сидеть взаперти у этого мерзкого недоноска. На лестнице послышался шум его шагов, потом он вошел в свою комнату на втором этаже.

Я подумал о Шейле. Мне так нужна Шейла. О чем же еще думать.

Я ухмыльнулся, вспомнив ту ночь, когда пролежал рядом с ней, так ничего и не сделав, другую, когда это чуть не повторилось снова.

А произошло все из-за Ричарда. Вся жизнь из-за него перевернулась.

Я услышал, как ниже этажом хозяин ругается со своей женой. Говорил он, а она его время от времени прерывала, иногда довольно резко, голос у нее был низкий и глубокий. Она тоже метиска, только еще темнее муженька. Когда я о ней думал, то еще больше хотел Шейлу.

Я был доволен тем, что убил Ричарда, но приходилось быть осторожным и выжидать, пока все это утихнет. Я должен скрываться во что бы то ни стало, пока все немного не уляжется, а потом найти Шейлу и уехать с ней за границу. Я мог бы уехать сначала один, написать оттуда, и она бы приехала, но так долго я ждать не мог. Завтра я должен съезжать из гостиницы, а у меня оставалось меньше сотни долларов. Остальные придется искать где-то еще.

Внизу скрипнула дверь, что-то сказала женщина. Ее голос раздался на лестнице. Тяжелыми шагами она поднималась вверх.

Она шла ко мне. Открыла дверь без стука.

– Здесь кое-что в газете, – сказала она, показывая ее издали. – Вы должны уехать.

– Почему же вы не известили полицию?

В ее глазах промелькнуло беспокойство.

– Вам надо уехать, – повторила она. – Мы ничего не говорили, потому что они все как с цепи сорвались, чтобы вас затравить. Даже если вы плохой человек, мы должны были это сделать – как для одного из наших братьев. Но теперь – всё.

– Почему? – спросил я. – Вы боитесь, что я не остановлюсь на этом?

– Мы не боимся, – сказала она. – Но вы должны уйти.

– Я заплатил вам до завтра.

– Это совсем другое дело, – сказала она. – Некоторые говорят, что ваш брат вам угрожал, но женщина, которую вы убили, вам не угрожала, а вы ее убили, изнасиловали и забрали у нее деньги.

Я рассмеялся. Убил и изнасиловал. Ну разумеется, я же черномазый.

– Послушайте, – сказал я. – Вы хорошо знаете, что пишут о неграх в этой стране. Я ее не убивал. Я ее ударил кулаком, чтобы она заткнулась.

Она испуганно посмотрела на меня.

– Я здесь уже три дня, – сказал я. – Если был бы хоть малейший риск, вас бы вычислили три дня назад.

– Они начали искать как следует, – сказала она.

Я нервничал. Она говорила равнодушным тоном, словно все, что я мог ей сказать, не имело никакого значения. Одна болтовня.

– Ну ладно, – сказал я. – Я уйду завтра вечером, как было условлено. Ну и, конечно же, я вам советую ничего не придумывать.

Я, наверно, заговорил слишком громко, так как на лестнице раздались шаги ее мужа.

– Вы, несомненно, находите, что тридцати долларов в день недостаточно для этой отвратительной комнаты, – продолжал я.

– Дело не в комнате, – прошептала она. – Мы рискуем вашей жизнью и нашей свободой. Мой муж не хотел, чтобы вы здесь оставались.

Он вошел как раз в этот момент. Его глаза забегали по комнате, а сам он спрятался за спиной у жены.

– Покажите мне эту газету, – сказал я.

– Послушайте меня, старина, – начал он. – Мы сделали все, что могли. Но они начинают прочесывать квартал за кварталом, и все это становится небезопасно, совсем небезопасно. Послушайте, старина, вы должны выехать из нашей гостиницы.

Я подошел к ним. Она не двигалась, зато он отступил немного назад.

– Я бы хотел взглянуть на эту газету, – сказал я. – Немедленно. Она мне нужна немедленно. В этой газете должны написать и о моей жене.

Хозяин сделал шаг вперед, вырвал газету из рук своей жены и бросился к двери.

– Уходите, и все газеты будут ваши. Послушайте, старина, я вам даже верну деньги за завтрашний день.

Я рассчитал свой прыжок. Он не догадывался о моей реакции, рванул было, но я поймал его и затащил обратно в комнату. Ногой я захлопнул дверь.

– Дай мне газету.

Его жена не шевелилась. Она смотрела на меня с неподдельным испугом.

– Дай сюда, – повторил я, глядя на нее.

Она подобрала газету и протянула ее мне. Я засунул ее в карман.

– Возьми шнур от занавесок.

Она молча повиновалась и сорвала тонкий плетеный шнур. Мужчина не двигался. Он умирал от страха. Я поднес сжатый кулак к его лицу.

– Посмотри, – сказал я. – Вот что они называют убийством.

Его подбородок слегка хрустнул, и он обмяк у меня в руках. Ударил я не сильно. В этот раз уж точно. Его сердце билось ровно.

– Не бойся, – сказал я женщине.

– А я и не боюсь, – ответила она. – Я сделала то, что должна была сделать.

Я связал руки мужчине и засунул его под кровать.

– Я уйду, – сказал я. – Только вот прочту эту газету.

Теперь я был спокоен – такое ощущение, будто витаешь где-то далеко-далеко отсюда. Я уверенно развернул газету. Отчет о допросах. Все меня представляли как опасного сумасшедшего. О том, что я негр, особенно не распространялись.

А потом писали о Шейле. Она доверила защиту своих интересов адвокату и подала документы на развод.

Я перечитал этот абзац два раза. О ней они почти ничего не писали. Не было даже ее фотографии. Кто-то не пропускал статьи в печать.

Я довольно долго размышлял. Женщина не шевелилась. Ее муж лежал под кроватью без движения.

Она приблизилась ко мне:

– Не хотите ли поесть перед уходом?

Шейла. Две ночи. Энн, Салли, Розы. Уже четыре дня, как я не притрагивался к женщине. Я вспомнил тело Мюриэл и ее нейлоновую комбинацию.

– Нет, – сказал я. – Я не смогу.

Она заметила, как я на нее смотрел, но ничего не сказала. Она так и стояла на прежнем месте. Ее грудь бурно вздымалась.

Я, не раздеваясь, поймал ее на железной кровати. Она даже пальцем не пошевелила, чтобы

мне помешать. Мною двигало странное желание, мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она вышла из своего оцепенения. Ее тело медленно шевелилось подо мною, а руки скользили по моему беспокойному, напряженному телу. Ее размякший и нагретый орган бил как горячий ключ. Потом она прижала меня к себе, – казалось, она хотела, чтобы ее плоть приросла к моей. И по-звериному жалобно заскулила, бессмысленно и почти беззвучно.

Я долго лежал рядом с ней, и она ни разу не пошевелилась, чтобы высвободиться. Высоко задрав платье, я машинально ласкал рукой ее упругий оголенный живот. Потом я услышал, как ее муж застонал и заворочался под кроватью. Я встал. Привел свою одежду в порядок и посмотрел, хорошо ли держались веревки. Вроде бы нормально. Поднялась и женщина.

– Теперь вам нужно уходить, – сказала она. – Вы должны уйти.

– Послушай, – сказал я. – Куда же я уйду?

– Вы нашли это место, – прошептала она. – Сможете найти и другое...

– Они меня разыскивают, – сказал я. – Они меня разыскивают по всему городу. Я шагу не могу сделать без того, чтобы меня не узнали.

– Я не могу вас оставить, – сказала она низким голосом.

Мужчина копошился под кроватью. Я наклонился и вытащил его, одинокого, из его темницы.

– Куда бы его деть? – спросил я.

Она молча посмотрела на меня, выражение моего лица было достаточно убедительным – ей этого хватило, поскольку она развернулась, открыла дверь и повела меня вперед. Мы спустились на второй этаж. Там никого не было. В доме стояла тишина.

Она ввела меня в маленькую комнату, открыла еще одну дверь и кивнула. Это была довольно грязная кухонька с большой раковиной, под которой находился встроенный шкаф; он был забит всякой дрянью: старыми щетками, консервными банками, тряпками.

Из тряпки я изготовил кляп, который воткнул не очень сильно, и запихал муженька в шкаф. Убедившись, что через щели могло проходить достаточно воздуха, я закрыл дверцы.

В шкафу началась какая-то возня. Наверно, устраивался поудобнее.

Жена вновь застыла посреди кухни.

– Эй, – позвал я ее. – Ты меня слышишь?

Она кивнула.

– Ты пойдешь сейчас, куда я тебе скажу. Ты спросишь, по-прежнему ли там находится госпожа Паркер. Шейла Паркер. Это моя жена.

Она снова кивнула.

– Если ее там уже нет, ты постарайся узнать, где она и где ребенок.

– Это ваш сын? – спросила она.

Теперь уже я молча кивнул и почувствовал, как огромный ком набухает у меня в горле. Пауза.

– Потом я уйду, – сказал я. – Но... Я хочу это знать.

Я дал ей адрес и сообщил несколько подробностей.

Она бесшумно вышла из комнаты, и я услышал, как она закрывает вторую дверь. Я огляделся. Мне удалось откопать кусок мыла и бритву. Я быстро привел себя в порядок перед крохотным зеркалом. В морозилке нашел какие-то продукты.

Я зверски хотел жрать.

Когда женщина вернулась, уже совсем стемнело. Я устроился в ее комнате и время от времени ходил проверять, не слишком ли заскучал в шкафу мой клиент.

Когда она пришла, я ощутил почти что радость; радость и в то же время сильную тревогу, так как боялся услышать то, что она мне сейчас скажет.

Она вошла. Я слышал ее шаги в другой комнате, потом на кухне, затем она вернулась в спальню. Она совсем не удивилась, увидев, как я там освоился.

– Она съехала, – сказала она. – Она в гостинице «Уэлкам»... Не очень далеко. А ребенок у бабушки. С ней все в порядке. Она рассчитывает скоро вернуться домой, дня через два-три... Не позже. Может быть, даже раньше.

– Ты с ней разговаривала? – спросил я.

– Прислуга в гостинице мне все рассказала.

– А откуда они знают?

Она печально улыбнулась:

– У них есть уши. Она обо всем этом говорила с одним из легавых. Его зовут Купер. Он вокруг нее так и крутится. Над ним вся гостиница смеется. Он краснеет, как девица. Совсем маленькая гостиница.

– А пасут ее сильно?

– Там несколько легавых. Не так чтобы много. Это в газетах дело кажется скандальным. На самом-то деле – убили одного черномазого и одну шлюху, а такие вещи ни полицию, ни людей особенно не беспокоят. Эта история с убийством и изнасилованием хорошо прокатилась в газетах. Она хорошо прокатит и в суде. Но особенно переживать никто не будет.

– Почему ты заговорила о суде? – внезапно спросил я.

– Вы еще наделаете глупостей из-за этой женщины. У вас было время уехать, скрыться, но вы позволили им раскинуть сети. Теперь они будут ждать, когда вы туда сами броситесь.

Я усмехнулся.

– Пускай надеются увидеть меня на суде, – сказал я. – Надежда – дело хорошее.

Она стала не спеша раздеваться.

– Ты чего это? – спросил я.

– Я ложусь спать, – сказала она, выпрямляясь. – Вам, наверное, будет неспокойно, если я уйду спать в другую комнату. Я не собираюсь вас закладывать, я вас опасным не считаю.

Она прошла мимо меня и растянулась на кровати.

– Ты можешь лечь под одеяло, – сказал я, – я больше не хочу.

Она ничего не ответила и юркнула под одеяло. Я зашторил окно и закурил. Внезапно мне стала так противна эта комната. И этот запах. Я сдержался, чтобы не блевануть. Необходимо было что-нибудь выпить.

Я прошел во вторую комнату и там нашел в шкафу дешевенький ром.

Там оставалось с полбутылки. Как раз чтобы уснуть.

Я закрыл дверь, ведущую на лестницу, и положил ключ в карман.

Многое бы я сейчас отдал за хороший револьвер.

С бутылкой я вернулся в комнату. Сел на стул около стола и стал пить. Какая гадость.

У меня оставался еще один шанс увидеть Шейлу. В ее гостинице. До того, как она уедет. Я встал. Сходил проверить шкаф. Возвращаясь, прошел мимо окна и отодвинул занавеску, чтобы взглянуть на улицу. За угол свернула какая-то машина. Я увидел ее на долю секунды. Это была полиция.

Вышел ли кто-нибудь из этой машины? Если да, то они должны сейчас стоять перед гостиницей. Я прижался лицом к стеклу.

И услышал внизу стук в дверь, потом звонок. Мне понадобилась лишь доля секунды, чтобы добраться до лестницы. Дверь за собой я закрыл на два оборота, ключ положил в карман. Через минуту я был уже на последнем этаже... На чердаке я нашел окошко и вылез на крышу. Нельзя было терять ни секунды. Они, конечно же, решили взять меня прямо в моей комнате.

При хорошей скорости, если, конечно, удастся выпутаться, у меня будет время заскочить к Шейле.

Я карабкался по крыше к соседнему дому, он возвышался надо мною на четыре этажа, как минимум. Я продвигался как можно быстрее, но скат крыши был слишком крутым.

Услышав внизу какой-то шум, я крепко стиснул зубы. Главное – спокойствие. Вот и внутренний двор гостиницы, вот стена соседнего дома.

Уцепиться не за что.

Я вернулся на крышу, выходящую к улице. Потихоньку заглянул вниз.

У дверей стояло четыре человека. Полицейские. Я узнал их фуражки. Эти долго смотреть не будут.

У меня был выбор между водосточной трубой и лестницей, приваренной к стене. Лестница была в таком плохом состоянии, что я даже думать об этом не решался.

Но по трубе подниматься было и вовсе невозможно. Я подошел к лестнице и схватился за первую подковообразную перекладину. Она насквозь проржавела и не выдержала моей тяжести.

Но выход все-таки был. Я воспользовался освободившимся пространством и пролез внутрь между стеной и скобами. Теперь я мог подниматься спиной к стене. Но вместе с тем я оказался пленником за решеткой перекладин. Я начал как можно быстрее карабкаться по этой решетке вверх.

В это время они, наверное, уже высаживали двери гостиницы.

Одиннадцатая перекладина, в свою очередь, чуть не оторвалась от лестницы; мне удалось зацепиться локтями и коленями.

Последнее усилие, и я дотянулся до карниза соседнего здания. Я остановился, чтобы передохнуть. В этот момент что-то с силой ударило совсем рядом, и каменные осколки оцарапали мне руку.

Ждать я не стал и как можно быстрее рванул вперед по крыше. Скат был очень крутой, но мне удавалось держаться на ногах. И даже бежать – да, бежать по серой кровле. Я не смотрел по сторонам. Мои глаза были устремлены к следующей крыше. Я должен был оторваться от них, оторваться как можно скорее.

Следующее здание было такой же высоты, как и то, на котором я находился. Я продолжал бежать – нелепый, неловкий бег, при котором мое тело страшно выворачивалось, чтобы сохранять равновесие.

Четвертое было на два метра ниже, зато его скат – еще круче. Пришлось притормозить на краю пропасти. Я развернулся. Цепляясь руками за карниз, обдирая ноги о стену, я прыгнул и тяжело шлепнулся на конек крыши. На четвереньках подобрался к трубе и заметил довольно большое стеклянное окошко.

Прилипнув к крыше, как пиявка, я подполз к окну и жадно заглянул внутрь.

Никого.

Обернув правую руку краем рукава, я одним ударом высадил стекло. Не теряя времени, расчистил проход и проник внутрь.

В шкафу висела одежда. Я быстро схватил серую куртку и скинул свою голубую, не забыв достать все из карманов. Серая была мне почти впору. Заодно я поменял и шляпу. Дверь была

закрыта изнутри. Я повернул задвижку, она открылась, я вышел.

На площадке никого. Снизу доносился какой-то шум. Я прислушался, и тут до меня дошло, почему все высыпали на улицу – поглазеть, как охотятся на человека – на меня.

Я тихонько спустился. Никто не обратил на меня внимания, когда я вышел на улицу и смешался с толпой. Я отошел немного в сторону от толпы и свернул на следующую улицу.

В кармане куртки лежали сигареты. Я закурил, чтобы выглядеть естественнее.

Им хватит что прочесывать на всю ночь.

Времени – больше чем достаточно, чтобы заскочить к Шейле.

У меня болели мышцы, ломило поясницу, но я чувствовал себя свободным как никогда.

Я вспомнил, с каким звуком пуля ударила в стену рядом с моей рукой. Я поднес руку к глазам. Маленькая царапина и немного засохшей крови. Я пососал маленькую ранку и внезапно подумал о том, что мне нужен револьвер.

Денег как раз хватило бы на один. Подержанный. У какого-нибудь ростовщика.

Я знал одного, совсем рядом. И от места, где сейчас жила Шейла, тоже недалеко. Старый дядька с набитой мошной.

Я все-таки побоялся ехать на метро. На такси было меньше риска.

Я остановил первое же такси и назвал адрес. Настоящий. Точный. Теперь-то уж что церемониться. Церемониться нужно, когда есть настоящая опасность. Серьезная. Таксист – это не серьезно.

Я вышел, заплатил и увидел, что лавка закрыта. Подумаешь. Старик жил в этом же доме. Делов-то – зайти с черного хода.

Я вошел в дом и позвонил в дверь. Он тут же прибежал и приоткрыл дверь, чтобы выглянуть наружу. Дверная цепочка была достаточно длинной, и я просунул ногу в открывшуюся щель. Одновременно я притянул его за отвороты поношенного пиджака и угрожающе вынул какой-то предмет из кармана:

– Открой, или я тебе шкуру подпалю! Живо! Не бойся, не обижу.

Его руки зашарили в поисках засова. Я слышал его сдавленное дыхание. Я вошел.

– Привет, – сказал я, отпуская его. – Вы меня узнаете?

– Так... Ведь... – прошептал он, еще больше испугавшись.

– Да, это Дэн, – сказал я. – Я хотел у вас купить револьвер с патронами.

– У вас... У вас ведь один уже есть, – прошептал он.

– Ничего подобного, – сказал я.

Я протянул ему ключ, который держал в руке.

– Возьмите его, – сказал я. – На память. И пошевеливайтесь.

Он, кажется, немного успокоился, и я прошел за ним в лавку.

– Но... М-м-м... – возразил он. – Они меня посадят, если я вам продам револьвер...

– Ничего, все будет как надо, – пообещал я. – Мы здесь маленький спектакль разыграем. Давай. Быстренько.

Он открыл ящик под прилавком. Там лежали револьверы разных моделей. Я выбрал крупнокалиберный и вынул из него обойму. Пусто.

– Патроны, – сказал я.

Он протянул мне маленькую коробочку с патронами, я зарядил полную обойму. Оставшиеся патроны положил в карман. Для кармана револьвер был тяжеловат. Я уже собирался заткнуть его за пояс, но передумал и небрежно вскинул на старика.

– Может быть, у тебя найдется немного денег? – спросил я.

Он ничего не ответил и поднял руки вверх. Рот у него затрясся, как у кролика.

– Да ладно, – сказал я. – Опустите руки. Здесь все свои. Ты же знаешь, что убиваю я голыми

руками.

Он опустил руки и полез в карман, вытащил оттуда старый раздутый бумажник и протянул его мне.

– Только деньги, – сказал я. – Документы не нужны.

Он заплакал. Денег и вправду было много.

– Дневная выручка? – поинтересовался я. – Торговля процветает. Покупают столько же, сколько и закладывают, а ты свое снимаешь и там, и там.

Я прибрал денежки и опустил их в карман куртки.

– Может быть, у тебя нашелся бы и костюмчик на мой рост? Такой, чтобы даме понравился.

Не говоря ни слова, он прошел в глубь лавки и указал на одежду, висящую на крючках. Я взял коричневый костюм в белую полоску, не очень бросающийся в глаза и совсем не похожий на то, что я обычно ношу.

Я подобрался к нему сзади и легонечко стукнул его рукояткой тридцать восьмого калибра по затылку. Он повалился на пол.

Я неторопливо переоделся и прошел в подсобку, где привел себя в порядок, после чего почувствовал себя намного лучше.

Я вернулся в лавку и, увидев телефон, вздохнул с сожалением. Чего проще – назначить Шейле встречу на вокзале, да и уехать с ней. А?!

Но вспомнилась газетная статья. Документы на развод. Это не вычеркнешь. А кроме того, гостиничный телефон наверняка время от времени прослушивается.

Я вздохнул. Старик по-прежнему лежал на полу. С каждым разом меня это трогало все меньше и меньше. Два дня подряд я их убивал, пять лет подряд я их избивал, а разницы почти никакой.

Этот, впрочем, был еще живой. Чтобы подстраховаться, достаточно было поджечь лавку. К тому же это отвлечет внимание от гостиницы, куда я направлялся. И пусть пожарники и легавые лишний раз потренируются.

Я нашел бензин. Ничего удивительного. В этой лавке было все. Я собрал всякую старую дрянь, которая могла хорошо гореть, и сгреб в кучу посреди комнаты. Придвинул туда мебель, свалил одежду, бумаги, деревяшки, колеса, черт знает что еще и облил все бензином.

Я кинул спичку. Вначале мне показалось, что она потухла, но потом внезапно раздалось сильное «пш-ш», и мне полыхнуло в лицо. Я живенько отступил в подсобку, затем в коридор и бесшумно вышел. Огонь уже яростно гудел и трещал. Я вышел из дома и, не оборачиваясь, пошел по улице.

К гостинице я подошел как раз в тот миг, когда улицу с адским грохотом пересекали большие пожарные машины. Внезапно я почувствовал себя совершенно вымотанным, так же внезапно это и прошло. В дверях и окнах показались люди, любопытные уже подтягивались к месту пожара. Как быстро сработала тревога.

Гостиница была предназначена скорее для проживающих, чем для приезжих. Не очень большая. По-видимому, комфортабельная. Два официанта появились на пороге, не обратив на меня никакого внимания. На первом этаже находился ресторан. Я толкнул застекленную дверь-вертушку, бедро и живот постоянно ощущали твердые очертания железного друга.

Я быстро прошел в туалет и, поднявшись по лестнице, свернул в коридор, который, судя по всему, вел в холл.

Я достаточно хорошо знал обычную планировку баров, кафе и других публичных мест и вряд ли мог ошибиться.

Лифтер зевал перед дверью лифта. Я протянул ему десятидолларовую бумажку.

– Подвези-ка меня быстро к госпоже Паркер и спустись вниз за цветами, – сказал я ему. – И

пошевеливайся.

Он мгновенно заграбастал бумажку и засуетился с дверьми. На меня он едва посмотрел.

– Блондинка? – уточнил он.

– Точно так, – сказал я. – Я ее двоюродный брат.

Он ухмыльнулся.

Старик еще дышал. Правый бок страшно обгорел; почерневшая одежда приклеилась к кровоточащему мясу. Правая рука держалась как будто сама по себе, изо рта вылетали бессвязные слова.

Двое мужчин осторожно приподняли его и понесли, перешагивая через обуглившиеся обломки, залитые водой и еще дымящиеся. Огонь уничтожил верхние этажи здания, и гудение насосов соперничало с гудением пламени. Они осторожно занесли его в машину «скорой помощи». Старик вцепился в рукав одного из санитаров.

– Полиция... – прошептал он. – Полиция...

– Да-да, – сказал санитар. – Успокойтесь. Сейчас все сделаем.

Глаза с почерневшими ресницами внезапно приоткрылись и уставились на него. Санитар отвернулся, чтобы не видеть лопнувших, кровоточащих век и гримасы страдания на лице старика.

– Дэн... – простонал он. – Дэн Паркер... Это он... Огонь...

Санитар его чуть не выронил.

– Подожди здесь, – крикнул он водителю готовой отъехать машины.

Он подбежал к полицейскому; толпа, оттесненная за ограждение, жадно смотрела на происходящее.

– Эй! – крикнул санитар. – Там для вас работенка. Пошли скорее.

Полицейский поспешил за ним.

– Здесь замешан Дэн Паркер, – задыхаясь рассказывал санитар. – Так сказал старик. Здесь все в округе думают, что он немного чокнутый... Но все-таки...

Полицейский наклонился к раненому. В нескольких метрах от них с чудовищным грохотом обвалился кусок стены.

– Так вы говорите, что это Дэн Паркер? – спросил полицейский.

Глаза старика вновь закрылись. Он неопределенно кивнул.

– Взял тридцать восьмой калибр... – прошептал он. – И костюм... Коричневый в полоску... Чтобы пойти к женщине... И мои деньги. Мне должны вернуть мои деньги... Это Дэн Паркер... Все мои деньги...

Полицейский старательно записывал.

– Куда он пошел? – спросил он. – Вы не знаете?

– Он меня ударил... – сказал старик. – Моя голова... мои деньги... коричневый костюм... чтобы пойти к женщине.

– К какой женщине? – настаивал полицейский. Голова старика качалась из стороны в сторону.

– Знаете что? – сказал санитар. – Его нужно отвезти. Иначе он здесь же хлопнется.

– Я к вам подъеду, – сказал полицейский.

«Скорая помощь» резко сорвалась с места.

Крейн хватил кулаком по столу.

– Он ушел у них прямо из-под носа, – сказал он. – Ничего не поделаешь. Опять мы в заднице. Они уже обыскали первые три здания от подвала до чердака и заканчивают четвертое, но его, естественно, не найдут.

Он замолчал. Раздался телефонный звонок. Он выслушал, что-то быстро ответил и положил трубку.

– Ну вот, закончили, – сказал он. – Ничего. Только его куртка и шляпа в одной из верхних комнат последнего здания. Он попросту взял и спустился по лестнице. Нет, ну каково?

Он снова трахнул кулаком по столу – так сильно, что папки посыпались на пол.

– И вы еще будете мне говорить, – возмутился он, – что этот тип не чернее нас с вами.

Купер неловко кивнул:

– Я... Есть доказательства, с которыми не поспоришь. Перепутали.

– Да мне насрать. Почему это перепутали? На кого мы после этого похожи? Это ж надо так охренеть, чтобы заметить это только теперь – теперь, когда поднимется такой галдеж, какой вам и не снился. Скандал будет еще больший, чем в прошлый раз. А после следующего нас всех попрут! Что же это такое? Газеты уже четыре дня роются в этом вдоль и поперек. Они кинулись на это дело о разводе и вообще о браках белых и черных, и вот, что вы мне подсовываете, – что этот тип белый! Но, черт его побери, почему он белый?

– Я в этом не виноват, – сказал Купер. – Я и сам об этом сожалею. Он потерял голову, а ведь можно было избежать второго убийства и всей этой истории. По существу, он, несомненно, спасал свою шкуру. И хороший адвокат мог бы его даже выгородить. Тот тип, Ричард, – всего-навсего шантажист. Но Дэн и сам поверил, что он негр, и если бы не случайность, о которой я вам сказал, никто бы никогда и не узнал, что он белый.

– Черт бы побрал этого говнюка!

Воцарилась тишина. Снова зазвонил телефон.

– Да! – рявкнул Крейн в трубку.

Несколько секунд он слушал.

– Где-где? – пролаял он. – Там? Рядом с этой сучкой?

Купер покраснел и отвел глаза в сторону. Крейн бросил трубку и встал.

– Гоните! Дэн только что подпалил лавку ростовщика в пяти минутах от гостиницы, где живет его жена. Пристукнул старика и вышел оттуда в коричневом костюме в белую полоску. Давайте, чего ждете. Возьмите столько полицейских, сколько вам нужно.

Купер встал и пошел к выходу. Крейн проводил его до двери.

– Постарайтесь, чтобы он не уколошил еще кого-нибудь, – сказал Крейн. – Даже лучше будет выстрелить чуть раньше, чем выстрелит он.

Купер пристально на него посмотрел и опустил глаза. Крейн ухмыльнулся:

– Так вам будет поспокойнее.

Купер сдержал невольное движение и пошел по коридору. Крейн пинком захлопнул за ним дверь и, ворча, уселся за свой стол.

Дэн остановился на пороге, за его спиной закрылись двери лифта. Он посмотрел по сторонам и начал машинально разглаживать выпирающую на поясе рукоятку пистолета.

От мулатки, укрывавшей его в гостинице, он узнал номер комнаты Шейлы. Третья по счету дверь. Пугливо озираясь, с бесконечными предосторожностями, он нерешительно повернул ручку и потянул дверь на себя. Дверь не поддавалась. Он стал дергать сильнее и был уже на грани бешенства, когда понял, что она открывается в другую сторону. Он вошел.

Комната была даже обставлена какой-то мебелью. На окнах висели длинные шторы. Его глаза автоматически отметили, что их можно использовать в качестве укрытия. Окно было открыто. Город сверкал огнями.

Кровать, два кресла, столик и шкаф. Маленькая дверь, по-видимому в ванную.

Дэн прислушался. Ни звука. Никого. В ванной тоже никого. Он бесшумно направился туда, как вдруг услышал в коридоре шаги. Времени не оставалось. Он бросился к окну и спрятался за одной из штор.

Вошла Шейла. Она, наверное, была где-то на этаже. Видеть ее он не мог. Через открытую дверь он услышал, как хлопнула дверь лифта и лифтер позвал Шейлу. Она остановилась. Лифтер передал ей цветы. Она его поблагодарила. В ответ на ее вопрос лифтер описал высокого, крупного мужчину в коричневом костюме. Шейла не знала, кто бы это мог быть. С Шейлой лифтер вел себя фамильярно, но ее это, кажется, не шокировало. Дверь закрылась.

Шейла прошла по комнате, открыла дверь в ванную. Он услышал, как она налила в вазу воды и поставила ее на столик. Она сняла туфли и надела шлепанцы.

Стало тихо. Дэн не осмеливался выглянуть. Теперь он боялся ее испугать. Ожидание становилось бесконечным.

Послышался приближающийся вой полицейской сирены. Дэн осторожно развернулся. Через открытое окно он увидел машину и полицейских на мотоциклах.

Машина остановилась перед гостиницей. Сердце Дэна билось сильнее, но не быстрее, чем обычно. Ему не было страшно.

Присутствие Шейлы его успокаивало. Остаться бы так подольше. Ничего бы не происходило. Все бы уладилось; потом он бы вышел из-за шторы, чтобы принять ее в свои объятия.

В коридоре раздались голоса лифтера и Купера.

Купер вошел и закрыл за собой дверь.

– Ваш муж в гостинице, – объявил он без подготовки. – Он убил человека в лавке неподалеку отсюда. Сюда он вошел в костюме из этого магазина. А лифтер опознал его по фотографии. Здесь его нет?

Шейла слабо вскрикнула. Когда она отвечала, ее голос дрожал.

– Нет!.. Здесь нет!.. Это ужасно... Господин Купер, прошу вас, увезите меня отсюда... Это ужасно... Я... Я зашла в ванную комнату и даже не знала, что он где-то здесь.

Купер быстро вошел в ванную. Он отдернул пластиковую занавеску душа.

– Вы бы его увидели, – сказал он. – Он бы показался. Наверно, он прячется где-то в гостинице. Оставайтесь здесь и никуда не ходите. Со своими людьми я обшарю все здание.

– Я... Я умру от страха, – пролепетала Шейла.

– Не думаю, что вы чем-то рискуете, если он здесь появится, – сказал Купер. – Терпение. Скоро все это закончится.

– Тогда останьтесь со мной, – взмолилась Шейла.

– Не могу, – сказал Купер. – Каждая минута дает ему шанс смыться.

Он стоял рядом с ней, и Дэн понял, что он держит ее за плечи.

– Ну-ну, – сказал Купер. – Я вам сейчас кое-что сообщу, это вас успокоит. Ваш муж не негр.

Я нашел документы, которые это доказывают. Он совершил три убийства, это правда, но хороший адвокат может его частично выгородить. И он не попадет на электрический стул. Может быть, теперь это будет меньше тревожить вашу совесть?

– Не негр? – прошептала Шейла. – Но... Но тогда... Он не убивал... своего брата.

– Никакой это был не брат, – сказал Купер. – Он убил шантажиста. А затем сорвался. Его еще можно вытащить, настаивая, что к убийству его вынудили определенные обстоятельства. – Он помолчал несколько секунд. – Вашему разводу помешать это не должно, – сказал он. – Но... дело упростит.

Он резко обернулся. Что-то зашуршало у окна. Он выхватил револьвер и, услышав крики на улице, бросился к окну.

Я не мог даже пальцем пошевелить. Вошел этот легавый, и я замер за своей шторой. Сделай он шаг в мою сторону, и мне пришлось бы в него выстрелить. А стрелять в него мне не хотелось. Оставалось только ждать.

Может быть, они уйдут, так меня и не заметив. Шейла казалась перепуганной до смерти. Она, наверное, вцепилась в руку легавого, как раньше цеплялась за мою. Я хотел ее видеть, я бы отдал все, что угодно, лишь бы ее увидеть. Теперь, когда он был здесь с нею, я мог бы отодвинуть штору. Но он – полицейский и разыскивает именно меня. Они, наверное, оцепили дом – опять все сначала. Повсюду, куда бы я ни пошел, повсюду, где бы я ни находился, они меня обкладывали и выслеживали, как загнанную на дерево дикую кошку.

Я не слушал, о чем они говорили. Я слышал только их голоса. Потом слова этого легавого вошли мне в мозг раскаленными докрасна стальными иглами. Он сказал, что я белый. После этого я уже вообще ничего не слышал и не видел. Но зато понял, что наделал. Я так долго боялся, я верил, что они меня преследуют. Столько лет я лупил их по роже, пока наконец мне это не опротивело. Я удивлялся, что мне хорошо с ними, что я чувствую себя им ровней. Я вспомнил, что мне ответил однажды в школе негр-одноклассник. Я гордился тем, что был белым. Я спросил у него: «А что меняется, если кожа черная?» У него сразу появилось удивленное, немного смущенное и немного забитое выражение лица. Он чуть не заплакал и ответил: «Ничего не меняется, Дэн, ты же сам это знаешь». И я ударил его, из губы пошла кровь, и он широко раскрыл глаза, ничего не понимая. Как я боялся, когда они только начали принимать меня за белого. Я даже решился на смелый шаг – пошел к ним работать, – и они у меня ничего не спросили – и мало-помалу так все и пошло; и все-таки я хотел им отомстить – от них пахнет особенному, говорят белые, – и я гордился, потому что от меня не пахло. Ну да, свой запах никогда не чувствуешь. Они меня уважали, потому что я был силен, – и я гордился тем, что я силен, как гордился тем, что я белый. Но явился Ричард – все мое детство прошло вместе с ним, это был действительно мой брат, в тот момент я в это верил, – и я убил его. Да, я верил, что он мой брат, когда убивал его. Шейла тоже верила, вне всякого сомнения. Я просто лопался от чванства, когда женился на Шейле, это был реванш, и когда я овладевал ею, это тоже был реванш, и постепенно я стал белым – и нужны были годы, чтобы стерлась этикетка, – а тут... Стоило Ричарду только появиться, и я снова поверил, что я негр. И еще эти девки, Энн и Салли, но я бы не стал импотентом, если бы не поверил, что во мне течет негритянская кровь и что надо убить Ричарда. А стоило мне предупредить полицию – и они бы нашли документы и доказали, что я белый. И Ричард убрался бы восвояси.

Я убил Ричарда впустую. Напрасно его кости хрустели в моих руках. И я убил девицу – одним ударом кулака. Умер и ростовщик – и тоже впустую, по-глупому, – он, наверное, сгорел живьем. Напрасно я убивал их всех. И я потерял Шейлу. Они оцепляют гостиницу.

Он сказал, что это упростит дело. Но есть и другие способы все упростить.

Казалось, что Дэн вынырнул из сновидения. Медленно и неумолимо он перешагнул подоконник, пригнувшись, чтобы пройти под оконной рамой. Далеко внизу он увидел на мостовой плотную группу людей и инстинктивно сжался, чтобы их не задеть. Его тело перевернулось в воздухе с неуклюжей грацией лягушки и разбилось о твердый асфальт.

Пока полиция не унесла тело, внештатный фотограф Макс Клейн успел сделать лучший за всю свою карьеру снимок. Фотография появилась в «Лайф» спустя несколько дней. Классная фотка.

1947

notes

Вышибала (англ.).